Владимир
Мацкевич

ОТВЕЧАЯ ЗА СЕБЯ

записки философа
с вредным характером

Владимир
Мацкевич

ОТВЕЧАЯ ЗА СЕБЯ

Записки философа
с вредным характером

Книги построена на основе записей Владимира Мацкевича в Фейсбуке в период с февраля по май 2019 года. Это живой, прямой разговор философа с самим собой, с политиками, гражданскими активистами. В книгу включены размышления о месте интеллектуала в политических события, анализ беларусского политического и информационного пространства. Книга предназначена для всех, кто интересуется политической и интеллектуальной жизнью Беларуси в XXI столетии.

ISBN 978-609-96268-0-2

Мацкевич, В. Отвечая за себя. Записки философа с вредным характером [Электронный ресурс] / В. Мацкевич ; ред. Т. Водолажская ; кор. М. Хрусталева. Электрон. текстовые дан. (1 файл). — Вильнюс : Летучий университет, 2021

Редактор: Татьяна Водолажская
Корректор: Мария Хрусталева
Обложка: Владимир Цеслер

Оглавление

Предисловие редактора

От политиков ждут решений и действий, от аналитиков — разъяснений и прогнозов, от поэтов — вдохновения. А чего ждут от философов в ситуации общественных изменений, в ситуации революции? Называя что-то философским — будь то высказывание, оценка, рассуждение или предложение, — в таких условиях чаще всего подчеркивают их абстрактность, удаленность от реальности и даже неадекватность.

Владимир Мацкевич если не единственный, то точно самый яркий и громкий философ и методолог, который отстаивает и манифестирует позицию мыслителя в общественных трансформациях не просто как нужную или полезную, но как ключевую.

«Ни одна революция невозможна без современной и одновременной ей философии» — утверждает он, и год за годом выстраивает социальную позицию философа и методолога собственными действиями.

2019 год стал для Беларуси временем обострения многих политических и общественных процессов, что и привело к революционной ситуации. С самого начала года в СМИ начали обсуждать вопрос «углубленной интеграции». Угроза независимости страны стала реальной и взывала к действиям. Владимир Мацкевич откликнулся на неё кампанией «Свежий ветер». В 2020 году состоялись очередные президентские выборы, и подготовка к ним

снова запустила острые дискуссии. И здесь у Владимира было собственное предложение, которое продолжало и развивало его идеи преобразования страны.

Но кто станет слушать философа и методолога? Его голос теряется в хоре разных голосов: публицистов, политиков, активистов, аналитиков. Чем он отличается от остальных?

В 2019 году на своей странице в «Фейсбуке» Владимир Мацкевич задается вопросом: «Где место философа в общественных трансформациях? Что и как он делает?»

Его личная история, история интеллектуальной работы в общественных преобразованиях, становится преамбулой к ответу на эти вопросы. Место философа, считает Мацкевич, — на «передовой», в самых острых ситуациях политического и общественного конфликта. И это не просто теоретическое рассуждение, а действия публичного интеллектуала: открытое письмо к президенту, критика позиций оппонентов и дискуссии с ними.

Эта книга сложилась на основе записей Владимира Мацкевича в «Фейсбуке», которые публиковались как серия рассуждений в период с февраля по май 2019 года. Это живой, прямой разговор философа с самим собой, с политиками, гражданскими активистами и всеми, кто готов его услышать и понять.

Татьяна Водолажская

I

Моё место силы

Где должен быть философ в той или иной ситуации — с учётом своих собственных установок и внешних обстоятельств?

Предположим, страна (или не страна, а глобальный мир, но пока я ограничусь таким масштабом) в опасности: где должен быть философ?

Предположим, страна процветает и бурно развивается: где должен быть философ?

Где — это обобщённое вопрошание, обеднённое. Я бы включал дополнительные вопросительные слова:

— где должен быть философ в тот или иной момент-эпоху (его место в жизни и в обществе);

— кем должен быть философ (деятельностная и социальная позиции);

— что он должен/обязан делать, что он может делать (его миссия и призвание);

— с кем должен быть философ (кто его собеседники, оппоненты, враги, соратники).

Философы — самые свободные люди в мире. Платона дважды продавали в рабство, но он оставался Платоном.

Северин Боэций свой главный труд написал в тюрьме.

Марк Аврелий был императором Римской империи.

Философ может оставаться философом в богатстве и бедности, на троне и в заключении, при демократии и тирании. Но, прежде чем оставаться философом, им надо стать. Уже став философом, можно оставаться свободным в любых условиях, но для становления философа нужны специфические условия. Одного желания тут мало.

Философ сам определяет своё место в жизни, способ действия и поведения, свою миссию и функцию. Но его возможности ограничены

внешним миром.

Внешний мир существует, и философ над ним не властен. Так же, как и поэт. У Анны Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

Философ волею обстоятельств может оказаться там, где не хотел бы. В ГУЛАГе, на борту «философского парохода», в изгнании, на троне. Некоторых обстоятельства могут принудить стать ректором университета, как Хайдеггера. И это совсем не то ректорство, как у Фихте или Дьюи.

Не только Платона пытались продать в рабство. В наше время такие попытки тоже случаются.

Но философ в таких случаях должен вести себя, как Эзоп. Выставленный на продажу на невольничьем рынке, он кричал: «Купите себе хозяина!»

Со мной однажды был похожий случай. Андрей Климов собирался идти в президенты, звал разных людей в свою команду. И меня тоже. Я соглашался при одном условии: «Андрей, я готов работать на вас, если вы будете меня во всём слушаться и делать то, что я скажу». Сделка не состоялась.

То же самое я говорил Милинкевичу в 2005 году.

Правда, философ не командует, не господствует, не приказывает. Философ ПРАВИТ. ПРАВит — в смысле исПРАВляет, выПРАВляет, изредка уПРАВляет. Это как косец правит косу. И делает он это в разговоре, и никак иначе.

Одно из главных дел философа — исПРАВление имён.

Это то, что он должен делать в любых условиях и обстоятельствах, где бы и когда ни находился, с кем бы ни разговаривал. Поскольку «если имена утратили своё значение, народ теряет свою свободу».

Философ может пытаться сохранять свою свободу, наплевав на свободу народа, но тогда он перестаёт быть философом.

Но я забежал далеко вперёд. А надо бы по порядку: где, кто, что, с кем.

***

Самый простой ответ на вопрос, где находится философ, — это адрес: место на карте, место в пространстве. Например, я в Минске, я в Беларуси.

Но такой ответ не устроит философа. И он не про философа. И не только потому, что Минск большой, а место философа, как думают некоторые, в университете, в академии наук или в чём-то подобном. Всё ещё сложнее.

Михаил Бахтин жил в Витебске, где тогда не было университета, и он ему не был нужен. Нужен ли был Бахтину Витебск?

Бахтин жил в особом пространстве и времени. Он сам придумал имя для этого — хронотоп, этакий художественно-гуманитарный аналог пространственно-временного континуума в физике. В хронотопе Бахтина соседствовали французские средневековые карнавалы и древнеримские сатурналии. И беседовал он с Апулеем, Франсуа Рабле и Достоевским.

Хронотоп — вот где обитает философ, здесь его следует искать. Хронотоп — это особое пространство, в котором время течёт особым образом. И если Афины, Рим, Париж и Франкфурт присутствуют в философском хронотопе, то уместен ли там Минск?

А почему бы и нет?!

Жили же в Минске Георгий Александров, Вячеслав Стёпин, здесь был написан и издан первый в мире учебник диамата. Неважно, какая это философия — диамат, речь сейчас о другом.

Может ли Минск быть местом обитания философа?

Или так — уМЕСТен ли философ в Минске?

Вот что значит Минск для Вячеслава Стёпина? Повлияло ли это место хоть как-то на его философию и методологию науки?

Может быть, Минск — это всего лишь случайное место жительства Стёпина. Я не стану настаивать на этой версии. Никогда со Стёпиным

не разговаривал, не спрашивал. А вот Москва его ждала, приняла, там он был уМЕСТнее.

В Минске же даже следов пребывания Стёпина не найти. Как в Витебске следов Михаила Бахтина, а в Гомеле — Льва Выготского.

Гораздо больший след оставил в Минске Николай Круковский. Когда-то мне пришлось спорить с ним, тогда он заявил, что его корни как философа «у беларускай вёсцы».

Но в деревне философу не место. Бывало, что состоявшиеся философы уезжали в деревню: Фейербах, Шопенгауэр, Хайдеггер. Но философами они становились в городах. И оттуда могли уехать в деревню. Противоположный путь невозможен. Нельзя стать философом в деревне и потом переехать в город.

Зачем Круковскому был нужен Минск? Я не знаю. Он свернул наш спор, и мы к этому больше не возвращались.

Минск — место Кима Хадеева. Но был ли Ким философом? Я не берусь об этом судить. Сомневаюсь. Но сомнение — обычное состояние философа.

Отдельного разговора заслуживает вопрос о том, как соотносятся Минск и Беларусь.

Для Николая Круковского и Валентина Акудовича эти два места слиты и неразделимы.

А для Стёпина? Если я подозреваю, что Минск был для Стёпина случайным промежуточным адресом, то замечал ли он Беларусь, и вовсе непонятно.

Для многих Минск — это провинциальный город русского мира.

И для тех, кто считает себя философами, тоже. Во всяком случае, так я понял Анатолия Михайлова, когда много общался с ним в 1990-е годы. Возможно, к 2003 году его восприятие и отношение изменилось. Но меня к тому времени уже не пускали на порог ЕГУ, а потом и сам ЕГУ со всеми его философами изгнали из Минска.

Так может ли быть Минск местом для философа? Местом философствования?

Что бы там ни говорили наши авторитеты, философия в Минске есть. Это я как философ могу утверждать. И беларусские философы

по-разному отвечают на эти вопросы. Ну и пусть отвечают сами, а я буду отвечать только за себя.

Я становился философом в Москве, в Московском методологическом кружке. Москва была моим местом с момента знакомства с Георгием Щедровицким в 1978 году, хотя жил я тогда в Ленинграде.

Потом я жил в Вильнюсе и Риге. Но философом и методологом я был в Москве.

Там мне было место, там были работа, друзья, коллеги, собеседники. В конце концов я туда переехал и мог бы оставаться. Для этого там были все условия. Мне никому ничего не нужно было доказывать.

Но я выбрал Минск.

Минск — моё место, место моего философствования. Раньше я никогда не жил в Минске, но Минск — это Беларусь. А Беларусь — это объект моей любви, моя судьба, предмет моих размышлений. Что я и зафиксировал в своей философско-методологической программе «Думать Беларусь».

Здесь, в Минске, я потерял всё, что мог иметь в Москве. Не только и не столько в материальном смысле, хотя и это немаловажно. Важнее философская школа — Московский методологический кружок. Это место высокой плотности, напряжённости и интенсивности мышления, каковые редко встречается в истории философии, и существует ли нечто подобное где-то в современном мире, я не уверен.

Но я приобрёл нечто большее. Мистики, вслед за Кастанедой, назвали бы это приобретение местом силы.

Минск — моё место силы.

Это не место жительства. Это доступ ко всему, что меня интересует, волнует, занимает всё моё сознание.

Я не просто живу и работаю в Минске.

Я ДОЛЖЕН быть здесь.

Но всё равно это всего лишь место в пространстве.

Место, ГДЕ должен быть философ, определяется не географическим пространством. Важнее место в деятельности.

Есть ли место философу в политике?

А в культуре? В бизнесе?

Мне постоянно приходится сталкиваться с попытками указать мне моё место.

Мне говорят:

— Не лезь в политику! Тебе там не место, занимайся своими делами!

— Тебе не место в бизнесе, там не нужна философия.

Даже уважаемый Валентин Акудович заявил вслух: «Люблю Мацкевича-философа и не люблю Мацкевича-политика!»

Я уже не раз говорил, что я не политик: я занимаюсь политикой как философ. Но это пропускается мимо ушей. Распространено мнение, что политика — недостойное занятие для философа.

Но был бы я философом, если бы ориентировался на чужие мнения?

Философ слушается только своей философии.

А моя философия призывает меня в политику.

Да, моё место, как философа, — Минск, Беларусь, политика.

Культурная политика.

А программа Культурной политики (это вид, ракурс, форма представления моей философии) содержит в себе триаду: Университет — Партия — Газета.

В расширенном смысле это Образование — Политика — Медиасфера.

Но сейчас я не стану это раскрывать и расшифровывать, здесь это неуМЕСТно.

Мне нужно уточнить, ГДЕ должен находиться философ в Беларуси, в Минске, в политике!..

Во всех процессах, которые меня касаются.

ГДЕ?

Конечно же, философ должен быть «здесь и сейчас», но где:

— впереди?

— сбоку, с краю?
— сверху?
— вовне?
— во глубине?
— в эмпиреях, вещать с облаков?
— в Москве, в Париже, во Франкфурте?

***

Когда фэншуй ещё не был моден в наших краях, вместо китайских премудростей и церемоний беларусы использовали собак и кошек. Собаки и кошки ищут себе удобные места. Там, где любит лежать собака, — место с позитивной энергетикой, кошки же выбирают места с энергетикой негативной.

Не так-то просто найти своё место в жизни, в деятельности, в обществе.

Дети иногда начинают суетиться от скуки, и бабушка мне в таких случаях говорила: «Что ты места себе не находишь!» Найти и определить своё, и только своё, место — одна из важнейших задач любого человека.

Я всегда знал, что моё место — это Беларусь. Учился на психолога в Ленинграде, хотел по окончании факультета получить диплом и работать в Беларуси. Искал себе место. Психологи в те времена были редкостью, почти никто не знал, зачем и кому они нужны — не то, что теперь. Теперь уже я не знаю, зачем и кому они нужны, так много их стало.

Я пытался организовать себе распределение в Беларусь. Но была одна сложность.

Я хотел заниматься наукой или инженерией (писал диплом по инженерной психологии) и именно в Беларуси.

Попытался найти себе место в Гродно, в городе моего детства: там пединститут преобразовывали в университет, открывали кафедру психологии. Я приехал на психологическую конференцию, которую под создание кафедры организовывала профессор Светлана Кондратьева. Посмотрел на всё, поговорил и увидел, что это совсем не университет.

Не могу сказать, что я тогда всё понимал про университет. Разбираться и понимать я стал много позже. Но уже имел некоторой опыт и мог сравнивать. Я учился в Ленинградском университете.

Активно работая в СНО, побывал в Московском, Киевском, Тартусском университетах. Был на стажировке в ГДР, познакомился с Лейпцигским, Берлинским, Иенским, Дрезденским университетами. Конечно, все университеты ГДР переживали не лучшие времена. Но всё же мне было с чем сравнивать. То, что делали из Гродненского пединститута, никак не походило на университет. И наукой там заниматься было невозможно.

Нужно было выбирать, что мне ценнее: Наука или Беларусь? Я не мог отказаться ни от одной из этих ценностей. Поэтому попытался зайти с другой стороны.

Я съездил в Минск в беларусский филиал ВНИИТЭ, там работал профессор Исаак Розет, он занимался интересовавшими меня темами. Но там не было мест.

Я выбрал науку психологию. Это тоже было непросто. Во всём СССР этой наукой можно было заниматься всего в нескольких местах. Попасть в эти места можно было по блату или медленно, шаг за шагом, выстраивая себе карьеру.

Но у меня был ориентир — ММК (Московский методологический кружок). Я тогда ещё не был ни философом, ни методологом, но знал, куда и как двигаться.

Я не был готов к автономному существованию, у меня не было иллюзий, что я смогу заниматься наукой или инженерией там, где их нет. На одной из конференций на мой доклад обратил внимание психолог из Вильнюса и предложил работу. Я согласился, тем более что это почти Беларусь. Завод прислал в университет заявку на меня и даже представителя на процедуру распределения. И я поехал в Вильнюс на завод радиоизмерительных приборов в отдел технической эстетики (так в СССР называлась эргономика и промышленный дизайн). Но завод оказался «номерным», то есть секретным. Для работы требовался допуск КГБ. Видимо, я уже тогда был неблагонадёжным — мне не дали допуска, распределение было аннулировано, и через восемь месяцев я вернулся в Ленинград, поскольку я там всё знал и рассчитывал устроиться.

Несколько месяцев безработицы, последующие несколько лет работы в ЛИИЖТе, на первой в СССР гуманитарной (не идеологической, такие были всегда и везде) кафедре в техническом вузе — кафедре прикладной психологии, социологии и педагогики. Это был отличный опыт.

После 11 лет жизни в Ленинграде я уехал в Латвию, в Лиепаю. Захотелось тихой жизни у моря. Но тихой жизни мне хватило ровно на полгода, потом я больше времени проводил в Риге, чем в Лиепае. Рига стала почти родным городом. Там я обрёл самостоятельность и самодостаточность. Но жил я не только в Риге.

Георгий Петрович Щедровицкий принял меня в свою команду, и игры — ОДИ (организационно-деятельностные игры[1]) — стали моим главным делом. Из Риги я летал по всему Советскому Союзу: от Сахалина до Закарпатья, от Армении до Республики Коми. Был игротехником и методологом в играх Георгия Петровича, работал с другими методологами в их проектах, сам проводил ОДИ. Никогда, ни до того, ни после, я не проводил столько времени в самолётах и поездах.

Союз распался, Латвия стала жить своей жизнью. И я уехал в Москву, город для меня чужой и нелюбимый. Работа там была, я был востребован, хотя основные заказы и проекты были в Красноярске, Твери и Калининграде, изредка что-то делал в других городах с другими методологами.

На одной из ОДИ в 1993 году появились люди из Минска и предложили поработать на реформу образования в Беларуси. Меня пригласили в Минск. Это было именно то, чего я хотел.

Но пригласили как московского эксперта. Что такое методолог и кто такие методологи, в Минске почти никто не знал. Как московского эксперта, меня встречали в высоких кабинетах, мне были открыты все двери. Наездами между командировками по своим проектам я провёл в Минске месяцев восемь-девять, пока не решил остаться навсегда.

Отношение ко мне быстро изменилось. Если мне платили за консультации, лекции, проекты как московскому заезжему эксперту,

то как «тутэйшаму» мне платить не собирались. Это было не принято в Минске.

Я остался в Минске, где не было места методологу. Но я уже чувствовал в себе силы, у меня был опыт, я был готов начинать всё с нуля, один.

То есть не совсем сам и один. Мне нужна была команда: сотрудники, помощники. Но я мог их собирать.

Сначала я организовал АГТ — «Агентство Гуманитарных Технологий». Сразу в двух видах: как НГО, чтобы реализовать то, что я хочу и должен делать, и как ООО, чтобы зарабатывать деньги на собственные проекты и замыслы.

Так вот. Я приехал жить в Минск, в Беларусь, новую независимую страну, в которой всё нужно было делать почти с нуля.

Работы было невпроворот. Но я видел, что эту работу делать некому, и почти никто не понимает, что нужно делать.

Самая первая проблема состояла в том, что жить в Минске было ГДЕ, но ГДЕ работать? Места в Минске для методолога просто не существовало. Его нужно было создать. И я начал его создавать.

Создание места для себя, чтобы было ГДЕ существовать методологу и философу, — это особая и весьма специфическая задача. Ушло лет десять на то, чтобы в стране выучили слово «методолог». Правда, так и не выучили слово «методология».

С философией было немного проще. В Минске ещё помнили Стёпина, и его место в БГУ ещё «не остыло». Но из БГУ уже изгнали А. Михайлова вместе с группой других философов (В. Дунаев, Н. Семёнов — это те, с кем я знаком; и ещё нескольких). Они начали делать ЕГУ — очень интересный и перспективный замысел и проект. С Михайловым мы даже пытались сблизиться, но ничего не получилось. И это особая история, но о ней как-нибудь в другой раз.

Места для академических философов и преподавателей существовали в вузах и в НАН с советских времён. Группе Анатолия Михайлова в БГУ места всё же не нашлось — как и раньше многим философам. Стёпин уехал в Москву, Лебедев — в Америку. Михайлов же ориентировался на европейские образцы, смотрел на Запад. Он

был активен, имел хорошие связи в правительстве, в православной церкви, получил доступ к Фонду Сороса — и стал делать ЕГУ. Вокруг него образовался круг молодых и перспективных людей. Некоторые из них выросли в очень хороших философов, например, Владимир Фурс и Татьяна Щитцова.

Место для философа в Беларуси обустраивали и другие активные и выдающиеся люди. Это Игорь Бабков, Алесь Антипенко, Валентин Акудович. Они стали делать первый не казённый, а живой и содержательный философский журнал «Фрагменты».

Потом я познакомился с Владимиром Абушенко, а он свёл нас с Александром Грицановым.

Философия в Беларуси возникла и начала развиваться. Медленно, кривовато, но начала. И сейчас она есть.

Есть и философия, и места для философов. Правда, не в БГУ и других вузах, не в ИФ НАН: там по-прежнему царит казёнщина и квазидиаматческая и истматческая схоластика с лёгким налётом постмодернизма.

Философы в Беларуси существуют независимо от официальных структур. Хорошо, что они есть, хотя некоторые предпочитают их не видеть. Но даже создав себе место в стране, философы никому не нужны, кроме самих себя. Их существование просто терпят, но и на их место никто не претендует. Это место нельзя назвать привлекательным и завидным.

А вот с методологией всё сложнее.

Методологическое движение, которое в годы перестройки росло очень динамично (методологами называли себя полторы-две тысячи людей), к концу 1990-х годов пошло на спад. Сейчас методологией занимаются всего лишь несколько человек во всех постсоветских странах. Даже в Москве, где возник ММК, почти всё распалось. Многие методологи и методологизированные профессионалы сделали карьеры, были министрами и вице-премьерами в России. Кого-то безосновательно причисляли к движению противники и оппоненты. Кого-то можно найти за пределами Москвы — в Киеве, в Тольятти. Помнят о методологах и их делах в Риге, Томске и

некоторых сибирских городах. Но о былом движении уже речи быть не может.

В Минске через методологический семинар прошли уже три поколения. Но остались в методологии всего несколько человек. Все они помещаются в маленькой семинарской комнате. Семинар продолжает своё существование уже 25 лет и собирается каждую неделю.

Ясно и категорично отвечаю на вопрос, поставленный вначале:

— **Где должен быть философ?**

— **На семинаре!**

Если это философ-методолог, то есть развивающий особое направление современной философии — СМД-методологию.

Для философов других направлений могут быть свои семинары. Но я не знаю таких, которые длились бы четверть века подряд с такой регулярностью и интенсивностью.

Но и это ещё далеко не окончательный ответ на вопрос: «Где должен быть философ в той или иной ситуации с учётом своих собственных установок и внешних обстоятельств?»

Где-где? На белом коне!

Примечания

1 Организационно-деятельностные игры (ОДИ) — разработанная в московском методологическом кружке форма организации коллективного мышления и деятельности. Первая организационно-деятельностная игра состоялась в 1979 г. в Уральском филиале ВНИИТЭ (Всесоюзный научно-исследовательской институт технической эстетики). — *Прим. ред.*

***

«Философа на белом коне» я задумал, чтобы объяснить своим друзьям (не путать с фейсбучными френдами), почему и зачем я спорю с некоторыми людьми, которые всё равно не поймут того, что им говорят. Либо не хотят понимать, либо неспособны.

На самом деле я и не надеюсь и не собираюсь им объяснять что-то. Я спорю с дураками потому, что умные это читают. Но молча.

Я не могу и не умею понимать молчание и не умею отвечать на молчание.

Я не умею отвечать и на согласие. Согласие означает конец разговора.

Но всё ещё хуже.

Я не вижу особой разницы между дураками и умными.

Не в «Фейсбуке», а в реальной педагогической практике я убеждался в наличии некоторых препятствий в понимании, которые молчаливые умники в себе просто не замечают и не показывают своего непонимания.

Понятным эти препятствия становятся только тогда, когда их озвучивают дураки. И вот разбирая и объясняя что-то дуракам, удаётся показать умным то, чего они не понимают. Дураки так и остаются непонимающими, а умные на этом чему-то учатся.

Правда, понимая всё больше и больше, умные уже меня самого считают дураком. И даже обижаются на то, что я так много внимания уделяю дуракам и так мало разговариваю с ними, умными.

Умники, я не буду с вами разговаривать по собственной инициативе.

Если вы такие умные — говорите сами.

Но вы же молчите!

О чём с вами разговаривать?

Всё знаете, всё понимаете!

И молчите.

Молчите о «выборах». Вам же всё понятно, всё ясно, и на «выборы» вы не пойдёте.

И чувствуете себя в десятки раз умнее, когда читаете или слышите, что мне дураки возражают. Вы довольны собой.

Молчите об угрозе продажи суверенитета страны, потому что «знаете, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Но вы забыли про Крым и Донбасс!

Этого тоже не могло быть, потому что этого не могло быть никогда.

Но оно случилось. И есть.

***

Я нашёл своё место в жизни. Это Минск и Беларусь.

Я создал себе рабочее место, ни у кого не спрашивая разрешения, — АГТ.

Организовал вокруг себя группу коллег, сотрудников, учеников.

Огородил это место в правовом, экономическом, социальном и организационном смысле и повесил шильду:

«Методолог».

Это место методолога, оно занято, здесь действуют свои правила и нормы, и с чужим уставом в это место вход запрещён.

К такому месту есть специальные требования:

— с этого места должен быть доступен объект моего интереса и предмет деятельности;

— в этом месте должны быть сосредоточены самые достоверные и современные знания об объекте и предмете;

— это место должно быть обеспечено всеми необходимыми методами, средствами и инструментами взаимодействия с объектом и предметом деятельности и средствами воздействия на объект.

1. **Что является объектом моего интереса?**

— Беларусь.

2. **И что же это такое?**

— Беларусь — суверенное государство. То есть — самоуправляемая нация, хозяйство, территория, население, наследие и всё, что входит в понятие суверенного государства и страны.

Вот из этого и исходил.

3. **А что я знаю об объекте своего интереса?**

— Ничего. Именно из этого ответа я исходил в самом начале своей деятельности, обустроив себе место в стране.

То есть я что-то, конечно, знал. Я знал историю, культуру, некоторых людей, что-то читал, слушал.

Но всё, что я знал, — это про то, что было. Про перестроечные Вандею, про БССР, про БНР, про Северо-Западный край Российской империи, про ВКЛ и глубокую древность.

А суверенное государство Республика Беларусь существует всего три года, и про неё я не знаю ничего, кроме личных наблюдений, рассказов родителей, живущих в Гродно, и рассуждений своих новых знакомых.

То есть ничего.

Беларусь — Terra incognita.

А если это так, то из объекта моего интереса Беларусь становится предметом познания.

4. **Как я буду познавать Беларусь?**

— Я методолог. Определив Беларусь как предмет познания, я разрабатываю метод познания. Пишу книгу «Беларусь вопреки очевидности», объявляю Urbi et Orbi свои намерения, свои амбиции, свои планы, свой подход. И метафорически формулирую это как императив: **«Думать Беларусь!»**

Объявил и объявил. Те, кто читал и знакомился, пожимали плечами и говорили примерно так: «Это твоё дело, нас это не касается, да и не поняли мы ничего».

Мне, конечно же, хотелось другой реакции на мою книгу. Но я получил на неё отзыв от одного из самых уважаемых мною методологов героического периода ММК Олега Игоревича Генисаретского. Он сказал, что книга гениальная, и мне этого было более чем достаточно, чтобы ни говорили другие.

А другие мне говорили:

— Хочешь думать Беларусь — думай! А мы будем делать!

— Как же вы будете её делать, если это Terra incognita? Что можно делать с тем, чего мы не знаем?

— Это ты не знаешь, маскаль и прыхадзень! А мы тут жили всегда и живём, мы всё знаем.

«И правда ведь, — думаю я. — Это я не знаю, а они знают больше и лучше».

Это я положил для себя объект Беларусь предметом познания, а для них она предмет управления и преобразования. Надо узнать всё, что знают они.

И не только то, что они знают про Беларусь, — объект моего пристального интереса, но и то, что они собираются и планируют с ней, Беларусью, делать. Мне это крайне важно, ведь у меня тоже есть планы и намерения.

И я начинаю собирать знания других людей, выяснять их планы и намерения.

Я всерьёз отношусь к познанию.

И ни в коем случае не могу ограничиться в познании своим личным опытом, ограниченными субъективными знаниями.

Познание — это дело человечества, ну и сообществ, как больших — нации, так и поменьше — научного сообщества, различных профессиональных сообществ.

Мне нужно было объективное знание.

Объективное знание о природе содержится в естественных науках.

Но Беларусь — не природа. Это интенциональный рефлексивный объект.

Что есть объективное знание о гуманитарных, то есть интенциональных и рефлексивных, объектах — это проблема философии и методологии последних полутора сотен лет.

Тут я стою на прочных основаниях СМД-методологии, на самой разработанной методологии в этом отношении. И желающие могут ознакомиться с этими основаниями, если захотят.

Я начинаю знакомиться со всеми учреждениями, структурами, отдельными людьми, у которых я могу получить нужное мне знание, чтобы от достигнутого двигаться дальше и глубже.

1994 год был для меня рекордным по количеству новых знакомств.

Я познакомился практически со всеми в Минске, кто мог быть обладателем необходимого мне знания.

5. **Итак, что мне необходимо?**

Объективное знание (что есть современная Беларусь).

Объективное знание может быть у тех, кто занимается чистым мышлением, а это, во-первых, философы, во-вторых, учёные социальных и гуманитарных дисциплин: социологи, экономисты, политологи, культурологи. Историки, литературоведы, психологи и прочие дисциплины я в тот период оставил за скобками своего интереса.

Практическое знание (кто и что с ней делает или собирается делать). Практическое знание следует искать у политиков, реформаторов в разных областях, предпринимателей и бизнесменов.

В общем, у меня было широкое поле поиска и очень высокие строгие требования.

Я не пренебрегал ничем, искал в традиционных областях (вузы и НИИ), перебрал всех неформалов — от заслуженных учёных и академиков до начинающих и делающих первые шаги.

Не стану рассказывать о том, как я это всё искал. Тут нет ничего хитрого. Я работал с библиотеками и прессой, ходил на все конференции, конгрессы и съезды, а если они были закрытыми, искал тех, кто мне сделает пропуск или приглашение.

Я раскинул широкую сеть, просил всех участников семинаров искать и приносить мне информацию. Члены АГТ были внедрены в разные сферы:

Сергей Козловский в чиновничьей среде, общался с Совмином, был взят Мясниковичем возглавить аналитический отдел администрации президента в 1997 году.

Володя Алейник приносил связи из сферы бизнеса.

Павел Шеремет делал стремительную карьеру в СМИ.

В сфере образования было очень много людей из семинара.

Политикой и политиками я занимался сам.

К 1997 году я знал всё, что знали другие, я знал больше про Беларусь, чем кто бы то ни было в стране.

И от этого знания было много печали.

Но по порядку.

Философия

Те из философов, кто хоть что-то понимал про мышление, совсем ничего не знали про Беларусь. Это было большим разочарованием. Анатолий Арсеньевич Михайлов с полным пренебрежением относился к Беларуси, к стране, к культуре, к нации. И в ЕГУ до 2002–2003 года Беларусь не была не только предметом исследования и анализа, но даже объектом интереса. Ко времени изгнания ЕГУ под внешним давлением начал хоть как-то проявлять интерес к стране, где существовал. Доноры объяснили Михайлову, что русский университет в Беларуси никому не интересен, даже если его назвать Европейским.

Были философы, глубоко интересовавшиеся Беларусью. Но, к моему глубокому изумлению и разочарованию, они были увлечены либо постмодернизмом, подрывающим все основы объективного знания, либо модными восточными учениями, склонявшими их к самокопанию.

Я не пропускал академиков Евгения Бобосова и Радима Горецкого. Если мне называли Николая Круковского, я шёл к Круковскому, называли Льва Кривицкого — я находил Кривицкого.

К Киму Хадееву меня привели в обязательном порядке.

Короче, от философов — что официальных, что новых и независимых — толку было мало.

Но я не терял интереса и использовал сетевые инструменты.

Я входил в совет программы по гуманитарным наукам Фонда Сороса: туда стекалась информация об философах и учёных, которую нигде больше найти нельзя. Все новинки литературы были мне через это доступны.

А когда я включился в работу Александра Грицанова над философским словарём, я мог с чистой совестью сказать: в этой сфере в стране я видел и знаю всё!

Социология

Сначала я прочёл все статьи по социологии за последние годы. Чуть-чуть меня зацепил Александр Данилов. Но интерес представляли Олег Манаев (НИСЭПИ) и Андрей Вардоматский (в 1994 году его команда называлась «Аксеометрическая лаборатория НОВАК»).

Естественно, я познакомился с ними и получал все их отчёты.

Манаева даже включил в редколлегию журнала, который собирался издавать.

Правда, с Манаевым первоначально складывались конфликтные отношения, пока он был председателем правления Фонда Сороса.

Некий материал у «Новака» и НИСЭПИ был, а большего от них ожидать не приходилось.

Уже позже мне помогала дружба с Владимиром Абушенко, который с 2001 года стал замом директора Института социологии. В конце концов, я увёл из его института трёх самых перспективных и талантливых сотрудников, которые там бы деградировали. Двое из них работают со мной до сих пор, это Татьяна Водолажская и Оксана Шелест. И уже по моей программе исследований.

В общем, социология мне всегда помогала, но не очень глубоко и содержательно.

Экономика

Я читал всех экономистов. Алейник и Шеремет свели меня с Павлом Данейко.

С Михаилом Ковалёвым, будущим деканом экономического факультета БГУ, мы работали над одним проектом Фонда Сороса. Не буду называть всех экономистов, с которыми мне пришлось разбираться. Отмечу только тех, кто меня действительно заинтересовал.

Эдуард Эйдин, который вместе с Кимом Хадеевым готовил проект экономической реформы для Совмина по заказу министра Леонова.

Александр Обухович, который совсем недавно отсидел три года в московской тюрьме, имел оригинальные взгляды на реформу.

Попал в поле моего зрения и Ярослав Романчук. Кажется, я впервые вытащил его в эфир телевидения.

Но самую ценную информацию по экономике я получал от Петра Марцева.

Он знал почти всё, а чего не знал сам, всегда мог узнать по моей просьбе.

Бизнес

От бизнесменов и предпринимателей информацию просто так не получишь. То, что мне удавалось узнать, я получал, оказывая консалтинговые услуги. Но такие проекты у меня были только в 1994–1995 и в 2000–2003 годах.

Кое-что получалось с теми бизнесменами, предпринимателями и директорами крупных госпредприятий, которые участвовали в политике. От Пупейко и Шлындикова до нескольких разорившихся бизнесменов, ушедших в политику. Это не только знаменитый Андрей Климов, но и Сергей Скребец, некоторые другие.

Политология

Честно говоря, к политологии в 1990-е годы я относился с большим недоверием. Но на всякий случай проверил всех политологов, чьи имена появлялись в прессе или на конференциях. С. Наумова, И. Бугрова, В. Ровдо, В. Чернов, В. Бобрович... Не говоря уж о публицистах — таких как Валерий Карбалевич, Александр Улитёнок, Павел Якубович и др.

Ничего из этого не привлекло моего внимания. Когда стало понятно, что публицисты и журналисты-комментаторы знают про Беларусь и понимают больше политологов, я почти потерял интерес к этой дисциплине.

Но в конце 1990-х несколько студентов сами пришли ко мне учиться. Андрей Егоров, Андрей Казакевич, Наталья Василевич. Вместе с другими людьми этого поколения они начали делать более-менее современную политологию.

Политика и политики. Ну об этом я и так много рассказываю.

Про образование и культуру напишу в другой раз. Но это не точно.

В итоге что я имею?

Ни одна из наук и дисциплин не удовлетворяла моим требованиям.

Мне приходилось всё проверять и перепроверять, и всё, что не отвечало предъявляемым требованиям, приходилось восполнять собственными исследованиями и разработками.

А поскольку никому, кроме меня самого, всё это познание и все эти строгие требования не были нужны, мне приходилось сначала добывать средства на свои исследования.

Это было непросто.

Но разговор не об этом.

Итак: **ГДЕ должен быть философ с такими амбициями, запросами, претензиями и требованиями?**

Ясно где! **На переднем крае познания** — и в философии, и в соответствующих дисциплинах.

То есть впереди, на белом коне.

Но и это ещё не всё, что требуется знать о том, ГДЕ должен находиться философ в критические для страны и человечества дни.

***

Вначале всё было просто. К 1994 году в стране практически не было исследований современности. Страна жила по инерции БССР, всё сохранялось в почти нетронутом виде. Вяло продолжались какие-то процессы, запущенные во времена перестройки во всём СССР. Поэтому где-то до 1998–1999 годов я успевал читать всё, что публиковалось, следить за всем новым, что происходило.

Потом стало труднее. В 1994 году не было ни одной книги о современной Беларуси. Была публицистика, идеологические воззвания. Моя «Беларусь вопреки очевидности» была одной из первых книг. Потом стали появляться другие, редко и медленно, всё можно было прочесть. Потом стало больше, приходилось выбирать, что заслуживает внимания, а что нет. В последние 10 лет объём информации об интересующем меня объекте превышает мои возможности, приходится пользоваться «фильтрами и сепараторами». Так, в 1995 году я входил в совет издательской программы Фонда Сороса в области моих интересов. Сейчас я вхожу в жюри Конгресса беларусских исследователей по социально-политическим дисциплинам и могу следить уже за отобранной частью работ и книг. Считается, что экспертам предлагаются уже лучшие книги и статьи из того множества, которое появилось за год.

Итак, я мог знать всё, что знают или узнают другие. Но мне этого было мало. Хуже того, всё, что знали другие, меня совершенно не устраивало.

Попробую объяснить почему.

Уподоблю себя леснику, который получил соответствующее образование, стажировался в разных местах и вот получил в своё распоряжение свой лес. Я в отношении к Беларуси — лесник, а Беларусь — мой лес.

Лесник обустраивает себе домик лесника. Там должно быть все необходимое не только для жизни, но и для работы. Лыжи, лодка,

лошадь, квадроцикл или иные средства передвижения, которые делают любой участок леса доступным. И всякий прочий инструментарий лесника: ружья, микроскопы, справочники — определители растений и животных, реактивы для проб воды и грунта. Много всего.

И вот я учился наукам про лес. Знаю, какие бывают леса, какие виды растений и животных водятся в лесах того типа, который достался мне в хозяйство. Это очень полезное знание, но для работы мне нужно ещё и другое.

В учебниках мне рассказали про виды деревьев в лесах наших широт, но сколько каких деревьев в моём лесу? Я должен это знать. И ни один учебник не расскажет мне про древний дуб на той поляне, про заросли орешника в дальнем конце леса. Это я смогу узнать только тогда, когда сам обойду свой лес ногами. Возьму на заметку все деревья, определю, какие подлежат санитарной рубке, а какие нужно спасать и лечить.

А ещё в моём лесу есть родники и ручьи, заболоченные участки, ягодники и грибные места.

В лесу живут зайчики и белочки, их едят куницы, лисы и волки. Сколько именно зайцев в моём лесу? Этого мне никто не расскажет. Я должен сам их сосчитать, а с некоторыми познакомиться лично. А вот волков я должен знать в лицо каждого. И если в моём лесу есть хоть один медведь, я про него должен знать всё. Ёжики, даже косули могут быть для меня статистикой, но каждого зубра, лося, рысь и медведя я должен знать лично и всё про них знать. А ещё про бобров и их запруды, и про редких птиц. Вот тогда я лесник, а не просто заглянувший в лес зевака.

Так вот я исследовал Беларусь — мой лес.

Возможно, что другие люди лучше разбираются в повадках медведей, в их физиологии и анатомии. Я даже могу с ними посоветоваться, когда у МОЕГО медведя возникают проблемы в МОЁМ лесу. Но я знаю своего медведя и его медведицу из соседнего леса.

Вот этим я отличался от всех в стране. Мне квалифицированные политологи рассказывали, как там, в Гондурасе или в Польше. Я мотал на ус эти рассказы, но меня интересовала только Беларусь.

Социологи рассказывали про социум и разные процессы, страты, классы и прочее. А меня интересовало, что происходит в Мстиславле или в Поставах.

Мне рассказывали про коммунистов, социал-демократов, консерваторов и либералов, а я шёл и знакомился с Калякиным и Костяном, с Таразевичем и Сидаревичем, с Позняком, с Добровольским.

В Минске очень много людей, владеющих теоретическим знанием, но не знающих конкретики и реальности. И наоборот, много людей, закопавшихся в конкретику и не способных к обобщению и выводам, что обеспечивается компаративистикой и теоретической работой.

Естественно, я занимался познанием Беларуси не один. Я собирал вокруг себя команду специалистов. Если нужных мне специалистов не было, я их учил сам. В результате были созданы не только Агентство гуманитарных технологий, о котором я уже упоминал, но и «ЕвроБеларусь», «Центр европейской трансформации», «Летучий университет». В некоторые периоды по исследовательским программам работали десятки людей.

Но на этом метафора леса исчерпана.

Хотя и лес можно рассматривать по-разному. Лес выглядит по-разному с высоты птичьего полёта или из кустов в засаде на кабана.

Когда-то Лев Гумилёв писал книгу про великую степь, и главы в этой книге назывались примерно так: «Взгляд парящего орла», «Взгляд с высоты кургана», «Взгляд всадника», «Взгляд пешего пастуха». И, наконец, «Взгляд из мышиной норки у подножья кургана».

Вот и Беларусь мне нужно было видеть и знать со всех этих ракурсов.

«С высоты птичьего полёта»: что есть Беларусь, видимая из Брюсселя, Вашингтона, Москвы.

«С вершины кургана»: Беларусь глазами наших соседей, литовцев, поляков, украинцев.

«Глазами всадника, воина или пастуха»: Беларусь как объект управления с позиций исполнительной власти, парламента, оппозиционных политиков.

«Глазами пешего обывателя»: социология общественного мнения, настроения избирателей, профессиональных сообществ, второго и третьего секторов, церквей и т.д.

«Взгляд из мышиной норки в подножии кургана»: это менталитет, традиции, обычаи и многое другое.

Не стану рассказывать о том, какие заморочки и проблемы возникают в коммуникации между теми, кто видит Беларусь «с высоты птичьего полёта» и «из мышиной норки», насколько не совпадают картины, которые рисуют даже «всадники на коне» и «пешие» обыватели.

Я всё ещё рассказываю о том, ГДЕ должен быть философ, исследующий и изучающий Беларусь всерьёз. Как «свой лес», свой объект интереса и предмет познания.

Философ должен «парить над лесом» или запускать дрон.

Потом «пробираться пешком через болота и хмызняк».

Заглядывать «в мышиную норку».

Ну, или без метафор.

— Философ, исследующий Беларусь, должен заниматься программой Восточного партнёрства, разрабатываемой в Брюсселе, Союзным договором с Россией, Балто-Черноморскими фантазиями в Вильнюсе и Варшаве. И это важнее для философа, чем сочинения брюссельских, московских и варшавских философов. Только такой взгляд даёт масштабное видение.

— Философ должен знать все планы и замыслы президента страны, планы и намерения парламента, всех оппозиционных политиков.

Ну, и так далее, от глобального видения к микроскопическому. Вплоть до дачно-гаражного кооператива.

Иначе никак.

Как это поможет определить место философа?

***

Философа влечёт непознанное, то, чего никто не знает. «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал». Леса, степи, горы — это всё метафоры, аналогии, модели. Речь о Беларуси, о нации, стране, обществе. И о том, что мы знаем, можем знать, что должны знать. Мы в данном случае — это всего лишь один философ и методолог.

Вот разные модальности знания: **Что мы знаем? Что можем знать?**

Это вполне осмысленные вопросы. А насколько осмысленно спрашивать: **Что мы должны знать?** Разве можно обязать знать? Возможно ли, не нарушая прав и свобод личности, сказать кому-то: «Ты должен это знать! Обязан знать»?

Есть одно оправдание. Если накладывается обязательство на самого себя. Я никого не могу обязать знать, кроме самого себя. Это самоопределение и самопрограммирование. Но и здесь всё не так просто.

Иммануил Кант жил и действовал по самым строгим требованиям к себе, руководствовался категорическим императивом. Но и он спрашивал только о том, что может знать. Долженствование употребимо только к действию. «Was kann ich wissen? Was soll ich tun? Was darf ich hoffen?» Что я могу знать и что я должен делать? Но есть и третий вопрос: на что я могу (мне позволено) надеяться?

Так вот, если мне не просто позволено надеяться на нечто, а я хочу, чтобы мои надежды были реальными, я ДОЛЖЕН делать результативно, поступать правильно. Только тогда мои надежды не будут тщетными. А как я могу действовать результативно, если не владею точным знанием? **Результативным может быть только действие, основанное на точном и прочном знании.** Ну, или

результат получается случайно. То есть я могу надеяться только на чудо, полагаться на волю случая.

Вера в чудо возникает из незнания. Древние люди верили в чудеса, потому что не знали причин и механизмов того, что происходит и делается даже ими самими. Но современные люди точно так же верят в чудеса. Но природа этой современной веры, точнее суеверия, несколько иная, чем у древних. Современных людей научили установки, что объективного, точного, истинного знания не существует. Всё знание относительно и субъективно, то есть любое знание — это всего лишь достояние отдельного человека, это его мнение и его точка, или кочка, зрения. У каждого может быть своё мнение.

Это примерно то же самое, как если бы каждый альпинист считал кочку, на которую смог взобраться, Эверестом.

Знание обесценено постмодернизмом и его лжеметодологией.

Знание всегда частично, и знание отдельного человека, и знание всего человечества, достигнутое в ту или иную эпоху. Это банальная истина. И из этой банальщины постмодернисты делают совершенно неоправданный вывод, что все знания равны в своей частичности и ни одно знание не полнее и не более истинно, чем другое.

Отсюда вытекает познавательная установка — не стоит стремиться к полному и точному познанию, поскольку это не даёт никаких преимуществ и не имеет ценности, раз все знания одинаково ценны, точнее неценны.

Эта фундаментальная гносеологическая ошибка вытекает из однобокого линейного сравнения знаний. Сравниваются субъективные (корпоративные, или временные) знания между собой. При таком сравнении в расчёт принимаются только количество знания и иногда форма, но не его содержание.

Знание необходимо сравнивать не у носителей, а соотносить с объектом. Здесь неуместно вдаваться в обсуждение верификации и фальсификации знания, в принципы содержательно-генетической логики и прочей методологии. Снова воспользуюсь метафорой леса и лесника.

Лесник, исходивший свой лес вдоль и поперёк, во все времена года и несколько лет подряд в разную погоду, знает, где растут грибы в то или иное время. Идёт прямо туда и набирает грибов столько, сколько ему надо.

Другое дело — компания грибников, приехавших в лес на арендованном автобусе. Они разбредаются по всему лесу, куда глаза глядят. Кто-то бродит целый день без толку, а кто-то быстро набрёл на грибное место и набрал больше всех. Ему повезло. Это везение — лёгкая форма чуда. В следующий раз та же группа снова приедет в лес и повезёт кому-то другому.

Наши политики в Беларуси — как группа наивных грибников в незнакомом лесу. Все бродят, ковыряются во мхах, заглядывают под деревья. Кому-то везёт больше, а кому-то совсем не везёт.

Но грибники умнее политиков. Они не отвергают знания тех, кто знает. И ещё, грибники не дерутся между собой за пятачок грибного места. А наши политики готовы вытоптать грибницу, лишь бы другому не досталось больше. Ещё умнее охотники. Они всегда пользуются знаниями лесников и егерей, когда идут на охоту. Егерь знает, где можно встретить кабана, лося, медведя, и выводит охотников на зверя.

Я не могу сказать, что я досконально исследовал свой лес — Беларусь, что уже владею исчерпывающим знанием. Но практика показала, что мои знания вполне практичны и во многом соответствуют объекту.

Уже в 1995 году я точно знал, на какую группу политиков (кабанов, «жирных котов») нужно сделать ставку, чтобы одержать хоть маленькую победу. Но тогда я всего лишь год с небольшим занимался изучением своего «леса». И моё знание ещё не очень сильно отличалось от знаний других, не по количеству, не по содержанию. В 1995 году было несколько политиков, около десятка или чуть больше, которые знали, что делать и что они делают. Поражение 1996 года всё усложнило.

В 1997 году знающих осталось совсем немного. Ситуация резко изменилась, а представления у большинства остались старыми. Даже

те, кто вместе со мной сделал ставку не на партии и политиков, а на зачаточное гражданское общество, всё ещё принимали сухостой за живой лес. Хартия вместо широкого общественного движения скукожилась до заурядной партийной группировки.

В последующие годы всё стало ещё хуже. Страна быстро менялась. Нация формировалась, по выражению Валентина Акудовича, «без нас», то есть без абстрактных мыслителей, идеологов, партийных функционеров и прочих мечтателей.

С начала нового столетия для всех беларусских политиков, академических учёных, комментаторов-журналистов Беларусь — это «тёмный лес», как говорят учителя двоечникам, которые не учат уроки.

И ведут они себя в Беларуси, как в тёмном незнакомом лесу. Кто-то бродит наугад и попадает то в болото, то в непроходимый хмызняк>. Кто-то совсем заблудился и тихо плачет, присев на пенёк. Ну, а самые умные ходят только по проторённым и знакомым дорожкам, которые точно не ведут к цели, но зато и все неприятности на них уже известны. Время от времени эти горе-охотники и грибники натыкаются друг на друга, могут даже пройти часть пути вместе, потом снова теряются в дебрях.

Ну, а что же философ? Тот, кто поставил себе задачу исследовать свой лес до последнего кустика, посчитать всех ёжиков, оценить популяцию короедов и долгоносиков?

Где в этой ситуации находится философ?

Ну, уже не на белом коне и не впереди группы заплутавших охотников на мамонтов, которые в этом лесу не водятся.

Философ в этой ситуации должен находиться за рабочим столом, на котором разложены:

— снимки леса из космоса и сделанные дронами с высоты птичьего полёта;

— карта леса со всеми тропинками, боровыми запрудами, логовами волков, ручьями и грибными местами;

— таблицы динамики популяции зайцев, лосей и др.;

— прогнозы распространения короедов и долгоносиков;

— схема радиационного заражения, помеченная местами экологических опасностей;

— фотографии и досье браконьеров и честных охотников;

— и всякое такое.

Философ соотносит всё это и разрабатывает программу экологической санации леса, план работ по предотвращению пожаров, загрязнения ручьёв и прочее.

Итак, ответственный и знающий своё дело философ обустроил себе домик, верхом на коне (белом или в яблоках) или квадроцикле объездил весь лес вдоль и поперёк и расположился в кресле перед столом и экраном, где представлены вся собранная и необходимая информация и знания.

И что же он теперь делает, этот философ?

Или как называлась популярная книжная серия в советское время — «О чём думают философы?»

Правда, злые языки, понимая, что советские философы не очень-то свободны думать, обозвали эту серию иначе: «Чем думают философы?»

У меня такой вопрос тоже возникает, когда я вижу «философов» из ИФ НАН, с философических кафедр вузов, даже свободно бродячих, независимых, созерцающих собственный пуп и углубляющихся в глубины собственного сознания.

Но я тут рассказываю про конкретного философа. Поэтому вопрос актуален.

***

Слезай с коня, садись за стол! Работай!

И вот сидит грустный философ за рабочим столом. На столе разложены материалы его собственных исследований, материалы его же расследований. Статистические данные по экономике, социологии, демографии. Международные договоры и конвенции, подписанные беларусским государством. Указы и декреты. Партийные программы. Результаты выборов за все годы по всем округам. Свидетельские показания активных участников важнейших событий в стране. Комментарии экспертов и аналитиков по ключевым вопросам современности. Сводки новостей за последние дни. Впечатления от разговоров в трамвае, с соседом по подъезду, с активистами из районного города. Повестка в суд за участие в акции. Подборка фотографий с различных акций оппозиции. Приглашения на собрания различных групп, движений, советов и проч. Несколько модных книг популярных и новых авторов. Проповеди протестантских пасторов. Программа телепередач всех каналов. Статьи иностранных и отечественных политологов о нашей стране. Сводки погоды и битвы за урожай. Реклама IT-компаний. Жалобы тунеядцев. Отчёты правозащитников…

И что же со всем этим делать?

Однажды дочь подарила коробку пазлов, из которых собирается картинка. Пазлов — криволинейных кусочков большой картинки со множеством мелких деталей, в коробке было 6000. На даче не нашлось ни одного стола достаточного размера. Пришлось использовать завалявшуюся чертёжную доску. Но полностью картинку так никто и не собрал.

Но пазлы — это фрагменты картинки в одной плоскости, они состыкуются между собой по линиям и цвету. А на рабочем столе аналитика и философа картинки разных масштабов: от вида из космоса и с высоты птичьего полёта до мелких детальных сведений,

полученных от конкретного обывателя, налогоплательщика, или избирателя. Они никак не состыкуются в одной плоскости. Это фрагменты многомерной модели. Причём размерность этой модели неизвестна.

Как всё это можно сложить в одну картину?

Вопрос «как это сделать» — методологический. Для этого и нужна методология.

За рабочим столом разложено огромное множество материалов, документов, знаний, мнений, домыслов, вымыслов, планов, фантазий — это всё про Беларусь. Это всё Беларусь.

Можно ли выбросить что-то из этого множества материалов? О чём-то забыть, что-то проигнорировать?

Обычно специалисты и эксперты так и делают.

Экономисты отбирают только то, что соответствует их предмету и дисциплине. Проповеди попов их не интересуют, они их выбрасывают. Ещё могут выбросить статистику самоубийств, конвенцию по культуре и правам человека.

Социологи выбрасывают одну часть материалов, политологи другую, юристы третью.

В результате у каждого специалиста остаётся одно- или двумерная, то есть плоская, картинка, пазлы которой могут состыковываться друг с другом.

Каждый специалист и эксперт получают свою картину.

Это картина Беларуси?

Конечно. Только плоская и однобокая. Это не картина Беларуси целиком, а в лучшем случае это проекция или срез объекта (Беларусь в разрезе).

Такие проекции и модели объекта в разрезе очень нужны и полезны. Правда, только в том случае, если они правильно построены. То есть если они истинны хотя бы в каком-то приближении.

Но ЛПР (лица, принимающие решения) принимают решения в отношении к целому. И то, что может выглядеть правильным

решением на плоской проекции, оказывается неэффективным, а то и вовсе неправильным в многомерном целостном объекте.

Можно вспомнить кубик Рубика. Многим удаётся собрать на этой игрушке одну грань куба из ячеек одного цвета, реже получается собрать весь кубик, чтобы каждая грань была одного из шести цветов. Бесполезно собирать две грани, три грани. Нужен алгоритм из множества ходов-поворотов, где только последний ход-поворот приводит к решению задачи.

Можно вспомнить более простой пример. Объёмный ландшафт может быть изображён на плоской карте. На плоскости расстояние между двумя точками может составлять один сантиметр, что в масштабе читается как 10 километров. Но между этими двумя пунктами может быть расположена гора, или скалистый горный хребет. И тогда реальное расстояние нужно вычислять не по прямой — кратчайшему расстоянию между двумя точками, а по кривой. Либо по кривой в третьем измерении — карабкаться в гору, либо в двумерной плоскости — идти в обход.

Кубик и ландшафт пересечённой местности — трёхмерные объекты. А сколько измерений у Беларуси? У любой страны и нации? Их множество. И ни одна из моделей (экономическая, политическая, социологическая, демографическая, юридическая...) не может претендовать на полноту.

А игнорирование любой модели ведёт к неполноте решений и к ошибкам. Порой к грубым, фатальным, непоправимым ошибкам.

«Так что же делать в такой ситуации?» — задумчиво вопрошает философ.

Существует ли выход? Есть ли правильное решение?

Философ в такой ситуации встаёт из-за своего рабочего стола и идёт к доске. Точнее к «Доске».

Доска — это рабочее место методолога, его верстак. В современном мире рабочее место любого специалиста, профессионала, ремесленника может быть смоделировано на компьютере. Но сути дела это не меняет. Это требует смены

программ на компьютере. Что за программы находятся на «рабочем столе» компьютера, определяет работу.

У методолога на его Доске располагаются все средства работы, которые есть у философа: логика, анализ, синтез, абстрагирование, ассоциации идей по разным основаниям, комплексирование, интегрирование, трансцендирование, реификация, онтологизация, натурализация и т.д. Кроме того, методолог заимствует средства моделирования у инженеров и математиков, инструменты и средства теории систем, различных теорий принятия решений.

И всё это на Доске или на верстаке методолога располагается в одном пространстве — способы, средства, приёмы и инструменты деятельности, а все фрагменты картины объекта в другом пространстве — онтология, или картина объекта, собранная из самых разных знаний о нём.

Итак, наш философ (то есть я сам) в этом коротком рассказе перемещался по разным местам:

— от принятия своего предназначения, миссии и призвания в отношении объекта своего интереса (Думать Беларусь всерьёз и по-настоящему) и обустройства своего места радом с ним (объектом — Беларусь) и в нём;

— к исследовательским вылазкам во все уголки и закуточки своего объекта (рассматривание Беларуси из космоса и в микроскоп...);

— затем к инвентаризации всех набранных материалов и накопленных знаний за рабочим столом философа;

— к методологической Доске.

И вот, пока философ остановился у методологической Доски.

***

Одиночество у Доски

Ну, встал философ из-за стола, перешёл к доске. Что изменилось? Чем отличается горизонтальная доска рабочего стола от вертикальной доски?

У философа на рабочем столе лежат рабочие материалы вперемешку с инструментами. Тексты, картинки, таблицы, а рядом карандаши, логарифмическая линейка, лупа или микроскоп.

Доска методолога, или его верстак, практически то же самое, что кульман архитектора или проектировщика, или рабочее место инженера, или пульт управления оператора человеко-машинных систем. Так было задолго до цифровой эпохи. С появлением компьютеров практически все рабочие места организованы одинаково:

— Есть экран дисплея, на котором отображается объект и все изменения, которые с ним осуществляются и происходят. У методологов это называется объектно-онтологическим пространством, или ОО-доской.

— И есть средства ввода информации, панель инструментов и программ, с помощью которых производятся изменения объекта на экране. У методологов это называется организационно-деятельностным пространством, или ОД-доской.

Встав из-за рабочего стола, оторвавшись от компьютера и перейдя к Доске, ни философ, ни инженер, ни архитектор, ни методолог не получат ничего нового. От перемещения рабочих материалов с горизонтального стола на вертикальную доску их содержание не изменится.

Главное отличие Доски от всех других рабочих мест состоит в том, что Доска — это не индивидуальное, а коллективное рабочее место. Одному у Доски делать нечего. Работа с Доской начинается

только тогда, когда там не один актор-деятель, а двое — как минимум.

Суть Доски не в том, что она поставлена вертикально, а в том, что она общая для нескольких пользователей. В этом смысле шахматная доска хоть и расположена горизонтально, больше похожа на Доску методолога, чем на рабочий стол философа. На шахматной доске фигуры передвигают оба игрока, оба следят за фигурами друг друга, действия каждого из игроков зависят от действий другого и определяются не только собственными замыслами и намерениями игрока, но и замыслами и намерениями его партнёра по игре, или противника.

Выйдя из-за рабочего стола к Доске, философ не автоматически становится методологом, он должен вызвать, пригласить, поставить у доски Иного, не такого, как он сам. Два философа у Доски, возможно, и лучше, чем один. Одна голова хорошо, а две лучше. Но не более того. Три философа у Доски — это уже базар, и никакой работы.

Работа начинается тогда, когда вместе с философом у Доски встанет практик. Не просто встанет, а займёт деятельностную позицию.

Например, вывесил философ на Доске все собранные материалы, изобразил всё, что смог узнать, и тут подходит практик и спрашивает: «А что всё это значит? Что я со всем этим должен делать? Как мне со всем этим справиться?» Вот тогда философ должен отвечать на заданные вопросы.

Но философ не может ответить на все вопросы. Он может рассказать, что всё это (то, что изображено на Доске) значит.

Может проанализировать знания об объекте (эпистемология).

Может воспроизвести способ получения этих знаний (гносеология), тем самым удостоверив их истинность или правдоподобие.

Может предложить способы соотнесения знаний разных типов между собой (логика, конфигурирование и комплексирование).

Может даже показать, как из комбинации имеющихся знаний получать новые знания (диалектика, феноменологическая редукция, анализ, синтез, ассоциации и т.д.).

Но он не может ответить на серию вопросов о том, что делать практику и как делать.

Чтобы отвечать на такие вопросы, нужно сначала задать встречные вопросы практику.

Прежде чем ответить на вопрос, что делать практику, нужно выяснить, что он собирается получить. Нужно выяснить самоопределение практика.

Начинается перекрёстный взаимный допрос, в котором вопросов во много раз больше, чем ответов.

Оптимальный случай, это если у Доски работают не двое, а трое. Философ становится методологом, а на освободившееся место (позицию) философа приглашаются эксперты по отдельным отраслям знания. Приглашаются по одному или все вместе. Каждый из экспертов куда лучше, чем философ, может отвечать за свою область знания, за свою проекцию объекта.

Тогда **у Доски образуются три позиции:**

1) позиция знающего (философ, эксперт, учёный той или иной специальности);

2) позиция практика (политика, военного, предпринимателя, оргуправленца или менеджера);

3) позиция методолога (организатора работы на Доске и организатора коммуникации всех, кто занимает позиции у Доски).

Итак!

— Я выполнял, выполняю и отчасти выполнил работу по собиранию на Доску всех (почти всех) необходимых и достаточных знаний. У меня есть достаточно полная картина современной Беларуси, я знаю, что в ней есть, чего в ней нет, что нужно, чего не хватает, без чего можно, а без чего нельзя обойтись. Попробуйте не ругаться, не возмущаться, просто давайте допустим! Предположим, что всё это есть. Даже если мало того, что есть у меня, в стране достаточно других экспертов, особенно по узким специальностям, по

отдельным отраслям знаний. Они, эти эксперты, есть, и у них есть необходимые нам знания. И для них, этих экспертов, есть предуготовленное место (позиция) у Доски. Или есть место и роль в коллективной работе.

— Я собрал все необходимые (те, что знал, увидел, оценил как пригодные) средства, способы работы, инструменты и приспособления: анализ ситуации, проектирование, программирование, сценирование, стратегирование, рефлексию и т.д. Если недостаточно того, что я собрал, или я не всё в полной мере оценил, то в стране полным-полно тренеров, консультантов, программистов, организаторов, аналитиков всяческих бизнес- и прочих процессов. При необходимости любого можно привлечь либо за умеренную плату, либо увлекая интересными задачами.

— Я обустроил место практикам у Доски. Приходите со своими целями, проблемами, задачами.

И вот есть Доска, есть очерченные места у Доски (позиции), и я в одиночестве занимаю одну из трёх необходимых позиций. Две остальные пока остаются пустыми.

Я начинаю чувствовать себя довольно одиноко.

В позицию экспертов время от времени ломятся разные люди. Экспертов в стране как собак не резанных. Но от них никакого толку.

И вот почему.

Знания (не надо путать знания с информацией) сами по себе уму не научают. Знания хоть и не исчерпываются информацией, но подчиняются законам информационного метаболизма. Знания не мёртвая застывшая субстанция, а только элемент процесса. Знания, как и деньги, как и энергия, как любая информация, существуют в обмене. То есть из одного места вытекают, в другое втекают.

Только в таком обмене знания хоть чего-нибудь стоят. Если есть эксперты (источник и передатчик знаний), то должны быть и практики, которым эти знания нужны (приёмник). Только в такой цепочке знания становятся силой.

А такой цепи в стране нет.

И об этом я расскажу потом.

***

Стою себе самотны у Доски, рассматриваю недорисованную картину. А меня вдруг спрашивают: «А сам философ или методолог не является одним из пазлов на Доске? Как и практик?»

И пока я думаю, что ответить, добивают вопросом: **«Как, используя добытые знания, нажать на болевую точку всей системы с целью получить практика? Или философа?»**

Собственно, над вторым вопросом я и сам размышляю. Знал бы ответ, давно бы нажимал на нужные места.

Но эти два просто сформулированных вопроса поднимают сложнейшие проблемы. То есть первая проблема как бы решена. В ней речь идёт о парадоксах расселовских множеств. Тут не место разбираться с парадоксом Кантора и теорией множеств, я уже говорил об этом в одной из своих лекций[2].

Здесь же попробую пояснить на простых примерах.

Вот всем известна детская заморочка. Когда ребёнка, едва освоившего счёт, просят сосчитать детей в комнате, он считает и получает результат n-1, то есть забывает посчитать себя самого. В этой процедуре (счёт) он имеет дело с множеством детей, относя себя к другому множеству — тем, кто пересчитывает детей. Ребёнок повторяет в своём развитии историю мышления и находится на стадии древнегреческого «Брадобрея».

Но если попросить того же ребёнка нарисовать комнату и всех, кто в ней находится, то он нарисует на картинке и себя. И если предложить сосчитать фигурки детей на его картинке, то он получит правильный результат.

Детский рисунок в данном случае — аналог Доски, у которой стоит методолог. И картину на этой Доске может видеть любой, кто к ней подойдёт. Парадокс состоит в соотнесении картины, изображающей реальность, и самой реальности. Картина

оказывается точнее самой реальности. То, что любой ребёнок может увидеть на картинке, не каждый взрослый видит в реальности.

И вот. Стою я, значит, у Доски. Рассматриваю картину. Размышляю. О чём размышляю? О многом и разном. Картина наводит на множество вопросов. И тут из-за спины меня спрашивают: «Как, используя добытые знания, нажать на болевую точку всей системы с целью получить практика? Или философа?»

А ведь и правда, как? Ладно, Бог с ним, с философом. Я тут вот сам себе стою. А что с практиком?

Ведь что такое практик в свете всего, изображённого на Доске?

На Доске изображена Беларусь со всех точек зрения, во всех ракурсах, и в разрезе, и в изометрии. Это объект.

А практик — это тот, кто может сделать этот объект предметом своей деятельности.

Философ в данном случае — это тот, для кого объект Беларусь является предметом исследования и изучения.

Практик — это тот, для кого объект Беларусь является предметом преобразования, предметом развития, предметом управления.

И кто же мог бы быть таким практиком?

Чисто теоретически можно назвать тех, кто является такими практиками.

1. Это политики. Для политиков Беларусь — это не просто объект, а предмет. Предмет управления, например. Предмет реформирования. Предмет развития — управляемого, целенаправленного развития.

2. Это предприниматели. Для предпринимателя Беларусь тоже может быть предметом развития. Может, но является ли.

3. Кто ещё? Методологи, или культурные политики.

Вот и всё, три типа реальных деятелей могли бы встать вместе с философом у Доски и вместе построить план деятельности, программу развития, стратегию вхождения в современный глобализированный мир шестого (или какой там сейчас по номеру) технологического уклада.

Для коммуникации, взаимодействия и сотрудничества между таким философом и таким практиком понадобился бы методолог как третья позиция.

Но что мы имеем в реальной Беларуси? Не той, что на картине, на Доске, на верстаке методолога, а в реальной, живой — той, что видим в телевизоре, видим на партийных собраниях, на селекторных совещаниях у президента, на улицах и в отчётах?

Мы видим полное отсутствие в стране политиков. Есть люди, рвущиеся к власти, и есть те, кто дорвались до власти.

Те, что дорвались, не нуждаются ни в стратегиях, ни в программах, поскольку давно заявили, что «за цивилизованным миром страну не поведут». Всё, что делает власть, — это симуляция. Симуляция бюджета и прогноза, симуляция союзного государства, симуляция развития бизнеса, образования и всего на свете.

Те, кто рвутся к власти, не имеют на своей доске даже бледной картинки объекта: вместо Беларуси они видят только какой-то маленький уголок или абстрактную страну в разрезе.

Мы видим в стране множество успешных и не очень предпринимателей. Но нет ни одного, у кого Беларусь была бы предметом их предприятия. У каждого свой локальный партикулярный предмет: у кого-то калийные соли, у кого-то ворованная нефть, у кого-то реальное производство чего-нибудь.

Хотя есть попытки. Например, есть и представлена широкой публике концепция IT-страны. Это предпринимательская концепция национального масштаба. Но что в ней предпринимательского? Пока ничего: это философская (экспертная, профессиональная) концепция развития страны, сделанная предпринимателем в IT-сфере.

Позиция существует в реальности или не существует. Можно составить прекрасный бизнес-план на бумаге (нарисовать на Доске). Но его нужно реализовать. А для реализации нужно быть не нарисованным, а данным в ощущении, быть здесь и сейчас в Беларуси.

Когда-то Маркс любил говорить, что самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что сначала будущее

сооружение возникает у него в голове. Ну или сначала оно нарисовано на картине, на Доске. А уже потом оно срисовывается с Доски, строится в камне, металле, стекле. Для этого любому — и хорошему, и плохому архитектору — требуются каменщики и плотники, прорабы и бухгалтера, машины и механизмы, логистика, учёт и контроль.

А без каменщиков что плохой, что хороший архитектор — ноль без палочки.

И вот что получается.

Стою я одинокий у Доски, где всё нарисовано, а если и пропущено что-то, то можно дорисовать. И кто я там?

Шаг первый: Сначала методолог. Я начал собирать картину на Доске из мелких и разрозненных пазлов как методолог и культурный политик, поставивший перед собой такую задачу.

Шаг второй: Потом философ. Из позиции методолога я вышел в позицию философа (со всеми помощниками философа в этом деле: исследователями, экспертами, специалистами).

Шаг третий: Снова методолог. Собрав все необходимые знания, я снова возвращаюсь в позицию методолога и прописываю на Доске рядом с объектом Беларусь необходимые позиции практиков (политиков, предпринимателей, специалистов — от каменщиков до идеологов и священников).

Шаг четвёртый: Призрачный методолог. Стою столбом перед Доской, ищу тех, кто мог бы заполнить вакансии практиков. Нет желающих. Нет практиков, нет нужды в методологах. Поэтому выхожу из позиции методолога. Куда?

Шаг пятый: Неудавшийся политик.

В 2005–2013 годы я выходил из позиции методолога в политическую позицию. Нет, я не рвался к власти, я не играл в «выборы». Я шёл в политику со своей Доской, имея план, программу и стратегию, набирая живых людей на вакантные позиции, которые изображены у меня на Доске. Что из этого получилось — это отдельная история, драма, детектив с элементами трагикомедии и фарса. В общем, я был бит со всех сторон. Доска мне пригодилась

только для того, чтобы защищаться ею от ударов и летящих в меня со всех сторон гнилых помидоров. Ну, хоть какая-то польза от неё.

Шаг шестой: Снова философ. В общем, из неудавшегося политика я не мог вернуться в позицию методолога, пришлось снова становиться философом. Я был философом временно, когда требовалось выполнить недостающую часть работ. Сейчас я вернулся в эту позицию, чтобы отсидеться и зализывать раны.

Но это тоже временно.

Шаг седьмой: Сейчас нужно сориентироваться, разобраться, кто я, где я? Кто и где я есть? И где я должен быть?

Где должен быть философ в Беларуси в 2019 году?

И снова Кантовские вопросы:

Was kann ich wissen? Was soll ich tun? Was darf ich hoffen?

Примечания

2 Методология для философов Летучего университета http://fly-uni.org/blogi/metodologiya-dlya-filosofov-8-3/ и http://fly-uni.org/blogi/metodologiya-dlya-filosofov-7/.

***

А кто такой политик в стране, где нет выборов? Нет парламента? Нет партий?

Или так:

Где должен быть политик, когда в стране нет выборов? Чем он должен заниматься?

Я сейчас одну вещь скажу, трудную для понимания. И ещё труднее с ней смириться.

Сегодня в Беларуси позиции политика и философа совпадают.

То есть только философ может быть сейчас политиком, или политик обязан стать философом.

В стране

— нет выборов (демократического процесса);

— нет баррикад (гражданской войны, силового противостояния);

— нет парламента (говорильни, обмена мнениями и согласования подходов);

— нет публичных дискуссий (СМИ построены не для нашей страны, а по шаблонам демократических стран — независимые и по шаблонам тоталитарных — официальные).

Из всего много- и разнообразия политических явлений, процессов и событий остаётся только ВЛАСТЬ НОМИНАЦИИ.

Право называть вещи их истинными именами, возвращать вещам их имена, возвращать здравый смысл во все социальные институты.

Чтобы не вдаваться в длительные объяснения, доказательства и обоснования, можно порекомендовать краткое изложение Пьером Бурдьё его подхода: «В этом смысле символическую власть можно назвать властью «миротворения», которое состоит в «разобщении и воссоединении, иногда в пределах одной операции», в проведении полного разложения или анализа и последующего соединения или синтеза, часто осуществляемого с помощью ярлыков»[3].

Как только я написал **про совпадение позиции философа и политика** (эти позиции совпадают не всегда, а только в особых условиях, типа той, что сложилась в современной Беларуси) и написал про единственную власть, которая в наше время имеет значение, про власть номинации, — Юрий Дракохруст сразу же напомнил мне, что у меня нет такой власти, и привёл в пример Ленина и Хомейни.

А я и не говорил, что именно у меня есть такая власть.

Я только сказал, что эта власть есть у философа. И если в стране существует хоть один ответственный гражданин, который хочет быть политиком или сохраниться как политик, он должен стать философом.

Но не думаю, что это возможно. Философом становятся годами, просто так, раз — и ты философ, не бывает.

Я много писал о рейтингах, о том, кто кого слышит в нашей стране, и сам говорил, что сейчас у меня нет такой власти.

Я называю вещи своими именами, но это остаётся в узком кругу тех, кто меня слышит. Это всего лишь несколько сотен человек в стране. Ну, может быть, несколько тысяч. Это не власть. Властью номинация становится не так просто.

Совсем **недостаточно просто назвать вещь её истинным именем. Нужно, чтобы этим именем стали называть эту вещь и другие.** Во тогда это будет власть номинации.

Михал Янчук в комментариях пишет: «Власть номинации предполагает наличие достаточного количества субъектов, способных воспринимать этого номинатора серьёзно».

Это совершенно справедливо.

Но есть несколько вопросов:

1) Кто такие эти субъекты?

2) Достаточное количество — это сколько?

3) Серьёзно — это как?

Попробую ответить на эти вопросы.

1. **«Свита делает короля»** — этот афоризм справедлив не только для театра и не только для короля. Свита, или окружение, или

«достаточное количество кого-то там» определяют всех и каждого в социальном статусе и роли. Команда делает тренера выдающимся среди других тренеров. Коллектив делает руководителя. Ученики делают учителя. Паства делает священника.

Кто те субъекты, которые делают номинатора — того, кто получает право называть вещи их именами, давать имена вещам?

Это люди (субъекты, акторы, граждане, читатели и т.д.), которые начинают пользоваться этими именами и называть ими вещи.

Все помнят сказку про «Новое платье короля».

Там наивный мальчик просто сказал вслух: «А король-то голый!»

Мальчик назвал вещь её истинным именем.

Имел он на это право? Кто ему такое право дал?

Никто. Он просто имел глаза, здравый смысл, сознание, незадурённое пропагандой и харизмой короля.

Но просто сказал то, что видит.

Он получил власть номинации?

Нет, не сразу.

Власть возникла только тогда, когда его слова повторили несколько человек, стоявших рядом.

Потом больше. А потом вся толпа хором сказала это.

Вот так возникает власть.

— Сначала было слово.

— Слово было именем вещи, именем того, чем эта вещь является.

— Слово было услышано, и к нему отнеслись всерьёз.

— Слово повторили несколько человек.

— Слово стало всеобщим.

Вот так номинация становится властью.

Так кто эти субъекты?

Чьи слова повторяют наши «политики», комментируют наши комментаторы, тиражируют наши журналисты в СМИ?

Все они повторяют слова Лукашенко.

Всё в стране названо теми словами, которыми эти вещи номинировал Лукашенко.

Ко всему, что говорят в стране другие (писатели, эксперты, общественные деятели — но меня в этом контексте больше всего интересуют философы), наши «политики», комментаторы, журналисты, включая Юрия Дракохруста, относятся не просто несерьёзно, но часто просто враждебно.

Поэтому, Михал Янчук, давай назовём этих субъектов («способных воспринимать этого номинатора серьёзно») их именами! Это СМИ в первую очередь.

«Выборы» — это обман и мошенничество.

Но ни одно из независимых и оппозиционных СМИ не имеет такой редакционной позиции. Все обсуждают дату «выборов», причём как выборов, а не «выборов». Обсуждают кандидатов и прочие обстоятельства, которые создают впечатление существования в стране выборов.

2. **Столько должно быть субъектов, чтобы номинация стала властью?**

Много. В стране почти 10 000 000 человек. Половина этих людей должна знать истинные имена вещей. Важнейших вещей в стране. Важнейших здесь и сейчас, в 2019 году.

А что важно сейчас?

Это потайные переговоры Путина и Лукашенко об аншлюсе. Это тайная работа созданной ими рабочей группы.

СМИ об этом молчат. Люди об этом ничего не знают.

Они знают о выборах в 2019–2020 годах.

А должны знать о «выборах» и о том, что в обмане нельзя участвовать, что мошенникам нужно противиться.

И если 51%, а лучше 83% избирателей это услышат и отнесутся к этому серьёзно, этого будет достаточно.

Я серьёзно говорю. Серьёзней некуда. И, кажется, достаточно просто. Как сказать проще, я не знаю. Но те, кто слышат мои номинации, пусть попробуют их повторить, чтобы стало ещё проще, ещё понятнее. Чтобы всё было серьёзно.

Примечания

3 Пьер Бурдьё: Социальное пространство и символическая власть (https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883).

***

Чем занимаются политики в свободное от политики время?

Моё глубокое убеждение состоит в том, что политика не может быть профессиональным занятием.

Политика — свободное дело свободных граждан. **Каждый свободный гражданин, уделяющий часть своего времени упорядочиванию общих дел, — политик.**

Политик, получивший карт-бланш на то, чтобы упорядочить общие дела, становится чиновником. Так, гражданин, выставивший свою кандидатуру на президентских выборах и получивший доверие избирателей, становится чиновником самого высшего ранга в стране — президентом.

Никто не избавляет президента от занятий политикой постольку, поскольку он остаётся гражданином. Но он занимается политикой в свободное от исполнения своих чиновнических — президентских обязанностей.

Но в этом случае понятно, чем занимается политик, когда не занимается политикой, — он служит свою службу.

А вот чем занимаются политики, которые не получили чиновнических должностей, не стали депутатом, мэром, президентом, не получили должности министра, прокурора, судьи и т.д.?

Готовятся к следующим выборам?

Почему-то я не верю таким «политикам-профессионалам»!

В свободное от занятий политикой время некто может заниматься бизнесом. Это я понимаю.

Кто-то пишет стихи, прозу, публицистику, научный труд. Это я тоже понимаю.

Но чем заняты «политики», десятилетиями борющиеся за власть и не получающие её?

Понимаю Жириновского или Ле Пена — они клоуны на службе хитрых политиков, которые их используют в своих целях.

Понимаю Позняка, он фотографирует.

Понимаю Некляева, пишущего прозу и стихи, и Федуту, критикующего чужие стихи и прозу.

Но что делает NN, NA, NB и прочие?

Могу доверять только тем политикам, которые хорошо делают своё дело вне политики, которые занимаются политикой потому, что ИНАЧЕ НЕ МОГУТ, а не потому, что им нравится заниматься политикой.

Собственно, политики даже не занимаются политикой, поскольку политикой может заниматься любой гражданин в своё свободное от работы, бизнеса, частной жизни время, а политики — это те, кто посвящает политике времени больше, чем среднестатистический гражданин.

Я не могу не заниматься политикой, поскольку — достало! Поскольку так больше продолжаться не может и не должно.

Политика отнимает у меня время, порой требует от меня практически всё время, частное и рабочее. Но — что делать? Надо, значит, надо!

И я не могу найти общего языка с «профессиональными политиками», «профессиональными революционерами», «борцами» и т.д.

Лучше всего я понимаю тех, кого тоже достало, кто убедился, что дальше так продолжаться не может! И меня лучше понимают те, кто убеждён, что дальше так жить нельзя.

***

Итак, у Доски три места, три позиции:

1) Методолог.

2) Философ.

3) Практик.

Две из трёх позиций вакантны, заполнена только одна. Позиции, или места, не смешиваются. Вот одно место, вот другое, вот третье. Позиции, или места в деятельности, заполняются человеком, актором, деятелем. Человек может одновременно находиться в одном месте в каждый конкретный момент времени. Был у меня, правда, случай, когда я находился одновременно в двух местах, но даже наш «суд» не смог этого доказать[4].

Человек, субъект, актор может менять позиции, то есть переходить с одного места на другое. Или, например, при совмещении должностей или профессиональных позиций человек может попеременно исполнять разные обязанности, действовать по разным нормам и принципам. Так, хирург может стать главврачом больницы, то есть её директором. Но пока он делает операцию — он хирург, а когда он управляет больницей — он управленец, директор. Люди умеют разделять позиции.

А позиции заданы тем, что лежит у деятеля на Доске или на его верстаке (операционном столе хирурга или на рабочем столе главврача больницы).

С методологом, философом и практиком у Доски — всё точно так же.

Методолог организовал Доску, наметил на ней топику Беларуси. Философ заполнил пустые места на Доске конкретным знанием. Теперь практик может воспользоваться этой Доской как руководством к деятельности, вооружившись имеющимся знанием для преобразования объекта, изображённого на Доске.

Я был в позиции методолога, когда организовывал Доску для того, чтобы на ней можно было изобразить конкретную Беларусь в период независимости, с 1991 года по сей день.

Потом я перешёл из позиции методолога в позицию философа, занял место философа, чтобы заполнять знаниями Доску, построить картину современной Беларуси.

Потом я снова вернулся в позицию методолога, чтобы обеспечить работу практика, превратить Беларусь из предмета исследования в предмет управления и развития.

Но если место практика остаётся пустым? Если нет никого, кто занял бы эту позицию? Что должен делать методолог? Я снова возвращаюсь в позицию философа, чтобы обмозговать, осмыслить эту ситуацию.

Самый простой ответ на такой вопрос:

Занимай сам позицию практика! В нашем случае — политика. Перестань философствовать — займись реальной политикой!

Простые ответы, которые первыми приходят в голову, не всегда самые верные. Они подлежат критике и проверке.

Критика может быть логической, эпистемологической, социальной, ситуативной и т.д.

Позиции в деятельности накладывают определённые требования к своему заполнению.

Ведь не место красит человека, а человек место. Свято место пусто не бывает. В президентское кресло можно посадить кухарку или колхозника. Место будет заполнено, ничего хорошего из такого заполнения не будет. Бывали в истории случаи, когда философы, интеллектуалы заполняли собой позиции политиков-практиков. Философ Томаш Масарик был первым президентом Чехословакии.

Любая позиция требует соответствующих компетенций, способностей, призвания, наконец. А знаниям нужно учиться, компетенции осваивать на опыте. Есть и противопоказания к занятию тех или иных мест в деятельности. Если уж менять позицию, то к этому нужно относиться всерьёз.

Есть и социальный аспект при смене позиции. Сложные позиции социально обустроены. Для занятия той или иной позиции могут понадобиться социальные связи, особые отношения. Нужно вписаться в позицию. Социальное окружение может признать человека в той или иной позиции, а может зачислить в самозванцы, если не организованы и не простроены все необходимые связи и отношения, не согласованы инспектации и экспектации, или намерения и социальные ожидания.

Ну, и наконец, ситуативные обстоятельства.

Обстоятельства могут складываться так, что некоторые позиции в системе деятельности заполнить просто невозможно. Так, в СССР не было возможностей для создания альтернативных партий, не было оппозиции вообще. Существовала ли в СССР политика, были ли места в социуме для политиков? Были, конечно. Политикой в тоталитарном СССР считалось любое сомнение в правильности линии партии, любое возражение против решений начальства, даже мелкого.

Так кто был политиком в СССР? Непростой вопрос. Меня обвиняли в политической диверсии ещё в 16 лет, в 9 классе средней школы. Но было бы наивным на этом основании считать себя политиком на своём месте. Я был просто неуместным в школе и комсомоле.

Так вот. По здравому рассуждению, как конкретный философ, я прихожу к убеждению, что в современной ситуации в Беларуси политику в точном значении этого слова нет специально отведённого места в социуме, в государственной машине, в системе отношений.

Место практика-политика есть только в созданной мною, как методологом, ситуации у Доски.

Что это значит?

Это значит, что **место и позиция политика запроектированы, но не реализованы. Они есть в проекте Беларуси, то есть в действительности, но не в реальности.**

Всё действительное разумно, всё разумное действительно. Но не всё действительное и разумное реально.

Реальность современной Беларуси неразумна. Её, реальность, необходимо привести в соответствие с действительностью, сделать разумной. Тогда и только тогда в реальности появятся места для разумных человеческих действий и поступков.

Это особая, редкая и уникальная ситуация. Такое бывало в истории, но не часто, и всегда рассматривалось как ненормальное состояние.

Томаш Масарик стал чехословацким политиком ещё до провозглашения Чехословацкой Республики в 1918 году. Уже в 1917 году он занялся армией — белочехами, которые были рассредоточены в охваченной революцией России по всей транссибирской железной дороге. Он возвращал войска на родину. Но занявшись этим, он перестал быть философом, ушёл с этой позиции и занял другое место. Он создал это место и занял его.

Сегодня в Беларуси нет места методолога. Это место возможно только как дополнительная позиция к позиции практика. Философская же позиция автономна. Но она должна быть заполненной, а не пустой.

В Беларуси есть философы. Немного, но есть. Но они другие. Они не у Доски. Им нет дела до практики, до политики.

Валентин Акудович сознательно декларирует неприятие политики, и его метафизика сведена к «ничто».

Алесь Антипенко ушёл в себя. Что он там ищет, мне неведомо, да и поделиться своими находками он не может, сколько бы ни прикидывался носорогом.

Игорь Бабков философствует в поэзии, которая, если всерьёз относиться к Платону, есть полная противоположность практике.

Большинство же философов заняты либо схоластикой, либо тавтологией.

Я не могу оставить философскую позицию пустой — ни у Доски, ни в реальной Беларуси. Этого не позволяет мне моя совесть, все мои знания и четвертьвековой опыт исследований, вся моя

философия. Уход из философской позиции был бы предательством дела моей жизни.

Но я отчётливо вижу, что из моей философской позиции возможно практическое политическое действие. Более того, политическое действие в современной ситуации, сложившейся в реальной Беларуси, возможно только и исключительно из философской позиции.

Примечания

4 9 марта 2016 года В. Мацкевич был привлечён к административной ответственности за участие в несанкционированном митинге индивидуальных предпринимателей, состоявшемся 15 февраля. Об этом свидетельствовали два милиционера. Мацкевичем были представлены доказательства того, что он не только не присутствовал на митинге, но и вообще находился за пределами страны.

II

Нам не хватает смысла!

Окончательно или не окончательно. Бесповоротно или ещё есть шанс повернуть в сторону. Совсем уже или ещё не совсем. Весна или оттепель. Уже дно или снизу ещё стучат.

Когда человек становится взрослым? В 16, когда выдают паспорт? Или в 17, когда аттестат зрелости? Или когда замуж/жениться?

Это каждый решает по-своему.

Уже всё или ещё нет?

Слепому кажется, что впереди горизонт, а дальнозоркий видит тупик.

Шахматист видит мат за много ходов, а «чайник» не видит его до последнего хода.

Так что у нас в стране? Уже или ещё?

Слепые судят, не умеющие считать ходы принимают решения. Ничего не знающие пишут статьи в газеты и комментируют политику.

Хотите знать, где мы находимся, не доверяйте своим слабым глазам — разошлите разведчиков во все стороны и слушайте, что они скажут. Слушайте с сомнением и проверяйте всё по нескольку раз.

***

В поисках места философа я начинал с того, что обозначил это место географически — Минск. Минск — столица Беларуси, её витрина, та часть страны, которая выставляется напоказ. В 1990-е годы Минск был беден и убог. Такими были все города развалившегося Союза. Постепенно отдельные города восстанавливались и менялись, модернизировались. Минск опаздывал. Столицы балтийских стран быстро европеизировались. Но Минск проигрывал даже Киеву и Москве. Постепенно современные атрибуты жизни проникали и в Минск, строились бизнес-центры, разворачивались торговые сети, обновлялся внешний облик города, структурировалась территория, появились места с разным образом жизни, места для отдыха и развлечений, места для творческой публики, для людей, желающих странного, улучшались условия работы для тех, кто хотел работать. В Минске появилась возможность зарабатывать деньги и тратить их. Больше нет смысла ездить на закупки в Вильнюс или Варшаву.

Остальная Беларусь меняется ещё медленнее, чем столица, но меняется в ту же сторону. Уровень жизни хоть и медленно, даже лениво, но растёт, качество жизни оставляет желать лучшего, но только для тех, кому есть с чем сравнивать.

Но что-то всё же не так. Особенно если есть с чем сравнивать. **А что именно не так?**

— Экология? АЭС в Островце, аккумуляторный завод в Бресте, Светлогорск и другие опасности. Зелёные протестуют, большая часть общества им сочувствует, но без энтузиазма.

— Тунеядцы? Есть такая неприятность. Люди возбудились, даже выходили на улицы. Пошумели, власти не стали торопиться, но и не отказались от идеи видимости всеобщей занятости и перекладывания ответственности за свои неразумные действия на граждан.

— Беларуская мова? Есть значительная часть людей, крайне озабоченных этой проблемой. Может быть, она даже растёт. Но большинство смотрит на их активность равнодушно-добродушно.

— Дедовщина в армии? Страшно. Но «долг Родине» отдавать надо, и защищать западные рубежи России от НАТО, кроме Беларуси, некому.

— Права меньшинств? Самых разных, от этноконфессиональных до самых экзотических. Все сочувствуют.

— Наркомания? Все об этом знают, но никто не знает масштабов и размеров. Сети распространения расширяются, но наказываются не распространители, а потребители, чаще случайные и неопытные.

— Брошенные дети? Дети, отнятые у родителей по бюрократическому произволу? Каждый отдельный случай привлекает внимание общества, но вмешиваются в решение проблемы отдельные энтузиасты.

— Хоккеисты стали проигрывать? Спортивные достижения не соответствуют тем вложениям и усилиям, которые туда вкладываются. Обидно, но что поделаешь.

— Резня бензопилой в минском торговом центре? Убийство учительницы и ученика в Столбцах? Новости первой строкой.

— Домашнее насилие? Харасмент?

Что я ещё забыл?

В стране куча проблем. «Как страшно жить!» — может воскликнуть чувствительная натура.

Но это не специфические для Беларуси проблемы, это проблемы всего современного мира. Это всё есть в каждой стране, в каждом обществе. Ну, за редким исключением. Проблема беларускай мовы — это только у нас. У ирландцев, шотландцев, каталонцев похоже, но у нас больнее. Насилие встречается во всех армиях мира, но принимает разные формы, у нас это наследие советской армии — дедовщина.

А в остальном всё, как везде.

Правда, есть кое-что, которое — только наше.

Мы — единственная страна в Европе, где практикуется смертная казнь.

У нас больше полицейских на 100 000 населения, чем где бы то ни было.

У нас нет парламента. Нет выборов совсем, мы никого не выбираем.

Что ещё? Памятники Ленину и Дзержинскому? Линия Сталина? Последняя диктатура в Европе?

Однако у нас есть и нечто хорошее, чего нет в других странах и у других народов.

— У нас стабильность.

— Нет разнузданной преступности, по улицам можно ходить спокойно.

— Рубль стабилизировался, в карманах появились монеты, от которых мы отвыкли за 20 лет.

— Наш Декрет № 8 впереди планеты всей.

— И на детском Евровидении мы хорошо смотримся.

Что не так в стране? Чего нам не хватает?

***

Поставил вопрос «Что не так в стране? Чего нам не хватает?», не стал на него отвечать и выждал два дня. Комментариев было немного, ещё меньше ответов. Но вот что отвечали!

Не хватает доверия, гласности, справедливости, лёгкости, свежего воздуха, свободы...

Понятно, что у меня такая лента в «Фейсбуке». В ней нет «одноклассников». В ней нет тех, кому не хватает на хлеб, на самое необходимое. Тем, кому не хватает на самое необходимое, некогда сидеть в интернете и читать большие тексты, они, видимо, трудятся в поте лица.

Но вот что интересно! Смартфоны у них есть. И компьютеры у многих есть. А ведь это не самые необходимые в жизни вещи!

Может ли не хватать на хлеб человеку, у которого в кармане смартфон? Я не знаю, всякое в жизни бывает. Но для меня очевидно, что уровень жизни в стране сейчас существенно выше, чем в советские времена. Выше, чем в 1990-е годы, и даже выше, чем в 2008 году. А недовольных куда больше. Почему?

Да по Маслоу, нашему, Абрахаму!

Нижние уровни потребностей из его пирамиды в стране удовлетворены. И этот факт все знают, но мало кто с этим считается. Да, в стране есть нищие и очень бедные люди. Но такие люди есть и в самых богатых странах. В любом городе мира можно встретить бомжей, клошаров, попрошаек. При самых высоких темпах роста экономики есть безработные. Они недовольны по вполне понятным и видимым причинам.

Но массовое недовольство беларусов связано не с нижними уровнями потребностей, не с прожиточным минимумом, не с безопасностью и уверенностью в завтрашнем дне в смысле голода и холода. Недовольство вызвано другими потребностями. Вот их и называют комментаторы под моим предыдущим фрагментом.

Беларусский авторитарный режим имеет левый уклон. Он заботится о бедных, он держит прожиточный минимум на безопасном уровне, он гарантирует этот минимум и даже чуть выше минимума. Знаменитая планка «по 500» время от времени достигается, и средний доход беларусов колеблется вокруг этой цифры.

Левые политики и режимы умеют говорить о нижних уровнях потребностей по Абрахаму Маслоу. В прошлые эпохи о высших уровнях заботились скорее правые. Но после Второй мировой войны Европа и развитые страны справились с бедностью на своих территориях. Стали выделять огромные суммы на борьбу с бедностью в других регионах — в Африке, Азии. Было время, когда и постсоветские страны были реципиентами такой помощи.

Но времена изменились. Времена и обстоятельства меняются порой быстрее, чем сознание и риторика. Политическая риторика беларусских властей («чарка и шкварка», «по 500») откровенно архаична. Но ведь и риторика оппозиционеров практически такая же.

А люди нуждаются в доверии, уважении, свежем воздухе и т.д.

Доверие и уважение «обоюдоострые» сущности. Люди нуждаются в уважении к себе, и они хотят видеть тех, кто достоин их уважения. Людям нужно кому-то доверять, и они хотят, чтобы доверяли им.

То есть людям нужны сейчас некие нематериальные ценности. Структура потребностей беларусов изменилась.

А риторика политиков и чиновников осталась прежней, устаревшей.

Чего же хотят беларусы? Чего в стране не хватает?

Свободы не хватает. Справедливости не сыскать ни в учреждениях, ни в суде. Социологи говорят, что больше 80% беларусов никому не доверяют — не только в политике и государстве, но и в повседневной жизни доверия не хватает. Уважения не хватает. Любви, наверное, тоже.

Если попробовать коротко сформулировать недовольство беларусов, обозначить, чего не хватает в стране, что нам надо, чего мы хотим, то придётся вспомнить хрестоматийные слова Янки Купалы:

«А чаго ж, чаго захацелась ім? — Людзьмі звацца».

Вот это «Людзьмі звацца» и есть главное содержание современной политической ситуации в стране.

Если в стране и есть оппозиция режиму и лукашизму, то это те люди, которые хотят «Людзьмі звацца».

Но что это значит? И тут нужно пересмотреть начало этого стиха Янки Купалы, написанного в 1905–1907 годах. Забыть о лаптях, худых плечах, о тех «горе, беде». Сейчас новые беды и новое горе.

Беларусский режим обессмысливает человеческое в человеке.

Поэтому, отвечая на вопрос, заданный самому себе в предыдущем фрагменте, я говорю:

— **Нам не хватает смысла!**

Это главное, что сейчас нужно искать и необходимо найти, — смысл.

Смысл человеческого существования. Не биовида, прямоходящего примата, а ЧЕЛОВЕКА.

Необходимо найти человека в человеке.

Человеку нужны свобода, справедливость, мечта, надежда, самореализация и самоактуализация.

А беларусу в своей стране везде выставлены препятствия, границы, стеклянный потолок.

Молодёжи негде учиться. Учиться не «чему-нибудь и как-нибудь», а современным знаниям, компетенциям, скилам.

Предприимчивым людям некуда расти, некуда развиваться.

Людям с честью и достоинством лучше не появляться на публике.

Куда податься «с умом и талантом»?

На что надеяться? О чём мечтать?

Вот это всё — самые главные и принципиальные вопросы актуальной политики в нашей стране. Всё остальное — производные от них вопросы, проблемы и затруднения.

Ну, и кто из политиков способен ответить на эти вопросы?

Никто, не политиков это дело.

Это философия.

Сначала ответы на эти вопросы, а уже потом политика.

Но кто ж станет слушать философские ответы на такие вопросы? Никто.

И что делать?

Ну, не всё сразу. Об этом чуть позже.

***

«Сначала хлеб, а нравственность потом» (рефрен песни из «Трёхгрошовой оперы»).

Жизнь и реальность даны нам в сознании. Сознание инерционно, оно не успевает за изменениями в жизни и реальности. Более того, сознание оформляет ту жизнь и реальность, которую воспринимает и осознаёт в словах и знаках, в языке. Языковые конструкции устойчивы и консервативны. Язык, которым мы пользуемся или который нами пользуется, описывает мир, жизнь и реальность в терминах и понятиях прошлого. Мы видим мир и жизнь не такими, какими они есть, а в образах, картинах и понятиях, которым нас когда-то научили. Или мы сами научились.

Мы привыкли описывать Беларусь бедной, несчастной страной. И даже когда бедности нет, мы её продолжаем описывать как бедную. И не просто описывать, мы её такой видим и так к ней относимся. И неважно, сколько у нас денег, сколько вещей, сколько метров в квартире и чем эти метры заполнены. Нищий — это сознание.

В США сейчас затеяли исследование детей и внуков тех, кто пережил репрессии: узников ГУЛАГа, нацистских концлагерей, жертв тоталитарных режимов. Проинтервьюировали и меня. Несколько вопросов были очень показательными.

Меня спрашивают, учу ли я своих детей и внуков доедать еду до последней крошки? Я отвечаю, что нет, этому я не учил своих детей. «Но ведь вас этому учили!» — продолжает допытываться интервьюер. Да, меня этому учили. Да, моя семья жила в бедности. Но это уже была совсем не та бедность, в которой жили мои родители и деды. Они прикладывали огромные усилия, чтобы выбраться из бедности. Да, они учили меня своим привычкам, сформировавшимся в ситуациях, где корка хлеба была неимоверной ценностью и даже могла сохранить жизнь. Но я уже не застал того времени. Я рос в других условиях. Мне было два года, когда мою

семью освободили из ссылки. Я не застал голода, я его не знал. Как не знали голода мои дети, даже в самые тяжёлые 1990-е годы.

Но мои родители знали, что это такое. Я видел блокадников в Ленинграде, которые знали ещё более страшный голод, несколько лет жили на грани жизни и смерти. Смерти от голода и холода. У них сформировался комплекс привычек, принципов и установок на всю жизнь. И они учили этому своих детей. Дети учились этому плохо. Эти привычки и принципы не соответствовали той жизни, которая их окружала. Старших это волновало, обижало, раздражало.

Но вот что интересно: поведенческие привычки голодных времён у послевоенного поколения не сформировались, а язык голодных времён оно усвоило.

Мы имеем три слоя восприятия мира и жизни:

— реальность, как она есть;

— картина реальности в сознании;

— язык описания реальности, как она есть, и картины реальности в сознании.

Картины в этих трёх слоях не инвариантны.

В стране установился некий режим. Этот режим совсем не похож на тот, что был в советское время. Но сознание воспринимает и видит этот режим по-советски, структуры сознания сформировались у половины населения Беларуси в советское время. И эти структуры сознания взрослые волей-неволей передают своим детям, рождённым при современном режиме.

Взрослые рассказывают детям о реальности. Но не о той, какой она есть. Они рассказывают о том, как они эту реальность воспринимают. И рассказывают это в словах и категориях языка, которому сами обучены.

Дети видят: то, что им рассказывают, не соответствует тому, что они видят сами. Но у них не хватает интеллектуальных средств, критичности и рефлексивности, чтобы соотнести эти две картины между собой и решить, на какой из картин остановиться.

Хуже того, у них нет языка, на котором можно было бы описывать, обсуждать эту проблему несоответствия и искать его

разрешения.

Языки описания реальности, окружающего нас мира и жизни заимствованы либо из описания прошлой, давно прошедшей реальности (Советского Союза), либо взяты из описания другой реальности (Запад, демократия, рынок) — то есть из образования, из того, что пишут в книгах и рассказывают в лекциях, в интернете, в телевизоре про другую реальность.

Бертольд Брехт написал свою «Трёхгрошовую оперу» по мотивам пародийной «Оперы нищих» Джона Гея. Пародия и сатира XVIII века положена в основу остросоциального произведения XX века. Так бывает со структурами сознания.

Сознание, конечно же, отражает реальность, но кривовато, оно не только отражает то, что есть, но и проецирует на реальность свои химеры.

Сегодня (1 марта 2019 года) Лукашенко вываливает на беларусское общество химеры своего сознания, навязывает свою картину реальности — картину реальности, отражающую не столько саму реальность, сколько содержание сознания Лукашенко.

Аналогичную структуру сознания имеют и многие беларусы, включая тех, кто в оппозиции режиму.

Но хуже всего то, что и оппозиция (порой даже очень радикальная), и Лукашенко пользуются одним и тем же языком для описания картин своего сознания и самой реальности Беларуси.

А это отравленный язык и искажённые картины в сознании.

***

Неравная битва дискурса с нарративом.

Лет 50–60 назад постмодернисты объявили, что время больших нарративов закончилось. Но они забыли уточнить, где, когда такое время было и где именно оно закончилось. Закончилось время нарративов в Германии, Франции, Бенилюксе, Скандинавии. Но в половине стран Европы господствовали именно большие нарративы. Самый большой и мощный нарратив тотально господствовал в СССР, и он же частично распространялся на большую часть Европы и разные другие регионы мира. Схожий с ним нарратив определял жизнь в Китае. И этим нарративам противостоял не меньший нарратив «свободного мира».

Постмодернисты поторопились хоронить нарративы. Они приняли локальную региональную ситуацию за глобальную. Обычный и заурядный евроцентризм, с которым они боролись.

При этом они так запутали само понятие «нарратив» обрывками структурализма и других модных подходов, что до сих пор распутать не могут.

Что такое «нарратив», лучше всего объяснил один из самых талантливых и ироничных постмодернистов Карлос Кастанеда. Он изобразил сам постмодернистский нарратив в форме мифологии и магической практики индейцев яки. Дон Хуан Матус использовал категорию «членство в описании мира» в том же самом смысле, в котором постмодернизм использует категорию «большой нарратив».

Нарратив — это язык плюс сумма повествований на этом языке, задающие описание мира. Люди принимают участие в нарративе, пользуясь этим языком, читая и слушая повествования о мире и транслируя эти повествования, что-то добавляя от себя, оспаривая отдельные утверждения. Сомневаясь, они только увеличивают, усиливают и укрепляют этот нарратив. Или, говоря словами дона Хуана, — принимают членство в описании мира.

Дон Хуан, Карлос Кастанеда, постмодернисты и феноменологи, которых пародировал Кастанеда, понимали и знали, что мир и описание мира (нарратив) не тождественны. Мир отличается от описания, причём отличается от любого описания, будь оно ближе к истине или дальше от неё. А сами описания мира (нарративы) конкурируют и враждуют между собой.

Так, как во времена холодной войны конкурировали и враждовали между собой монолитный псевдомарксистский нарратив («научный» коммунизм, истмат с диаматом) и плюралистическое описание мира в европейских и американских нарративах.

Причём в силу того, что на Западе существовало множество различных описаний мира и среди них было место и советскому псевдомарксистскому описанию, постмодернисты отказывались признавать западное плюралистическое описание мира единым нарративом. Может быть, это и правильно. А Александр Зиновьев совсем не прав в своей книге «Запад», объединяя и интегрируя основные положения всех европейских учений и идеологий в единый супермеганарратив. Не буду пока на этом останавливаться.

Мне важно другое. **В Беларуси время большого нарратива не закончилось.** Советский монолитный нарратив разрушен. Так же, как постмодернисты сочли разрушенными либеральный, националистический, коммунистический нарративы в 60-е годы XX века. Но свято место пусто не бывает: старый нарратив сменился новым.

Светлана Калинкина прокомментировала очередной многочасовой «большой разговор» Лукашенко словами: «Он так видит мир». Да, это мудрое замечание. Весь «разговор», который только имел видимость разговора и представлял собой длинный монолог, — это большой нарратив, повествование, развёрнутая картина мира, то есть описание мира в смысле дона Хуана.

Это очень важное обстоятельство.

Описание мира по учению шамана племени яки — это шаманское магическое действо. Для умелого шамана вовсе не обязательно

кормить слушателей наркотическими кактусами. Европейские шаманы давно овладели этим искусством. Насколько силён шаман-маг Лукашенко, я не буду разбираться, без меня знатоков хватает.

Меня интересует в этом другой важный аспект: а кто является соучастниками того описании мира, которое присутствует в повествовании Лукашенко?

И я могу ответить: все, кто вступает с ним в общение, говорит с ним на одном языке (в данном случае различие беларусского и русского языков совершенно несущественно), развивает или критикует эпизоды, факты, умозаключения в этом повествовании.

Все, кто разговаривает с Лукашенко, и все, с кем разговаривает Лукашенко, — это всё соучастники и соавторы одного описания мира. Над всеми этими людьми господствует один большой нарратив.

В стране просто нет другого нарратива.

Мне могут возразить, приведя в пример Змитера Лукашука, подарившего шаману книгу «на другом языке», или любимца либеральной публики Ярослава Романчука, которые присутствовали на том «разговоре».

Да, вопросы и реплики нескольких людей выбиваются из общего повествования и вроде бы противоречат всему тому, что описывается и повествуется на этом массовом шаманском камлании.

Но это не нарратив. Это обрывки дискурса.

Дискурс — это не нарратив.

Дискурс отличается от нарратива своей последовательностью, линейностью. Иногда в дискурсе могут расходиться линии или идти параллельно, но линейность и последовательность сохраняется. Дискурс может быть логичным, может быть нелогичным, а ассоциативным, например, но в любом случае дискурс — это рассуждение. Более или менее доказательное и аргументированное, но доказательное и аргументированное.

У дискурса есть начало и конец. Дискурс от чего-то отталкивается и к чему-то приходит через несколько этапов, шагов рассуждений и доказательств.

Если оторвать у дискурса начало, отсечь конец, выкинуть несколько важных и необходимых этапов в доказательстве и аргументации, он перестаёт быть дискурсом. Часть целого не есть целое. Людям, знакомым с дискурсом Лукашука или Романчука, услышанные фрагменты указывали на целое, на развёрнутое доказательство и аргументированное рассуждение. Но сколько таких людей?

Для других слушателей реплики и вопросы, представляющие собой этапы, фрагменты и шаги дискурса, существуют только как элементы нарратива, большого нарратива.

А нарратив не последователен и не линеен. Он не логичен и не доказателен. В нём могут встречаться обрывки цепочек рассуждений, вопросы и ответы, логические связки, отдельные разрозненные аргументы. Но всё это нелинейно.

Что значит нелинейно?

Линия — прямая или кривая последовательность точек (но точкой можно обозначить и большие вещи, например, аргументы, логические условия в алгоритме и т.п.) между двумя особыми точками — началом и концом. Разновидностью линейности могут быть любые связные графы (дерево, звезда и т.д.).

А нарратив строится принципиально нелинейно. В нём всё разорвано и если и связано что-то с чем-то, то иллюзорно или в случайном порядке. Постмодернисты придумали для такой нелинейной организации специальный термин — ризома. Ризома — это бессвязный набор точек, отрезков, линий, ниоткуда не начинающихся, нигде не заканчивающихся.

В этом смысле нарратив повторяет структуру мира, мир кажется нелогичным и неразумным, соответственно, и картина мира должна быть такой же.

Требовать от нарратива логичности и последовательности не стоит. Там этого нет и быть не может. Отдельные фрагменты могут быть последовательными и логичными, но и они никак не связаны с другими логичными и последовательными фрагментами.

Это напоминает структуру нетканых материалов. В таких материалах могут встречаться спрессованные нити, но их структура, функции и назначение совсем не таковы, что у нитей в тканях.

Поэтому **нарратив может ассимилировать разные дискурсы**. Как диамат, например, мог ассимилировать любые научные теории, даже те, которые первоначально отвергались как буржуазные. Пересажав и расстреляв всех вейсманистов-морганистов, сталинисты вернули генетику в образование через 20 лет преследований. Легко.

Особенно легко нарратив потребляет обрывки дискурсов.

В принципе, законченный дискурс имеет существенное преимущество перед нарративом. Дискурс логичен, последователен, проверяем. И в этом отношении дискурс красив. Даже если он содержит в себе отдельные ошибки и неточности и далёк от истины. Но к нарративу истинность вообще неприменима. Да и в эстетическом отношении нарратив оставляет желать лучшего. Чем больше нарратив (например, собрание сочинений Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина или «Война и мир», «Люди на болоте»), тем меньше в нём истины, красоты и добра. В больших нарративах всего по чуть-чуть: любви и ненависти, добра и зла, насилия, преступлений, геройства, и всё это — в беспорядочной куче.

Таков и нарратив лукашизма.

Для чего на «большой разговор» приглашаются Романчук и Лукашук? Чтобы дать им слово, но не давать развернуть дискурс. Оборвать на полуслове, не дать закончить, ограничить время регламентом, чтобы, даже начав с чего надо и закончив правильным выводом, собеседник скомкал доказательную и аргументативную часть. И тогда вопросы и реплики смелых оппозиционных оппонентов легко включаются в ризому нарратива, становятся частью описания мира. А сами такие собеседники становятся членами в этом описании мира.

И что же делать, как нам быть, не убиться ли головой об стену?

Я бы рассказал, но...

Это уже 13-й шаг в дискурсе. Можно рассказать тому, кто проследил 12 предыдущих шагов в линейном разворачивании

мысли, в цепочке аргументов.

Я и расскажу. Чуть позже.

А сейчас просто подведу черту в этом фрагменте.

Клин клином вышибают. Нарратив вышибают нарративом. Но не дискурсом. Тем более оборванным, скомканным.

Битва дискурса с нарративом изначально обречена на поражение. Лукашизму можно противопоставить только иное описание мира, иной нарратив. А это требует членства в нём.

***

Закон хайпа

Хайп не длится. Он вспыхивает и заканчивается. Продлить хайп нельзя. Его может сменить только другой хайп, с другим смыслом, не имеющим никакой связи с предыдущим.

Этот закон полезно знать пиарщикам и хайпмейкерам, чтоб не путать политику с попсой.

Очередное послание Лукашенко я не слушал.

Он настолько говорлив, что никогда никакой интриги в его выступлениях не бывает. Это просто свод в одну кучу всего, что говорилось в последний период перед очередным «большим посланием» в коровниках, в ПВТ, в Анкаре и где попало.

Печально то, как его слушают другие: и те, кому по должности положено его слушать, и оппозиция, и аполитичные обыватели.

Пока все слушают в стране только его, мне (да и любому философу на моём месте, если бы таковые были, и необязательно философу) поговорить ни с кем всерьёз не удастся.

А поговорить надо.

***

Два собеседника, каждый по-своему, требовали от меня разъяснений про смысл.

Один трактовал смысл слишком расширенно, вплоть до утраты всякого смысла.

Другой требовал определения смысла, что тоже лишено всякого смысла.

Поэтому – байка. Старинная.

Путешественник видит трёх человек, занятых одной и той же работой. По видимости, одной и той же, но только по видимости.

Спрашивает у каждого из трёх одно и то же:

— Что ты делаешь?

Первый отвечает:

— Разве не видишь? Камни таскаю.

Второй:

— Зарабатываю деньги, чтобы прокормить семью.

Третий:

— Храм строю!

Три разных смысла. Смыслы разные, а работа одна и та же – перетаскивание камней.

Чего же не понимают мои собеседники в смысле?

Кроме грузчиков и такелажников в строительстве храмов участвуют и другие специалисты, например менеджеры по кадрам.

Вот три объявления:

1. Требуются рабочие для перетаскивания камней.
2. Хорошая работа для вас, достойный заработок.
3. Приглашаем вас принять участие в строительстве храма!

Ну, и сюжет басни можно развить ещё в нескольких направлениях.

Возьмём, например, Беларусь.

1. Беларусь — страна для жизни, тут каждому гарантирована чарка и шкварка.

2. Я вам абешчаю — каждому па 500.

3. Граждане, есть идея — построим IT-страну!

Ну, и…

***

Смысл оказался очень тяжёлой категорией.

Я, конечно же, знаю, как путаются с употреблением категории «смысл» в семиотике, семантике, герменевтике, лингвистике, психологии, феноменологии, прагматизме, в других научных дисциплинах и философских направлениях. Но мне казалось, что в обыденном языке эта категория воспринимается проще, почти на уровне интуитивной очевидности. Но, оказывается, нет.

Дело, видимо, в том, что конкретный смысл путают с логической категорией. То есть, потеряв смысл (или не имея смысла), пытаются найти его в словарях, теориях, учениях. Очень глупое занятие.

Заглянул в словари. Оказывается, там есть даже статьи о «смысле жизни». И поисковик гугла показывает, что «смысл жизни» — популярный запрос.

Неужели кто-то ищет смысл жизни в гугле? Очень странно.

Да, я написал чуть раньше о том, что в нашей стране не хватает смысла. Там же я писал об утраченных надеждах, об отсутствии мечты. И я действительно так думаю и готов это повторять снова.

Но разве не глупо при возникновении вопроса о том, на что можно надеяться, искать ответ в определении понятия «надежда»? Разве не глупо на вопрос «О чём ты мечтаешь?» раскрывать категорию «мечта»?

Мечтать можно о любви. Но любовь — это любовь, и в мечте любви нет. Можно мечтать о новом автомобиле. Но автомобиля нет в содержании понятия «мечта». Можно надеяться на повышение зарплаты, но понятие «надежда» к этой надежде никакого отношения не имеет.

Смысла нет в вещах, объектах, предметах. Смысл может быть в отношении к вещам, объектам, предметам.

В том фрагменте, где я говорил про смысл, я упоминал пирамиду Маслоу. Мне рассказали, что это упрощённая схема. Конечно. Я и не

стремлюсь к усложнению, наоборот, пишу здесь очень простые рассуждения о сложных, даже сложнейших вещах. Стараюсь выражаться как можно проще. Но не отуплять, не профанировать сложность. Просто рассказываю о сложном просто.

Итак, пирамида Маслоу нужна мне, поскольку о ней все (очень многие) теперь знают. Ну, и топика этой схемы, или модели Абрахама Маслоу, позволяет указывать на места размещения смысла.

Когда я спрашиваю сам себя и читателей этих рассуждений, чего же нам не хватает в нашей стране, и сам же уверенно отвечаю на этот вопрос, что в стране не хватает смысла, то не могу отнести это ко всем и каждому человеку в стране.

Это относится только к тем, кто пытается отвечать на вопросы «Что в стране не так?», «Чего нам не хватает в своей стране?» Именно тем людям, которые задаются такими вопросами, не хватает смысла. К тем, у кого таких вопросов не возникает, это не относится. У этих людей смысл есть.

Вообще, после Выготского, Бахтина, Витгенштейна и других мыслителей XX века искать «смысл» в какой-то иной действительности, кроме вопрошания-отвечания, нет никакого смысла (не могу удержаться от такой тавтологии). Ханс-Георг Гадамер после них признавался, что «называет смыслом ответы на вопросы». Без вопроса нет ответа, без ответа на вопрос нет смысла даже в самом вопросе. Даже если ответ только предполагается или может быть получен только через много лет после заданного вопроса.

Кто же не задаётся вопросами «Что в стране не так?» и «Чего нам не хватает?»

Наверное, это люди, у которых «всё так». Например, это те, кто нашёл смысл жизни в творчестве. Живопись, музыка, ремесло, поэзия — любые творческие занятия способны наполнить жизнь смыслом. Творческие муки и радости, поиск новых выразительных средств, знакомство с другими творцами в своей или в смежных областях — всё это придаёт смысл жизни, даже если вам чего-то не

хватает. Может не хватать времени, красок, скрипки высокого качества, размеров мастерской, даже вдохновения. Но это всё не в стране, это у творца лично чего-то не хватает. Недостаток чего-то становится целью, оформляется в задачу. Например, надо найти нужные материалы, накопить денег на аренду большей и комфортной мастерской. Такие задачи — тоже компонент смысла жизни. Таким людям нет дела до суеты с выборами, им не до политиков, будь они диктаторами или его оппонентами. Им не до войны в Украине. Всё их сознание поглощено творчеством.

На другом полюсе находятся люди, которым приходится бороться за существование. Например, кто-то тяжело болен. Нездоровье и лечение поглощает все силы и помыслы. Это и есть их смысл, и для других смыслов просто нет места. Болезнь детей, родителей, близких — всё это тоже наполняет жизнь смыслом. Да, это не радостный смысл. Но человек понимает, зачем он живёт, понимает, что есть те, кому он нужен, кто без него пропадёт.

Бедные и нищие. Их смысл жизни ограничен физиологическими потребностями. Им приходится думать о том, что есть сегодня, некогда даже подумать про завтра. Приходится заботиться о том, как пережить зиму и дотянуть до весны. У таких людей просто не бывает свободного времени, чтобы подумать ещё о чем-то постороннем. Даже отдых для таких людей — это вовсе не свободное время, это время, необходимое для того, чтобы восстановиться.

Смысл жизни есть у увлечённых работой учёных, предпринимателей, изобретателей. Они могут не замечать некоторых неудобств в жизни и в быту. Могут одеваться лишь бы как, забывать вовремя поесть. Неудобства жизни в стране — это мелкие неудобства, если не отвлекают от любимого дела, не мешают отдаваться ему полностью. Если какие-то неудобства становятся невыносимыми, можно поменять условия — уехать в другую страну, где таких неудобств нет.

Почему-то под смыслом жизни некоторые люди понимают нечто высокое, чистое, светлое.

Да, такое тоже бывает. Но чаще бывает иначе. Смысл — это то, что позволяет понимать, зачем ты живёшь, понимать, что ты кому-то нужен, осознавать, что твоё дело для кого-то имеет значение, ценность. Смысл есть у тех, кто знает, что живёт не зря и его жизнь и он сам чего-то стоят.

Порой даже потери наполняют жизнь смыслом. Вас бросил муж, от вас ушла жена. Это больно, неприятно, обидно. Переживания переполняют душу и сознание. Можно преисполниться чувством мести, можно горячо захотеть нечто доказать другому, например, что он не прав. Можно просто страдать. И это составляет смысл жизни.

Смысл может возникать из недостатка чего-то на том или ином уровне потребностей в пирамиде Маслоу, а может происходить из полноты реализации своих способностей.

Но если это так, то что означает отсутствие смысла?

Я в этом контексте не буду рассуждать про «страдания юного Вертера», про юношеские и подростковые поиски смысла жизни. Это совсем другая тема.

Представим себе человека, у которого есть всё, что обеспечивает его потребности на нижних уровнях. У него есть крыша над головой, есть работа, приносящая хороший доход, есть дети, которые хорошо учатся или уже выросли. Всё необходимое в жизни уже сделано, и «всё как у людей». Что дальше?

Человеку, у которого удовлетворены все базовые потребности, нужно нечто большее — признание и уважение общества, участие в делах общества, самоуважение, осознание ценности себя самого, своего труда, своего мнения, в конце концов.

Человек работает в «вертикали», сделал карьеру, заработал на квартиру-дачу-машину. Он вроде бы успешен и многого достиг в жизни. Но его мнение никого не интересует. На службе он просто должен выполнять то, что приказывает начальство. Он был маленьким чиновником, выполнял поручения маленьких начальников, достиг министерского кресла — должен выполнять невнятные приказы верховного начальника. А смысл? Опыт жизни и работы доказывает глупость начальства, но ты не можешь ничего

сделать по-своему. Ради чего всю жизнь горбатился и пахал? В чем был смысл всего этого?

Человек любит свою страну, интересуется политикой, экономикой, культурой. Имеет своё мнение. Это мнение совпадает с позицией кого-то из оппозиционных лидеров. Человек отдаёт на выборах свой голос за этого политика. Но выясняется, что его голос не считается, его мнение никого не интересует, его никто не учитывает. Впрочем, как и мнение того оппозиционера, за которого он голосовал и который из года в год к каждым новым «выборам» повторяет одно и то же. Так какой в этом смысл?

Человек изобрёл нечто интересное, а это никого в стране не заинтересовало.

Человек хотел вложить свой труд в благоустройство парка, а парк вырубили.

Человек хотел, у него было собственное мнение, у него были предложения, была энергия — и всё это никому не нужно. И никакие усилия ничего не приносят.

И хуже всего — у человека нет никакой возможности понять тенденции и направления движения страны и общества.

Он знает, куда страна не пойдёт. Она не пойдёт за цивилизованным миром, не пойдёт в один союз, не пойдёт в другой.

А куда пойдёт?

В стране переходный период, но никто не знает, откуда и куда переход.

Государственная идеология разрабатывалась 15 лет, потрачены огромные деньги, в её создании участвовали десятки, сотни, тысячи учёных и специалистов. А в итоге — набор пустых слов.

Будешь в бизнесе круче среднего — с большой вероятностью сядешь. Был «вшивой блохой», а станешь зэком. И никак тебе не помогут твои заслуги, твои друзья в прокуратуре или на самом верху. Даже откупиться и то не просто. Так какой смысл заниматься тут бизнесом?

Какой смысл заниматься в стране наукой при таком финансировании и при таком начальстве, если всё равно не догнать

своих коллег из Европы и даже России?

Какой смысл учить детей, если программы устарели на десятки лет, а ничего нового не допускается?

Какой смысл лечить больных, если ты поставлен в условия, когда на каждого больного у тебя нет даже пяти минут, а на заполнение бумаг уходит в три-четыре раза больше времени, чем на осмотр?

Смысл нужен людям среднего класса, имеющим свободное время для участия в общественных делах, имеющим способности что-то сделать и быть полезными людям и обществу, имеющим чувство собственного достоинства и представления о чести.

И как раз у них этого смысла нет.

Вся общественная и политическая жизнь в стране — полная бессмыслица. Или того хуже — преступное бездействие. В судах нет справедливости. В образовании нет современных знаний. Предприятия не приносят прибыли. Армия никого ни от кого не защищает. Госаппарат не соблюдает законов и своих обязанностей без коррупционной смазки. А аккумуляторный завод строится, несмотря на бесСМЫСЛенные протесты. И будет построен, как АЭС. Голоса на выборах не считают, и кандидаты исполняют бесСМЫСЛенный ритуал.

Наше мнение никому не нужно, а если мы не согласны с официальным мнением, единственное, что нам предлагается, — уехать из страны.

У беднейших беларусов жизнь полна смысла — они борются за выживание, им нет дела до политики, культуры, общественных дел.

У творческих и увлечённых беларусов жизнь полна смысла — они творят.

А у большинства худо-бедно устроившихся в жизни беларусов смысла нет. Они могут либо исполнять бесСМЫСЛенные ритуалы, либо участвовать в бесСМЫСЛенных и безрезультатных планах режима, либо оСМЫСЛять всё это во внутренней или внешней эмиграции.

***

Вернёмся к противостоянию дискурса и нарратива.

Доверие к числам традиционно выше, чем к словам, к формулам и уравнениям оно выше, чем к вербальным текстам. Соответственно, доверие к математическим и естественно-научным утверждениям и рассуждениям выше, чем к гуманитарным.

Правда, сомнение в том, что алгеброй можно проверить гармонию, тоже имеет давнюю традицию.

Насколько математические доказательства применимы к словесным текстам? Например, можно ли выводы из теоремы Гёделя распространять на тексты гуманитарных наук, на политические, на любые другие тексты?

Жюль Ришар в начале XX века в попытках решения задач из списка Давида Гилберта провёл такое рассуждение.

Любое вещественное число можно выразить в словесной форме. Даже иррациональное. Так, число «пи» описывается словами «отношение длины окружности к длине её диаметра». Если каждое число можно описать словами, то каждому описанию можно присвоить номер и тем самым получить числовой ряд словесных описаний. С числовым рядом можно совершать математические операции, то есть получать точные выводы. Постулировав таким образом числовой ряд чисел Ришара, сам Ришар доказывает невычислимость положения числа Ришара в ряду чисел, или несовпадение вычисленного числа Ришара с его номером в ряду.

В практическом смысле парадокс Ришара означает алгоритмическую неразрешимость некоторых задач в программировании, или иначе: для решения некоторых задач может потребоваться неограниченное время и неограниченный объём памяти, что невозможно.

Ну, невозможно и невозможно, нам-то, гуманитариям, какое до этого дело?

А дело такое! Обе теоремы Гёделя, доказанные для формальных арифметических систем, могут быть справедливыми и для систем, описанных не числами, а словами, то есть для дискурса и нарратива. Как любая арифметическая формальная система не может быть и полна и непротиворечива, так и словесные системы либо непротиворечивы, либо неполны.

К дискурсу применимо требование непротиворечивости, и от дискурса нельзя ожидать полноты.

И, напротив, нарратив претендует на полноту и совершенно безразличен к противоречиям.

Умники развлекаются тем, что ищут и находят в нарративе Лукашенко разные противоречия, даже в одной и той же фразе. Но самого Лукашенко это нисколько не напрягает, как и любого, кто состоит членом в его описании мира.

Более того, в этот нарратив включается любое возражение на любое утверждение. Оппозиция или спикеры оппозиции, возражая Лукашенко, остаются внутри этого же нарратива и только укрепляют его.

Дискурс строится логично по схеме «если..., то...»

Нарратив строится диалектично по схеме «да..., но...»

Если дискурс сталкивается с фактом, который не вписывается в стройную логическую конструкцию, то этот факт выносится за скобки как нерелевантный, не имеющий отношения к делу. Правильно построенный дискурс, корректный и логичный, вырезает какую-то часть действительности и последовательно продвигается от постановки задачи к её решению.

Нарратив включает в себя всё, что подворачивается под руку, добавляя новые факты и новые идеи в общую картину. И вовсе не обязательно, чтобы одни идеи вытекали из других, чтобы факты хоть как-то были связаны друг с другом.

Дискурс аналитичен и эксклюзивен. Он членит и разграничивает, оставляя только нужное и существенное, исключая несущественное и ненужное.

Нарратив синтетичен и инклюзивен. Он объединяет и интегрирует всё, ничего не исключая, даже не выясняя, что важно, а что не важно. В нарративе всё пригодится.

Очень характерно выглядело противостояние дискурса Змитера Лукашука с нарративом «клуба редакторов» сразу после «большого разговора». Обсуждается книга, которую Лукашук подарил Лукашенко. Книга даёт логичную версию разворачивания войны России против Украины. Оппоненты Лукашука говорят, что читали эту книгу и книга очень плохая, в ней не представлена другая точка зрения, точка зрения России и ДНР/ЛНР.

Возражение выглядит абсурдно. Книга содержит логическое разворачивание истории новейшей войны с позиции одной из воюющих сторон. Откуда в ней может появиться точка зрения противника этой стороны? Это, как если бы в книге про победу советского народа в Великой отечественной войне излагалась позиция нацистов на эту войну.

Но «редакторам» в этом «клубе» этот абсурд не мешает. Они читали книгу, они слушают Лукашука, они вплетают его дискурс в свой нарратив и обессмысливают его.

То есть они лишают смысла логику, аналитику и позицию Лукашука, но наполняют всё это смыслами своего «описания мира». Если Лукашук ввязывается в спор с ними, то он вынужден ковыряться в деталях этого «описания мира», он добавляет свои слова и мысли в это длинное повествование, в этот большой нарратив.

Есть ли шанс у Змицера Лукашука выиграть спор с редакторами? Я даже не спрашиваю про спор с Лукашенко — хотя бы с редакторами? Вопрос риторический. В контексте того, что я уже написал, такого шанса у Лукашука нет.

Но можно подумать о другом. Некоторые адепты Зенона Позняка продолжают утверждать, что Лукашенко боится только Зенона. Что Зенон Позняк единственный, кто может противостоять Лукашенко.

Если бы я был в этом так же уверен, как и адепты и фанаты Позняка, я бы знал, что делать, что говорить, какую позицию занять.

То есть я и так знаю свою позицию, но я не вижу, чтобы Позняк представлял хоть какую-то угрозу для режима и единоличной власти Лукашенко.

Представляет ли Позняк иной нарратив, нежели Лукашенко, или же всё, что он говорит, вписывается в рамки дискурса?

Да, Позняк представляет иной нарратив, нежели Лукашенко. Он видит мир иначе, описывает его в иных категориях и понятиях, пользуется другим языком. И этот нарратив можно и нужно понимать и описывать. Это потребовало бы специальной работы — много времени и много текста. Это даже отчасти сделано, и не мной даже. Пока ограничусь общим выводом.

Нарратив, или «описание мира», членом которого является Зенон Позняк и который он разворачивает, повествуя о Беларуси, относится к тем самым большим нарративам, о которых постмодернисты 1960-х годов заявили, что их время закончилось.

Национальный нарратив, или национализм эпохи модерна, — это одно из нескольких (включая коммунизм и классический либерализм) «описаний мира», которое утратило свою силу в Европе после Второй мировой войны.

Я уже говорил о том, что постмодернисты поторопились объявить конец больших нарративов, это была большая ошибка постмодернизма или их наивная мечта.

Кончилось время одних больших нарративов, и пришло время других.

Причём старые большие нарративы не исчезли совсем. Они были включены в качестве строительного материала в процесс создания новых больших нарративов. Это как матрёшка. Каждая матрёшка — самостоятельная игрушка. Но эти самостоятельные игрушки можно вставлять одна в одну, и внутри самой большой помешаются несколько меньшего размера.

Национальный, или националистический, нарратив модерна вставлен в постмодернистский нарратив, как в матрёшку. При такой процедуре все смыслы, присутствовавшие в старом большом нарративе, переинтерпретируются и переосмысливаются по-новому.

Возвращаясь к Позняку и Лукашенко. **Нарратив Лукашенко включает в себя нарратив Позняка. Поэтому Позняк не конкурент Лукашенко — наоборот, он ему очень нужен.** Примерно так же, как Троцкий был нужен Сталину, как Эммануэль Голдстейн был нужен Большому брату в книге Оруэлла. Если бы Позняка не было, Лукашенко пришлось бы его выдумать.

В 2006 году в стране произошло важнейшее историческое событие — оппозиция внутри страны была полностью уничтожена как политическая сила, как общественно значимое явление. От оппозиции осталось только имя, название. Больше никто не мог помешать режиму ни в чём. А режим лишился возможности списывать свои ошибки и поражения на то, что ему кто-то мешает.

Вместе с реальной оппозицией исчезает и образ врага, враг становится всё более призрачным, бесплотным. Ну кто из 10 кандидатов 2010 года мог рассматриваться как серьёзный враг Лукашенко, кто мог представлять для него угрозу? Никто.

Ну, а уж когда их выпускали из тюрем, то всем показывали их бессилие и политическую несостоятельность, несерьёзность.

А враг интересен, важен и полезен только тогда, когда он серьёзен. Поэтому чем меньше может оппозиция в стране, тем большее значение приобретает Позняк в эмиграции. Большее значение не в реальности, а в нарративе, в описании реальности.

Позняк нужен Лукашенко для укрепления его режима. Не настоящий Позняк, конечно, а Позняк из нарратива, из повествования о реальности.

Итак! Что же получается?

А получается два варианта.

— Господствующему в стране большому нарративу может быть противопоставлен такой же большой нарратив. Такой же полный, объёмный, описывающий все стороны и аспекты беларусской реальности. И спикером (главным повествователем) может быть фигура, равная Лукашенко по рейтингу, популярности и «отмороженности».

— Господствующий в стране нарратив может быть снят, то есть включён в больший нарратив, который полностью поменяет смыслы, существующие в сегодняшнем «описании мира».

Впрочем, эти варианты совместимы.

***

Вот вы говорите — модерн!

А что вы называете этим ничего не значащим словом?

Так называют архитектурный стиль (или шире — стиль в культуре). Его ещё называют югендштиль — то есть новый, или молодой, стиль. Называют и арт-нуво, что то же самое.

Но молодое стареет, всё новое становится старым. Вот этот самый стиль модерн возник как новый в конце XIX — начале XX века, пообносился и стал старым стилем уже во время Первой мировой войны. А после войны и вовсе стал старьём.

А вы всё говорите — модерн!

Вот и Павел Терешкович повторяет старую байку про то, что нация — это проект модерна.

И что он имеет в виду?

Вчера у меня возникло подозрение: он считает, что модерн — это нечто существующее или существовавшее в реальности, в исторической реальности.

Но это ошибка. Или наглая ложь.

Никакого модерна никогда не существовало. Или не так: модерном каждый мог называть время, которое непосредственно предшествовало тому, новейшему времени, в котором живёт и осознаёт себя говорящий.

Поэтому каждый, кто произносит слово «модерн», автоматически помещает себя в постмодерн.

Все всегда живут в состоянии постмодерна.

В этом смысле слова «модерн» и «вчера» означают примерно одно и то же. Это прошедшее время. Поскольку сказать «вчера» можно только сегодня. А завтра это уже будет позавчера, а словом «вчера» будет называться совсем другой день — тот, что вчера был сегодня.

Это понимают даже маленькие дети, но профессора культурологии об этом прочно забыли. Ведь они же не дети!

Так вот, не было никакого модерна. Этим словом называется время с середины XVIII века и до того, как в моду вошло слово постмодерн. То есть от забора и до обеда.

И когда повторяют банальную фразу «нация — проект модерна», думают, что этим что-то объясняют. Может, и объясняют, но уж точно ничего не понимают.

А чего не понимают?

Состояние культуры и мышления второй половины XVIII века современники (те, для кого тогда были свои «сегодня» и «вчера») характеризовали как эпоху Просвещения.

Что они имели в виду?

Они думали, что все общественные проблемы можно решить просвещением людей. Или образованием.

Если в предшествующее время (которое для Канта, Гёте, Русо, Дидро, Вольтера и их современников было «вчера») людьми считались аристократы, дворяне, священники, образованная публика, а все остальные никого не волновали, то тогда (для них «сегодня») людьми стали признавать всех без исключения (то есть белых европейцев, но ещё не рабов).

При таком расширении состава людей быстро выяснилось, что массы тёмные и тупые. Но они люди. Их надо вывести из темноты — просветить. Отсюда — Просвещение как главная задача и ценность эпохи.

И они стали учить. В Пруссии король, министры и чиновники задумались о всеобщем начальном образовании.

Несчастный одинокий Ян Амос Коменский думал об этом ещё «вчера». Евреи всех детей поголовно учили читать и писать. Протестанты в Америке тоже пошли по этому еврейско-коменскому пути.

Но это были частные партикулярные традиции. В Европе же царили абсолютистские государства и без указа, декрета, разрешения короля ничего не делалось.

Старый Фриц (Фридрих II Великий) начал строить нацию сначала из прусаков — даже не всех, а потенциальных солдат для регулярной армии. Ввёл всеобщее начальное образование. Отменил принцип религиозной идентичности.

Даже в те времена высокого Просвещения в разных частях Европы и мира всё было не так.

Для строительства нации (да-да, именно строительства, нации не заводятся от сырости) следует учитывать несколько важнейших характеристик и факторов культурно-исторической ситуации:

— Структура общества и хозяйственного уклада.

— Уровень массового образования народа, из которого делается нация.

— Состояние и скорость массовой коммуникации в этот период.

Можно учитывать и ещё множество факторов, в том числе и мешающие созданию нации, но я не диссертацию пишу сейчас.

Предположим, что первой нацией стал народ восставших Штатов Северной Америки, провозгласивший республику США. Что про это нужно помнить:

— Эта нация создавалась в доиндустриальную эпоху. Создавалась плантаторами-рабовладельцами, купцами и мануфактурщиками Новой Англии, мелкими лавочниками и пионерами, осваивающими новые территории.

— Начальное образование в североамериканских штатах хоть и не было всеобщим и обязательным, но было широко распространённым, почти все умели читать и писать, и им было что читать — Библию.

— Коммуникация в это время у них была самой интенсивной по сравнению с другими — раз в неделю они собирались в церквях своих общин, и им всем рассказывались одни и те же проповеди.

Хороший, классный опыт. Прецедент, достойный подражания.

Но после НТР, которая началась примерно в это время в Англии, этот опыт был уже мало полезен для других.

Другие стали брать пример с Франции, которая первая начала строить так называемую гражданскую нацию.

Это немного странное определение, потому что все нации гражданские, других не бывает. Этнической бывает только национальная мифология и политическая идеология. Но это особый разговор. Можно напомнить только трактаты того же Старого Фрица, которого ещё называли королём-философом: в отличие от его папаши-солдафона, он даже турок и язычников готов был признать гражданами. Такая вот Ангела Меркель трёхвековой выдержки.

Французская нация создавалась буржуазией, которая возжелала почти по-беларусски — «людзьмі звацца».

До этого (во французском «вчера») людьми считались аристократы и священнослужители, а горожане, буржуа и крестьяне были податным сословием, не очень-то считавшимися людьми.

Французы отменили сословия, признав всех равными, если у них была собственность и они умели зарабатывать. Но хозяйственный уклад Франции этого времени всё ещё был феодально-земледельческим, доиндустриальным, хотя и с развитыми городами. Потом это обстоятельство аукнулось в эпоху Реставрации и контрреволюции.

Французы развернули сеть начальных школ, где детей лупили розгами за то, что они не умели «гаварыць на нармальнам языке», а лепетали по-правансальски, по-баскски, по-кельтски, по-эльзасски. Насаждали единый унифицированный язык.

Но у французов — по крайней мере, грамотных — были газеты, листовки, книги, даже большущая энциклопедия всех наук. Коммуникация уже была достаточно интенсивной. А вот в церкви французы ходить перестали, и этот фактор коммуникации перестал им мешать.

Одним из последствий строительства французской нации из аквитанцев, шампанцев, гасконцев, бургундцев, нормандцев, бретонцев и проч. стало создание гибридных наций в Нидерландах, Бельгии, Швеции, Дании и целой кучи немецких княжеств, где насадили Кодекс Наполеона. Про них пока не будем.

Потом пришла очередь немецкой нации и итальянской.

Тут пришлось из самоопределённых и политически активных этнических, религиозных, городских сообществ создавать нечто общее и единое. Это страшно интересная история, но пусть её кто-нибудь другой расскажет.

Мне важно другое.

Немецкая и итальянская нации создавались из регионов и общностей с разным хозяйственным укладом, по большей части архаичным. Но создавали их социальные группы, активно участвующие в промышленной революции в эпоху заводов, газет, пароходов и железных дорог. Главными действующими лицами в строительстве нации были генералы (кайзеровские — в Пруссии, самозваные, как Гарибальди или Раморино, — в Италии) и капиталисты.

Это происходило в эпоху массового распространения начального образования. Можно сказать, что это были нации начальной школы и ликвидации безграмотности.

И это было время массовых газет, которые доносили новости с минимальным опозданием — в одну неделю.

И что общего тут можно найти между Францией и Италией с Германией? С какой стати всё это называть одним словом — модерн?

Это совершенно разные эпохи и времена.

Можно рассмотреть прецеденты создания наций из крестьянских народов: финнов, эстонцев, латышей, литовцев, беларусов и прочих чехословаков.

Тут совсем другая ситуация.

Чтобы вообразить себя нацией, у этих народов не было самого главного — материала и повода для воображения.

Материалом и поводом для воображения вообще и для воображения себя нацией нужна литература.

Причём не просто литература, а литература, соответствующая уровню достигнутого образования на том языке, на котором говорят народные массы.

Ни у финнов с эстонцами, ни у литовцев с беларусами, даже у чехов со словаками всего этого ещё не было.

Не было литературы на народном языке.

Не было достаточной массы читателей на этом народном языке.

Газеты в таком случае могли использоваться по прямому назначению бумаги, но не как средство информации и коммуникации.

Все эти будущие нации к середине XIX века были одинаково «тутэйшыми» в ареале своего обитания. Всем этим народам пришлось делать всё и сразу:

— создавать начальные школы для всех;

— создавать литературу, доступную людям, едва научившимся читать;

— рассказывать этим слегка грамотным людям, что они некая нация, отличная от других, даже живущих с ними рядом.

Какой на хрен модерн?

У французов ещё в XVII веке были Шарль Перро и «Красная шапочка». Был эпос о Роланде, была литература, сказки и песенки для малых деток, которым уже в пять лет можно было объяснить, что они французики, а не какие-то там кельты или галлы.

У немцев братья Гримм появились позже, но они были. И песенки со сказочками для промывания национальных мозгов были заготовлены заранее.

Было у французов и немцев что почитать и подросткам, воспитывавшимся в романтическом духе, и взрослым с их критическим отношением к потугам строителей нации.

А что было у финнов и беларусов?

У финнов был свой язык, у беларусов — свой.

Финнам разрешили учить деток на своём языке, а беларусам — нет. Предлагался на выбор либо польский, либо русский, да и то не для всех.

Научившись читать, детки должны получить в подарок хотя бы парочку книжек для чтения.

Финнам пришлось сочинить Калевалу, эстонцам по образцу — Калевипоэг, латышам — сказки про Лачплесиса, литовцам — мифы про древних князей.

У литовцев хоть князья были «ничьи». Поляки их не успели присвоить, беларусы их терпеть не могли, как и всех панов. А у эстонцев и финнов не было никаких князей и исторических героев, всё пришлось вообразить.

Причём так вообразить, чтобы всё это поняли люди с тремя классами начальной школы.

Тем, кто начитался детско-мифо-национальной литературы, нужно было предложить постоянное чтиво.

Стали выпускать настенный и настольные календари на национальных языках.

Календари до конца XIX века были самым быстрым и стремительным средством массовой информации в деревне.

Старший член семьи вечерком, поевши затирки, раздав по подзатыльнику всем домочадцам, срывал очередной листок календаря и при свете лучины (чуть позже керосинки) зачитывал прошлогоднюю новость на обороте листка.

Вот и всё Просвещение.

Вот на таких скоростях и с такими СМИ создавались нации финнов, латышей, эстонцев и литовцев.

И ещё вся будущая нация у эстонцев и латышей собиралась раз в несколько лет на общий праздник песни, поэтому они все знали одни и те же песни и репетировали еженедельно в церковном хоре.

Понятно теперь, почему эстонские парни такие горячие?

Беларусы успели вскочить в «последний вагон» этого «модерна». Правда, без своей Калевалы, без мифологизированных предков в лице Витовта и Альгерда. И отрывные календари у них висели рядом с иконами на русском и польском языках. Но были «Дудка беларуская» и «Смык беларускі», была газета з рысункамі, доносившая новости недельной давности.

Мы успели. А могли бы и не успеть.

Потому что в XX веке появилось радио.

А радио немного отличается и от отрывного календаря, и от еженедельной газеты.

Ни один народ, который не успел сложиться в нацию до появления радио, не мог уже ни на что претендовать.

Радио — это новости в реальном времени, а не рассказы про древних князей и тени забытых предков.

По радио поют космополитичную попсу, играют джаз, а не декламируют эпос. Правда, можно накачивать слушателей пафосом Нибелунгов, совращать Золотом Рейна и героизмом Зигфрида.

Нацизм и зомбирующий коммунизм — вот что строится в эпоху радио.

А вы говорите — модерн!

Модерн — это парусники в Бостонском чаепитии?

Это конная почта, доставлявшая скоростную депешу из Марселя в революционный Париж за 5 (пять) дней?

Это безграмотные крестьяне, которые, открыв рот, слушали короткий рассказик с оборотной стороны листка календарика, зачитываемый единственным грамотным членом большой семьи?

Этот текст потенциально попадёт через минуту на глаза семи тысячам потенциальных читателей. Человек 300 в Минске его прочтут. Несколько человек из них даже поймут и задумаются.

К вечеру всё забудут.

А модерн — это когда книга Иммануила Канта выходит тиражом в те же 300 экземпляров и расходится по всей Европе за год-два.

И что общего у этих времён и эпох?

А вы говорите — модерн!

Я говорю — Просвещение.

И имею в виду при этом только одно:

Во времена Канта и Гёте книги читали, было кому читать.

Обдумывали прочитанное и помнили.

Сейчас?

Не читают.

Соответственно, обдумывать нечего.

А помнить?

Что можно помнить, если в голове постоянно звучит... попса или любая другая навязчивая и громкая музыка?

***

Бесплодные поиски национальной идеи затянулись. Но этим заняты лучшие умы Беларуси. Лучшие умы лучше бы направить на что-то более модерное. Прошу прощения за это слово!

Направление ума — интенция, интенциональность.

Сегодня лучшие умы нации в своих бесплодных поисках интенционально ориентированы совершенно не туда, куда нужно. Они ищут не там, где находится то, поисками чего они заняты.

Нет никакой национальной идеи в прошлом.

Когда-то (вчера, кажется, лет 150–200 тому назад) национальная идея была в прошлом. Не в настоящем (том, что действительно было) прошлом, а в воображаемом прошлом.

Поэтому нациостроители сочиняли эпосы (Калевалу и Калевипоэг, трилогию Сенкевича), собирали фольклор и выдумывали старинную мифологию своих народов или оформляли всё это в патетических формах искусства типа оперного цикла Вагнера. Всем этим будили массовое воображение. Так выдуманное прошлое придавало смысл настоящему. И совершенно не важно, что немец Вагнер пользовался скандинавским фольклором, а карельские сказки стали финским эпосом.

Можно сегодня придумать беларусскую мифологию (в конце концов, все славянские мифы этнографы собирали в Полесье), сочинить героический эпос (Владимир Короткевич даже сделал это отчасти), переписать летописи литовских князей на беларусский манер. Это интересно, занимательно и даже отчасти полезно. Но ничего из этого не получится.

Время вышло. Это было эффектно и эффективно, когда массовым было начальное образование, элита имела среднее образование, у интеллигенции было достаточно свободного времени, чтобы читать длинные произведения в стихах и прозе, медитировать над ними и ностальгировать.

Нет национальной идеи и в актуальной современности (в том, что сегодня). Ничего нельзя найти в искорёженной бесформенной современности. Ей самой нужно придать форму и направление развития.

«То, что должно быть, является основанием того, что есть».

В наше время (наш модерн, выбросив постмодернистские симулякры) все основания нужно искать в будущем.

Будущее — это то, что не похоже на настоящее и прошлое.

Не любое завтра становится будущим. Если в завтра протягивается сегодня, это только пролонгированное сегодня. Если в завтра контрабандой тащится советское вчера, это деградация, а не развитие.

Игра воображения безразлична к модальности времени. Можно нафантазировать что-то про прошлое, можно мистифицировать настоящее и можно мечтать о будущем.

Но мечта без рабочих усилий, без вложения труда ничего не стоит.

Мечта должна стать основанием для прожектирования и проектирования.

Мечту нужно оформить.

Можно оформить в художественный текст. Это будет утопия. Пока же в моде антиутопии. Тоже полезная штука, но это другое, это про то, чего мы не хотим брать в будущее. А что хотим?

Можно оформить в пафосный идеологический текст. Это будет манифест, декларация, доктрина. Но декларации и доктрины имеют смысл тогда и только тогда, когда к ним относятся серьёзно и ответственно. Есть такое доктринальное предложение — IT-страна. Серьёзность отношения проявляется в изучении доктрины, манифеста или декларации.

Можно оформить мечту в программу работ, список задач для решения, в стратегию.

Вот сюда нужно направить лучшие умы страны!

Но разве ж их куда-нибудь вообще можно направить?

Они же лучшие!

Да, пожалуй, ни я, и ни кто-то другой никуда не может направить эти умы. Не только лучшие, но и даже средние и заурядные.

Я могу только напомнить, что они всё же направлены, они интенциональны.

И напомнить, куда они направлены!

А направлены они, некоторые из них, на поиски прошлогоднего снега, в прошлое, либо бывшее, либо в выдуманное.

Есть ещё другие, которые направлены сами на себя, погружены в себя. Что они собираются там найти? Что можно там найти — это их тайна. Пусть. Не будем выковыривать их из погружения в себя.

Есть ещё умы, которые направлены на собственные и чужие фобии. Они подозревают, что будущее таки будет. Или может быть. И страшно его боятся. А вдруг чего? Вдруг им там, в этом будущем, не будет места.

Что ж, могу их успокоить — таки не будет.

И?

И кто же может оформить мечту в художественный текст, манифест, доктрину, проект, программу, стратегию?

Игорь Мамоненко за всех отдуваться должен?

Или методологи, которых все так не любят?

А, есть ещё Виктор Прокопеня!

Ну и господствующий нарратив. Который отрицает существование будущего на метафизическом уровне. Поскольку декретами будущее не вводится.

И новое время не наступает по календарю.

***

Сегодня участвовал в круглом столе по обсуждению проектного предложения IT-страны, которое делает Игорь Мамоненко.

Это самый продуманный и проработанный проект будущего Беларуси. И единственный по своей глубине и проработанности.

Если бы кто-то взялся «Думать Беларусь», думать о будущем всерьёз, то проект Игоря Мамоненко мог бы показаться не самым лучшим вариантом будущего, в нём можно найти прорехи, недотянутые аспекты.

Но таких людей почти нет.

Кто-то просто включается в реализацию проекта, раз есть такая возможность. Кто-то просто делает свою работу, не отдавая себе отчёта, что эта работа включена в проект. Кто-то относится к проекту как к утопии или как к любым проектам и прожектам.

Но проект требует к себе совсем другого отношения.

По тому, как сам автор подаёт и презентует свой проект, становится видно, что он не продуман до основания. Игорь Мамоненко называет много разных цифр: это и два с половиной миллиона рабочих мест в IT-секторе, и 3000 средняя зарплата, и ещё много всего. Но это не бухгалтерские цифры и не статотчётность. Это прикидочные цифры и ориентиры.

А начинать нужно с другого.

В цифровую эпоху нельзя легкомысленно относиться к цифрам.

Цифровая экономика — это не просто слова и не просто форма. Это новая промышленная и научно-техническая революция. Это смена всего уклада мирового хозяйства.

И если это так, то от революции невозможно спрятаться и укрыться.

Цифровая трансформация затронет всех и каждого.

В новый экономический уклад будут вовлечены не 2 500 000 работников IT-сектора, а все 100% беларусов.

Даже дети. Даже пенсионеры. Все.

И с этого нужно начинать.

Нужно поднять историю предшествующих трёх промышленных революций и НТР. Особенное внимание нужно обратить на социальные трансформации, ими вызванные.

Все НТР приводили к смене правящего класса и преобразованию элит.

Все НТР лишали огромные массы людей традиционных средств их существования (огораживание), но создавали совершенно новые (пролетариат).

Все НТР сопровождались контрреволюционными движениями, как социальными, так и разрушителями техники (луддиты).

Последствия НТР сказывались не только в тех странах, где они происходили, но и в очень далёких.

Английская промышленная революция плохо отразилась на Беларуси XVIII века. И Речь Посполитая, и ВКЛ сильно пострадали от первой английской промышленной революции потому, что не приняли её как неизбежность и не имели концепции и стратегии для развития. А вот Восточная Пруссия, хотя и переживала такие же последствия НТР на другом конце Европы, смогла воспользоваться ситуацией и стала ядром мощнейшего государства в следующем веке.

Так и сейчас. Цифровая трансформация экономики и всего жизненного уклада — это неизбежность. Хотим мы этого или не хотим — это происходит.

Можем ли мы воспользоваться всем тем новым, что несёт нам эта НТР в свою пользу?

Игорь Мамоненко оптимист. Он верит и знает, что сможем.

Я, как всегда, ворчу, потому что вижу опасности и риски.

Поэтому я знаю, что мы только тогда сможем воспользоваться глобальной цифровой трансформацией, если доведём проект IT-страны:

— сначала до ума и до совершенства;

— потом до реализации и воплощения в нашей Беларуси.

Тут думать надо! Крепко и ответственно.

И как бы парадоксально это ни прозвучало, **первое и главное, чего не хватает прорабам и строителям IT-страны, — это гуманитарной грамотности и компетентности.**

Страна — это гуманитарный объект. Её можно оцифровать, можно передать под управление искусственного интеллекта, но интенциональность и рефлексивность от этого не исчезнут.

***

Диктатура = бардак.

В медиапространство вброшена новая тема: диктатура.

Собственно, в теме нет ничего нового, кто только ни высказался о «последней диктатуре Европы», и уже давно все поправляют — предпоследняя.

Сам диктатор давно признал себя диктатором. Правда, его окружение это признание несколько коробило, и они пытались сделать вид, что это шутка.

Но недавно пресс-секретарь объявила, что в стране диктатура и что это хорошо, что диктатура может быть востребована в мире и это может стать брендом Беларуси.

Я давно говорю, что все ошибаются: в Беларуси не последняя диктатура. **В Беларуси установлена первая диктатура XXI века.** Поэтому для меня в заявлении Натальи Эйсмонт не было ничего удивительного.

Да, диктатура.

Да, в Европе распространяется мода на диктатуру.

Раньше диктатура была чем-то стыдным, её старались выдать за некую особую специфическую форму демократии.

Но в эпоху постправды, фейковых новостей, сакрализации мнений в противовес знанию и истине диктатура может стать привлекательной, может стать проявлением свободы мнений.

Собственно, так оно и есть. Лукашенко — диктатор, он очень нравится россиянам и украинцам, которым кажется, что порядок лучше бардака.

Но им извне не видно, что Лукашенко диктатор бардака.

В стране бардак, полный плюрализм, и именно это обстоятельство делает возможным диктатуру.

В Беларуси установилась первая диктатура эпохи полного постмодернизма. И хотя она установилась в 1994 году, она стала

предвестником политической моды XXI века.

Беларусская диктатура совсем не похожа на диктатуры индустриальной и постиндустриальной эпохи.

Все диктатуры индустриальной эпохи, кроме большевистской, были националистическими, некоторые с элементами фашизма, не придававшего значения этническим признакам и крови, другие с элементами нацизма, где кровь и этнос становились центральными стержневыми элементами идеологии.

Большевистская диктатура в СССР в первые десятилетия казалась совсем не националистической. Главным её признаком считался интернационализм. Но это объяснялось надеждой на всемирную диктатуру пролетариата и на мировую перманентную революцию. Когда надежда на это померкла, Сталин вернул национализм в идеологию. Это был национализм не нацистского типа. Он был больше похожим на фашизм, хотя и с элементами антисемитизма в отдельные периоды, с элементами геноцида в отношении отдельных малых народов и с намерением стереть все этнические различия в будущей «новой исторической общности — советский народ».

Советский народ должен был стать чем-то похожим на американский. Точно так же, как американцы могли помнить о своих этнических корнях, но все становились американцами ирландского, итальянского, еврейского, польского и т.д. происхождения, так и советские люди могли помнить, что их предки были таджикам и татарами, чухонцами, латышами или беларусами, но становились все одинаково советскими.

Для нежелающих растворяться в общеамериканской общности индейцев созданы резервации. Нечто аналогичное для «коренных народов» было бы создано и в СССР, если бы он вовремя не развалился.

Но это мне сейчас не так важно.

Важно другое!

Диктатуры индустриальной эпохи были идеологическими, они вводили единомыслие. В идеале — полное единомыслие, с уголовным преследованием инакомыслия и мыслепреступления.

Некоторые исследователи выделяли два типа диктатур XX века: авторитарные и тоталитарные.

Авторитарные — это недоделанные тоталитарные.

Тоталитарные добивались полного единомыслия, карали и убивали инакомыслящих.

Авторитарные режимы мирились с инакомыслием, просто держали его под контролем.

Мне такое разделение не кажется существенным для XX века и индустриальной эпохи. Авторитарные диктатуры просто не успевали развиться до тоталитарных. Это скорее этапы становления одного типа режимов, чем разные типы.

А вот для XXI века такое разделение может оказаться эвристичным. Дело в том, что современные диктатуры не нуждаются в идеологии и в единомыслии своих наций.

Напротив, современные диктаторы (Лукашенко — первый, Путин — второй, Венгрия, Польша — следом) паразитируют на плюрализме.

Чем больше мнений в обществе, разных и не сводимых друг к другу, тем безопаснее диктатору и его режиму.

Не надо путать плюрализм мнений с инакомыслием. Плюрализм мнений — это скорее немыслие, чем инакомыслие.

При таком плюрализме точка зрения неотличима от кочки зрения. Люди придерживаются своего мнения не потому, что они пришли к нему путём размышления, а просто усвоили его в импринтинге как иррациональную установку.

Такое мнение принимает форму мема, это просто докса (общепринятое мнение), оформленная в словах, как правило, не имеющих смысла и значения.

Поэтому человек доксы не способен критически отнестись к своей кочке зрения. Она есть, и всё. Иное просто немыслимо.

То есть к такой доксе вообще трудно применять категории «мыслимо-немыслимо». Скорее, не представимо. Нечто отличное от своей доксы (мнения, кочки зрения) просто невозможно представить.

Представить невозможно, но каждый постоянно встречается с иными мнениями, видит других, взгромоздившихся на других кочках, имеющих другое зрение.

Поскольку понимание иного мнения обязательно требует критического отношения к своему мнению, а усвоивший своё мнение иррациональным путём (внушением, тупым заучиванием, зомбированием, конформистским соглашательством) совершенно неспособен к критике, то ко всем иным мнениям вырабатывается только два типа отношения:

— полное неприятие, выражающееся в оценке иного мнения как глупости, абсурда или вражеской пропаганды;

— полное безразличие. «У тебя такое мнение, а у меня другое». «Я тебя не трогаю, ты меня не трогай».

Безразличие доходит до того, что люди имеют мнения, противоречащие сами себе, типа «православного атеизма» или «союзного государства», «рыночного социализма» и т.п.

И чем бессодержательнее докса, чем противоречивее мнение, тем большим ортодоксом становится человек.

Занимая с таким мнением свою кочку зрения, человек становится неспособным к коммуникации с другими.

Постмодернисты называют это обществом диссенсуса.

Диссенсус — это противоположность консенсуса.

В обществе диссенсуса люди не могут договориться друг с другом, а со временем даже перестают пытаться.

Именно этим свойством, состоянием диссенсуса современного общества, пользуются диктатуры XXI века.

Им не нужно единомыслие или консенсус в обществе, которых добивались Гитлер с Геббельсом и Сталин со всей партией.

Им достаточно уже того, что ортодоксы с разными мнениями не могут договориться между собой и выработать планы сопротивления диктатуре.

Самым страшным для диктатур XX века было инакомыслие. Для диктатур XXI века самым страшным является «мыслие» — просто мысль.

Мысль предполагает рациональный путь порождения мнения. Мысль — это не мнение, хотя и может включать в себя мнение — либо как начало мысли (мышления как процесса), либо как вывод. Вывод мышления не всегда совпадает с исходными посылками или гипотезами.

Рациональное мнение — это уже знание, претендующее на нечто запретное в обществе диссенсуса — на истину. Или на правильность в некоторых рамках и обстоятельствах.

Ничто так не раздражает постмодернистских диктаторов, как претензия на истинность. Они готовы признавать, даже поддерживать самые глупые, самые паралогичные и абсурдные мнения, но со всей силой своего гнева обрушиваются на любое мнение, даже гипотетически претендующее на истинность или хотя бы правильность.

Так что Наталья Эйсмонт знает, что она говорит и делает. Четверть века диктатуры, первой диктатуры XXI века, первой диктатуры общества диссенсуса, первой диктатуры цифровой эпохи, кое-чему научили первого диктатора и его окружение.

Граждане Беларуси!

Свободные граждане, знающие свои права на собственное мнение!

Восседайте на свои кочки зрения!

Никого не слушайте, ни с кем не соглашайтесь!

Остерегайтесь консенсуса с кем бы то ни было и в чём бы то ни было!

Хуже консенсуса может быть только истина! И здорово, что её не существует!

Все заблуждаются, кроме вас лично.

Лукашенко тоже заблуждается, но имеет на это право, в отличие от тех, кто занимает кочки зрения от вас поблизости.

Лукашенко диктатор, и есть мнение, что это хорошо!

Да продлится его диктатура вечно!

Да станет она национальным брендом Беларуси!

А это песня и гимн диктатур XX века. К нам это уже не относится.

Там все скованные одной цепью, связанные одной целью. И только один стиляга против всех.

У нас все против всех, у всех свои цели и свои индивидуальные кандалы.

Поэтому править нами даже легче.

***

«Как вы относитесь к плюрализму?» — спросили у одного из членов политбюро в разгар перестройки.

Он ответил вполне в духе перестройки, в архаичной форме коммунистического единомыслия:

— О плюрализме двух мнений быть не может!

По-моему, это один из самых прекрасных мемов перестройки.

То есть может быть ровно два: правильное и неправильное.

Правильное: плюрализм — это хорошо и жутко демократично.

Неправильное: любое другое.

Плюрализм для них — священный мем, сверхценность. О нём задумываться не надо.

Я же человек старорежимный. Для меня не бывает священных слов и запретных слов тоже не бывает («как это, жопа есть, а слова нет»).

До плюрализма я дойду, но сначала о демократии.

Демократия — это хорошо?

Ну, конечно, хорошо. Вот Афинская демократия. Отлично. Афины при Перикле процветали, и у каждого афинянина было по одному-два раба! Что может быть лучше?

Южные штаты во времена Линкольна и гражданской войны были не менее демократичными, чем северные, но только для белых. Тоже хорошо.

В Украине демократии куда больше, чем в Беларуси и России. Но почему-то украинцам хочется чего-то ещё.

Я-то согласен с Черчиллем, что демократия — худшая форма правления, просто все остальные ещё хуже.

Вот древние римляне свергли развратную династию и установили республику. Республику постоянно сопровождали конфликты и скандалы, бардак и всё такое. Но свободные римляне

готовы были это терпеть, понимая, что лучше бардак, чем развратный Тарквиний.

Но с бардаком можно жить в мирное время, а вот в военное время римляне вводили диктатуру.

Могу ли я сделать вывод, что демократия хороша в мирное время, а диктатура — в военное?

И наоборот: диктатура плоха в мирное время, а демократия — в военное?

Ну, по крайней мере, древние римляне так считали. И я в чём-то с ними согласен.

Тогда вернёмся к демократии. Демократия — это хорошо?

Ну конечно! Только не надо делать из демократии священную корову. Любые коровы гадят большими лепёшками. Даже самые священные.

Вот и демократия в Германии привела к власти Гитлера, а единственные демократичные выборы в Беларуси привели к власти диктатора, отменившего выборы, чтоб неповадно было. Но! Вы этого хотели!

Хорошо ли разбрасывать камни?

Конечно, когда пришло время их разбрасывать.

И плохо разбрасывать камни, когда время их собирать.

Так нужно относиться к любым словам, понятиям и явлениям.

Плюрализм — самое благоприятное условие для манипуляторов и демагогов.

Представим себе группу в 20–30 человек.

Перед группой выступает спикер со слабым невнятным тезисом. Его поддерживают три-пять человек в группе, остальные не определились.

— Если с места звучит иной тезис, оспаривающий то, что сказал спикер, то возможно развернуть дискуссию, и все участники смогут определиться, какую точку зрения им поддерживать.

— Если с места прозвучал иной тезис, но вместо обсуждения встаёт ещё кто-то и говорит третий тезис — как построить

обсуждение? Как определиться?

Кто-то четвёртый думает: «А чем я хуже?» — и выдвигает ещё один тезис. Потом кто-то пятый и т.д.

Что происходит дальше?

А дальше возможны несколько вариантов развития событий:

— Спикер разумен, и, видя такой плюрализм, нежелание обсуждать его тезис, он просто прекращает этот бардак, уходит или распускает собрание.

— Спикер — манипулятор с диктаторскими наклонностями. Для начала он стравливает второй, третий-пятый тезисы друг с другом и обесценивает — как тезисы, так и тех, кто их высказывает. Дальше — дело техники: спикер-манипулятор с помощью двух-трёх помощников берёт под контроль десятки человек.

Именно так начинали все диктаторы — от древнеримских до нашего «ацечаственнага».

Мысль разворачивается на тезисе-антитезисе, то есть на двух точках зрения, не более. Разобравшись с двумя тезисами и придя к консенсусу, можно двигаться дальше: согласованному тезису противопоставить следующий тезис и снова разбираться с тезисом и антитезисом.

Если сразу вывалить в коммуникацию пять-десять тезисов и мнений, то ничего, кроме бардака, не получится.

Будет базар вместо коммуникации.

И будет диктатура — волевое решение вместо разумно согласованного.

Не знаю, могу ли я ещё проще объяснить свою мысль?

Мне кажется, проще уже некуда.

Я всегда ухожу из любой группы, где пытаются обсуждать больше трёх мнений сразу. Пока их три, я ещё пытаюсь, если удаётся, выстроить антитезисы в очередь. Не всегда удаётся.

***

Карать и миловать.

Журналист спросил: «В прошлом году акция, посвящённая 100-летию БНР, прошла в центре Минска мирно и празднично, без проблем для властей. Почему в этом году чиновники не разрешили отпраздновать годовщину БНР в заявленных организаторами местах?»

Я отвечал развёрнуто, но не всё вошло в интервью.

Мне порой трудно понять, почему некоторые простейшие вещи не принимаются во внимание людьми. Те, которые мне представляются простейшими и очевидными.

Одно дело, когда для понимания чего-то нужны специальные средства, специальное образование и подготовка.

Ну, такое бывает в науке, в философии, в технике. Там нужно многому научиться, чтобы понимать немногое. Правда, и само понимание таких вещей нужно немногим.

Бывает и так, что люди хорошо понимают сложные вещи в той области, в которой специализируются, и не понимают обыденных вещей. Просто потому, что они об этом не думают.

Другое дело, когда люди вместо того, чтобы видеть вещи и явления такими, какие они есть, видят их через очки абстрактных теорий и категорий, приписывают вещам и явлениям то, чего в них нет.

Приписывают явлениям и событиям смысл, которого в них нет, и не видят тот смысл, который налицо.

Начну издалека.

На «большом разговоре» главный говорящий среди прочего рассказал, как он выпустил из тюрьмы бизнесмена, за освобождение которого ходатай заплатил немало миллионов. Не называя имени этого счастливчика, президент заявил, что и так все понимают, о ком идёт речь.

Я не знаю о ком, мне это неважно. Тут важно другое. Что именно этим сказал президент?

— Президент признал, что выпустил человека из тюрьмы он, а не суд. А ведь это прерогатива суда, а не его!

— Выпустил человека не потому, что признал его невиновным (хотя, опять же, это не в его компетенции), а потому, что за него заплачено. То есть озвучил факт коррупции.

Зачем он это сказал и что он тем самым сделал?

Сделал он следующее:

— Признал коррупцию на самом-самом верху режима.

— Признал узурпацию функций суда президентом. То есть отсутствие в стране разделения властей, основополагающего принципа республиканской формы правления.

— Признал превышение собственных полномочий, то есть признался в должностном преступлении.

Это понятно? Ну, кому-то, может быть, даже это непонятно. Тогда это многое говорит об этом «непонятливом» человеке.

Итак, что он сделал, что признал и что сказал — понятно. Это яснее ясного. А зачем он это сделал?

Ведь здоровый, здравомыслящий человек в трезвом уме и твёрдой памяти обычно скрывает свои преступления и признаётся в них только под давлением доказательств, чтобы смягчить наказание. А тут признание делается добровольно, да ещё и с вызовом, даже с гордостью.

А сделал он это вот зачем:

— Идут разговоры об амнистии капиталов. Это хорошо. Разговаривайте себе, но имейте в виду — амнистия будет только по моей милости: захочу — амнистирую, захочу — нет.

— В стране за решёткой много бизнесменов. Все гадают, кто виноват, кто не очень? Почему невиновные сидят, а виновных выпускают и прощают? Так вот не надо гадать! Захочу — любого посажу, а захочу — любого выпущу. Ваша судьба зависит не от того, виновны вы или нет, а от моей милости.

— Вы увидели в миллионах, которые заплачены за известного бизнесмена, коррупцию? Так я вам объясняю: коррупция — это то, что я называю коррупцией, и не ваше собачье дело, что такое коррупция, что такое преступление, злоупотребление властью!

— Я — диктатор, но я добрый, а не злой. Если меня хорошо попросить (немного миллионов украшают просьбу), то я всё решу по-доброму.

Теперь все поняли? Понятно ли, что он хотел сказать этим заявлением? Понятно ли, зачем он его сделал?

Если это понятно, то должно быть понятно и то, почему и зачем Наталья Эйсмонт рассказала про диктатуру как страновой бренд.

Если это понятно, то должно быть понятно и то, почему в прошлом году разрешили День воли, а в этом году не разрешили.

И совершенно неважно, хорошо ли прошло всё в прошлом году. Есть ли опасность беспорядков в этом году. Не надо искать других причин, кроме милости диктатора.

Нет в этом году никакого запрета на День воли. Просто нет милости диктатора. В прошлом году была, а в этом нет. Вот и всё.

Пойдём дальше.

Если это понятно, то ведь это фашизм!

А это понятно?

Кажется, впервые я произнёс публично слово «фашизм» в отношении к режиму Лукашенко в апреле 1995 года.

А ведь тогда режим ещё не успел сфальсифицировать ни одни выборы: первые выборы после избрания президента будут только через месяц.

Тогда ещё не было в стране политзаключённых.

Ещё ни один оппонент режима не был убит (убиты были Артименя и ещё один могилёвский деятель, но это были бизнес- или бандитские разборки), ни один человек не пропал без вести.

Какие же основания у меня были для квалификации режима как фашистского?

Я тогда написал в «Апрельском катехизисе»: «Достаточно ли лёгкого избиения депутатов в здании парламента, чтобы назвать

режим фашизмом?»

Сергей Наумчик до сих пор не может простить мне эту фразу. Он не обратил внимания на фашизм и обиделся только на «лёгкое избиение». Но избиение было действительно лёгким: никому не проломили череп, никого не убили и не покалечили. Двое из тех побитых 25 лет спустя присутствовали на последнем «большом разговоре» и даже хвалили мудрого президента.

Но уже тогда было видно, что в страну пришёл фашизм.

Правда, кому было видно?

Некоторые мои коллеги по партии тогда зашикали на меня, заявляя, что я могу накликать беду, называя это фашизмом.

Они не хотели видеть и понимать того, что происходит.

Не хотели!

Поэтому сами сделали возможным референдум через месяц, государственный переворот через полтора года. Убийство политических оппонентов через четыре года. И всё остальное.

Но ведь и теперь не все видят, что в стране фашизм.

Фашизм — это когда в стране нет закона, а всё решается по милости отдельных людей, по их произволу.

Никто не может ничего сделать по праву, которое ему гарантировано конституцией и законами. Если кто-то что-то получает, то не потому, что имеет на это право, а потому, что ему разрешили это по милости президента. А иногда и по милости самого мелкого чиновника.

Именно к такому отношению приучает людей режим.

К тому, чтобы все понимали: чиновник может разрешить, а может не разрешить.

Ему даже не нужно ничего запрещать. Никто в стране не имеет безусловного права на что бы то ни было. Всё обусловлено волей и милостью человека в должности.

Все и каждый зависят от милости и доброй или злой воли некоего человека, который может карать и миловать по своему усмотрению.

Книги и фильмы создали представление о фашизме как о чём-то страшно жестоком — с пытками, морем крови, миллионами смертей.

Да, так и было в Германии. Но в Италии, Испании, Португалии всё было гораздо мягче.

А в маленьких странах и вовсе не было всех этих ужасов.

Режим Улманиса в Латвии 1930-х годов тоже называли фашистским. И не только советская пропаганда: многие демократы в самой Латвии так считали. Но за всё время диктатуры Улманиса было всего несколько политзаключённых.

Аналогично обстояли дела в хортистской Венгрии, при режиме Антонеску в Румынии.

Фашизм может привести к ужасам и массовым убийствам. Но может иметь и очень мягкий вид.

Поэтому жестокость и репрессии — это не сущностный признак фашистского режима.

Сущность фашизма — это личностный произвол и волюнтаризм.

Нет закона, нет прав, нет правил — есть только воля личности, одного главного лица или тех лиц, кому произвол позволен и дарован по милости главного. Причём этой милости каждый может лишиться в любой момент.

Так зачем запретили праздник Дня воли? А вот затем и запретили, чтобы все понимали, что в прошлом году разрешили не потому, что изменился курс, что началась какая-то «мягкая беларусизация» или «либерализация», а потому, что режим проявил милость.

Единственный смысл всех решений — карать и миловать без всякого порядка и закона, без какого бы то ни было курса, плана и стратегии.

Есть две фундаментальные ошибки в восприятии таких режимов.

1. Интельское абстрактное гадание после каждого события о том, изменилась ли политика, программа, стратегия режима.

2. Приписывание причин решений настроениям лица, принимающего решения.

Немного разъяснений на этот счёт.

Наивные «пикейные жилеты» после каждого события придумывают некую смену курса. То обнаруживают, что режим «повернулся на Запад», то началась «мягкая беларусизация», то вдруг некая «либерализация». Это всё не имеет никакого отношения к тому, как принимаются решения волюнтаристским режимом.

Нет никакой стратегии у такого режима. А если нет никакой стратегии, то она не может измениться. Нет планов, нет программ. То есть всё это пишется на бумаге. Но это ничего не значит. Тысячи специалистов разрабатывают законы, концепции «развития малого и среднего предпринимательства», что-то там ещё. Люди заняты «делом», они видят в этом некий смысл.

Иногда им даже удаётся пробить некий декрет, закон, постановление. Получить на что-то разрешение.

Но это происходит не потому, что режим принял другую концепцию, взял другой курс. Нет. Просто он нечто кому-то разрешил. Проявил милость.

И гадания о сменах курса, стратегии, изменении концепции — это пустое.

Такого не бывает. Более того, если такое случится, это будет означать конец режима. Начало конца.

Концепции, стратегии, курсы — это всё предполагает некие правила принятия решений, правила поведения — как самого режима, так и других людей. Но если есть правила, то от воли чиновника и главного лица не всё зависит.

А вот этого такой режим никогда и никому позволить не может.

И второе: наивно думать, что волюнтаризм режима определяется настроением лица, принимающего решение.

Так думают двоечники, когда идут на экзамен, и интересуются, в хорошем настроении сегодня преподаватель или в плохом. Возможно, на экзамене это имеет смысл.

Но диктатор не руководствуется в принятии решений своим настроением. Он не может себе этого позволить. Ведь тогда смена настроений может рассматриваться как закон, по которому принимаются решения. И тогда тот, кто знает этот закон, сможет

управлять или манипулировать диктатором. Можно будет подольститься к диктатору и получить нужное разрешение.

Это само по себе нестрашно. Тем более он уже сам рассказал, что его милость можно купить за несколько миллионов.

Страшно другое: кто-то из ближайшего окружения сможет сделать продажу милости диктатора своим маленьким бизнесом, иметь с этого свой гешефт.

Оказывая диктатору маленькие услуги (изменяющие его настроение), можно добиваться нужных решений для нужных людей.

И это значит, что кто-то будет управлять и манипулировать самим диктатором.

Ни один диктатор, пока не впадёт в маразм, такого не допустит.

Но к старости маразм настигает всех, и диктаторы не исключение. Они тоже люди.

Престарелыми диктаторами управляют их секретарши, повара, шофёры, лечащие доктора.

И тут наступает полный апофигей диктатуры.

Не спрашивайте меня, что делать?

Сначала постарайтесь понять сказанное.

Только при понимании есть смысл спрашивать, что делать. И отвечать.

А делать надо многое. Если не хотим дожить до маразма диктатора, впав в собственный маразм.

***

Самое хорошее и правильное решение проблемы порождает новые проблемы.

Найденный способ решения проблемы сам становится проблемой, поскольку проблема, для решения которой он был создан, уже решена, а способ остался и живёт своей жизнью.

Успешные способы решения старых проблем становятся традицией, старые проблемы уже решены, но для решения новых они не пригодны.

Чтобы традиции не выглядели пустыми и глупыми, приходится симулировать или имитировать старые проблемы, делая вид, что они решаются традиционными способами.

Новые проблемы с трудом и большим опозданием осознаются как индивидуальным человеком, так и обществом, а старые всем хорошо известны. Поэтому новые проблемы не решаются, а все силы тратятся на имитацию решения уже решённых проблем.

Нерешённые новые проблемы не позволяют нормально жить и развиваться, а энтузиазм имитации борьбы со старыми проблемами создаёт иллюзию полноты жизни и симуляцию смысла.

Никогда не надо решать старые решённые проблемы. Они уже давно не проблемы, раз найдены их решения, а просто мелкие неприятности.

Решать нужно только новые проблемы.

Но новые проблемы могут видеть только те, кто решил старые.

Современная Европа борется с тоталитаризмом и национализмом первой половины прошлого века, который давно побеждён и уничтожен.

И ничего не делает против нового тоталитаризма эпохи новой научно-технической революции.

III

Иду на вы

Почему я не буду отвечать на вопрос «Что делать?»

Значительная часть комментариев к моим текстам либо прямо содержит этот вопрос, либо исходит из него. Ещё часть комментариев содержит ругательные слова «теория» или «философия».

То, что я пишу в «Фейсбуке», говорю в интервью, то, что появляется в СМИ, — это не теория. У меня много теоретических работ, их-то фейсбучная публика, читатели и зрители СМИ и вовсе читать не станут, да и не видят их.

В «Фейсбук» и в СМИ я пишу как философ для широкой публики.

Я пишу о том, как есть и что есть.

Не даю установок, не зову на борьбу, не раздаю поручений, не командую.

Философия — это не инструкция, не деловое поручение, не производственное или боевое задание.

Философия — это размышление и рассуждение. Глубокое скрытое размышление и предъявляемое всем рассуждение.

Философ не может и не имеет права говорить: делай так!

Философ говорит: подумай об этом вместе со мной!

Это единственное предложение, которое я могу сделать:

— Думайте!

— Думайте Беларусь!

— Думайте вместе со мной!

Я могу думать и без вас.

Но можете ли вы без меня?

Я читаю бездумные комментарии. Слышу бездумные отклики. Слышу категорические оценки того, что я сказал, и меня самого.

И слыша вот это всё, я должен отвечать на вопрос «Что делать?»

Чтобы получить в свой адрес ещё больше ругательств и оскорблений?

Чтобы умные и всезнающие сограждане дружно записали меня в «городские сумасшедшие»?

Впрочем, судя по комментариям, уже записали.

Ещё раз!

Я пишу о том, что есть и как есть.

Пишу и получаю обратную связь.

Из этой обратной связи я вижу, что большинство всё видит не так.

Не так всё происходит, как я написал и сказал.

Совсем не это происходит.

Я говорю об угрозе независимости, а множество комментаторов в ответ возмущаются: «Какая независимость? Нет независимой Беларуси». Другие добавляют: «Не бывает независимых государств».

И как я этим людям могу сказать, что делать, чтобы предотвратить угрозу, если они отрицают само существование того, об угрозе чего я говорю?

Как я могу сказать, «что делать», людям, которые лучше меня знают, что и как происходит?

Нужно быть полным дураком, рассказывая людям, что делать, в ситуации, которая для них не существует.

Я говорю, что угроза независимости Беларуси сегодня реальна, как никогда раньше.

Валадар Цурпанов разослал мой текст об этом всем депутатам Могилёвской области и города, в редакции всех СМИ в области.

Почти все они ответили (многие ответы написаны под копирку), что не видят никакой угрозы.

И как я им могу сказать, что им делать?

Впрочем, я скажу. Я ведь знаю ответ.

ДУМАТЬ надо!

***

Игра слов, игра словами.

Я написал, пожалуй, свой самый короткий пост в ФБ.

Всего три слова: «Сувениритет или суверенитет».

Люди с чувством юмора продолжили шутку, добавили «суевериетет» и «сюзеренитет». На реакции без чувства юмора и чувства слова можно не обращать внимания.

Но в моеей шутке всего лишь доля шутки. Вообще-то я не шучу. Это всерьёз.

Тут некоторые уже попали под гипнотическое влияние Ермошиной-Лукашенко и начали гадать, судить и рядить о новой конституции.

Понимают ли граждане Республики Беларусь, что в «новой конституции» слово «суверенитет» будет тождественно слову «сувениритет»?

И совсем не важно, что и как в этом тексте будет написано. Важно то, как этот текст будет превращён в документ об учреждении новой формы Республики?

Важно не столько что, а важно как!

Конституция не просто текст. Это перформативный текст.

Понятно ли это?

Конституция 1994 года очень легкомысленная. За 25 лет мы не поумнели. И к тому, что готовится, относимся ещё более легкомысленно, чем четверть века назад.

***

Я говорю, ты говоришь, он/она говорит. Мы говорим? Мы — народ!

Страна подготовлена к государственному перевороту.

Государство учреждается народом страны, и это учреждение оформляется в конституции — документе, конституирующем государственное устройство на конкретном историческом этапе его существования. В истории ничего не бывает постоянным и навсегда, всё меняется — что-то быстро, что-то медленно. События происходят быстро, власть, которая на них реагирует, меняется медленнее, а структура власти — государственное устройство — меняется ещё медленнее.

Оперативные решения властей устаревают, как только заканчиваются события, ставшие их причиной.

Законы могут устареть за несколько лет.

Конституции сохраняются десятилетиями, даже столетиями.

Первая конституция, учредившая Республику Беларусь, которая уже три года существовала по факту, была принята 25 лет назад.

Через два года конституция была нарушена и переписана в ситуации государственного переворота, поэтому не может быть признана в качестве документа, учреждающего государство.

В последнее время всё чаще говорят о новой конституции. Что это значит? О чём конкретно идёт речь?

А речь идёт о подготовке нового государственного переворота с непредсказуемыми последствиями.

Мы не можем знать всё. В лучшем случае мы знаем только то, чем интересуемся. Даже в том, чем мы интересуемся, мы знаем только какую-то часть.

Но если мы чем-то не интересуемся, это вовсе не значит, что этого не существует. Катастрофы случаются неожиданно. Но если

знать о возможной, о надвигающейся катастрофе, то можно её предотвратить или хотя бы минимизировать её последствия.

Уже видны признаки надвигающейся катастрофы:

— В декабре 2018 года премьер-министр Российской Федерации сделал в Бресте неофициальное заявление, которое многими экспертами и наблюдателями было расценено как ультиматум Беларуси, подкреплённый так называемым налоговым манёвром.

— Президент Республики Беларусь нервно отреагировал на это заявление, после чего были лихорадочно организованы несколько встреч с президентом Российской Федерации. О содержании этих встреч и результатах переговоров нам ничего не известно.

— Официально объявлено о создании рабочей группы по вопросам дальнейшей «интеграции» в рамках так называемого союзного государства.

— Проходят парламентские консультации между группами депутатов из России и Беларуси.

— В Москве организуются странные мероприятия, беларусские политологи и эксперты, имена которых скромно умалчиваются, встречаются с очень известными и влиятельными российскими экспертами и учёными. Очевидно, что российские эксперты обучают беларусских и инструктируют их по главным вопросам межгосударственных отношений. На этих мероприятиях нет ни одного сколь-нибудь известного и авторитетного беларусского эксперта, слово там даётся только российским спикерам.

— И российские, и беларусские СМИ навязчиво убеждают свою аудиторию, что Россия не покушается на независимость Беларуси.

— В Москве обсуждается идея изменения конституции Российской Федерации, и один из сценариев изменения конституционного строя предполагает объединение России и Беларуси в единое государство с вариантами либо конфедерации, либо федерации, но в любом из вариантов предполагается единый парламент и единый президент.

— Параллельно с вбросами о возможном изменении российской конституции стали обсуждать изменение конституции Республики

Беларусь.

— Официальные и неофициальные высказывания президента и главы Центризбиркома не вносят никакой ясности по всем этим вопросам: наоборот, только запутывают ситуацию. Вбрасываются в информационное пространство заведомо неконституционные предложения по изменению конституции.

Можно привести ещё множество прямых и косвенных высказываний официальных и неофициальных лиц, ясно свидетельствующих о том, что закулисный процесс «интеграции» не просто запущен, но набирает обороты и зашёл уже довольно далеко.

Комплексное рассмотрение всех этих признаков разворачивающегося процесса позволяет сделать очевидные выводы:

1. Синхронизированы и согласованы три процесса: пересмотр и доработка договора о Союзном государстве; подготовка условий для переизбрания Путина на очередной срок в России; разработка новой конституции в Беларуси.

2. Экономическое давление на Беларусь со стороны России усиливается и принимает ультимативную форму.

3. Реальная информация о том, что происходит, скрывается от беларусского общества, общественное мнение запутывается намеренно искажённой информацией.

4. Хорошие дела не делаются под завесой тайны и секретности. Решения, затрагивающие интересы всей нации и гражданского общества, обсуждаются гласно и открыто на всех этапах подготовки. В условиях таинственности и при такой маскировке готовятся только очень плохие, может быть, даже преступные решения.

5. Каким бы ни было окончательное решение, оно всё ещё не принято: между участниками со стороны России и Беларуси всё ещё существуют серьёзные разногласия и противоречия.

К этим выводам я прихожу аналитически. Я не видел никаких документов рабочих групп. Я не слышал, чему учили российские авторитеты наивных беларусских политологов. Я не знаю, кому

поручена разработка новой конституции и какое задание на разработку выдано.

Я многого не знаю.

Чтобы узнать всё необходимое — то, что сейчас скрывается от общественности, — нужен доступ к засекреченной информации. Несанкционированный доступ к такой информации имеют разведывательные службы. И у разведслужб третьих стран такая информация уже имеется. Об этом можно судить по ряду признаков, хотя все они тоже косвенные. Официальные лица и политики не могут впрямую озвучивать информацию, полученную неофициальным путём. Но ряд политиков в тех странах, которых непосредственно могут затронуть геополитические игры Путина и Лукашенко, уже дали понять, что им многое известно о планах и ходе их реализации.

Одной из заинтересованных международных организаций является НАТО. Поглощение Беларуси Россией несёт угрозу безопасности всей Европе. И было бы наивным думать, что НАТО не следит за развитием этой ситуации теми средствами, которые доступны. То, что стало известно руководству НАТО, было поручено озвучить бывшему генеральному секретарю этой организации Андерсу Фогу Расмуссену. Расмуссен сейчас лицо неофициальное, но он всё же дипломат, поэтому сформулировал своё знание в краткой и дипломатичной форме: «Ключевой риск — это повторение в Беларуси украинского сценария с войной и аннексией. Эту страну ожидает такой сценарий, если она не начнёт реформироваться».

Естественно, на такое заявление последовала очень нервная реакция беларусского МИДа.

Расмуссен добавляет: «Лукашенко не желает жить под гнётом Путина. Ему нужно выбрать: или реформы, или постоянный гнёт россиян».

Но процесс может зайти настолько далеко, что от желания и нежелания Лукашенко уже ничего не будет зависеть.

Это вовсе не Расмуссен и НАТО придумали, что Беларуси нужны реформы. Это говорили и говорят все разумные люди в стране — как

оппозиционные политики, так и специалисты-эксперты и даже многие чиновники в правительстве.

Но серьёзные реформы возможны только при изменении существующего государственного устройства. И это изменение придётся начинать с принятия новой, настоящей конституции.

Таким образом, **суть сложившейся к 2019 году общественно-политической, экономический и военной ситуации в Беларуси сводится не к альтернативе менять или не менять конституцию, а к другой дилемме:**

— менять конституцию под диктовку Кремля и Путина;

— менять конституционный строй в стране для укрепления суверенитета и запуска реформ.

Третьего не дано.

По любой конституции (будь то конституция 1994 года или исправленная и ухудшенная версия 1996 года, по любому тексту новой конституции) народ был, есть и останется сувереном в государстве.

Принятие новой конституции — это дело народа. Всего народа. Не политиков, не специалистов по конституционному праву, не назначенных писателей «конституций» — это дело каждого гражданина, который считает себя частью народа своей страны.

И тут мы оказываемся перед главной проблемой.

Народ лишён возможности участвовать в решении своей судьбы.

— Мы не знаем, уже начали писать текст новой конституции или ещё только собираются?

— Кто будет писать этот текст?

— О чём будет этот текст? Это будет национальное предательство и государственное преступление — отказ от независимости и суверенитета или это будет современная демократическая конституция государства XXI века?

В публичном пространстве уже появились немногочисленные рассуждения о новой конституции. Но эти рассуждения не затрагивают принципиальных аспектов и принципов. Они касаются частностей. Таких, как сроки и полномочия президента,

перераспределение полномочий между ветвями власти. Это всё должно найти место в новой конституции, но есть важнейшие и принципиальнейшие вещи, которые должны в ней быть.

Это принцип разделения властей и гарантии от узурпации всей полноты власти одной из её ветвей. Понятно, что узурпировать власть может только одна из ветвей — исполнительная. Что и произошло в стране по конституции 1994 года и усугублено в конституции редакции 1996 года.

Конституция 1994 года — это очень легкомысленный документ. В нём не были учтены некоторые важнейшие вещи и принципы, что открывало возможность трактовать её и так, и сяк, переписывать и ухудшать.

И совсем уж принципиальным является порядок принятия самой конституции.

Конституция — это учредительный документ государства. Граждане этим документом учреждают своё государство на долгий исторический период.

Это, казалось бы, банальное замечание означает, что конституция может быть просто текстом (хорошим или плохим), но реальной конституцией является не просто текст, а перформатив! Перформатив — это созидающее сообщение. Примерами таких перформативов являются те, что начинаются словами:

«Я нарекаю...!» — и так некто или нечто обретают имя собственное, становятся уникальным явлением в мире. Так нарекают именами детей. Так награждают орденами, присваивают учёные степени, лауреатский статус. Каждый может назвать всё, что угодно, каким угодно словом, но только перформатив делает нечто чем-то. Каждый может повесить себе на грудь орден или медаль чемпиона, но от этого не станет героем или чемпионом.

«Я объявляю...!» — например, специальные люди (где-то священник, где-то чиновник) объявляют двух людей мужем и женой, учреждают семью. Или кто-то объявляет нечто (школу, музей, выставку или мероприятие). Много народу толпится в зале или сидят в креслах, но некто, имеющий на это право и полномочия, объявляет

собрание, митинг, мероприятие открытым. До такого перформативного высказывания собрания и мероприятия нет.

«Мы, народ, учреждаем...!» — все государства в современном мире начинают быть с этих перформативных слов.

Мы, беларусы, граждане Республики Беларусь, ещё ни разу в новейшей истории этого не делали.

Мы обрели суверенитет в 1991 году посредством придания Декларации независимости статуса конституционного акта. Этот акт принят парламентом, Верховным Советом БССР 12 созыва.

Этот же Верховный Совет, избранный в Советском Союзе, согласно своему же акту ставший парламентом независимой Республики Беларусь, принял первую конституцию. Верховный Совет БССР и Верховный Совет Республики Беларусь — это одни и те же люди. Это они приняли 15 марта 1994 года конституцию, то есть учредили Республику Беларусь. Не народ, а три сотни депутатов.

Эти депутаты были избраны в одной стране, а учреждали другую.

Но дело обстояло ещё хуже. Они сами разрабатывали текст конституции, но не могли проконтролировать его окончательную редакцию.

Мы, народ Беларуси, и они, избранные народом депутаты, до сих пор не знаем, кто внёс в конституцию последние правки и почему она стала такой, которая предвосхитила диктатуру в стране.

Конституция 1994 года — это результат коллективной безответственности депутатов, членов правительства и каких-то никому не известных редакторов окончательного текста. Но главное, это результат безответственности и безучастности всего народа.

Обстоятельством, смягчающим вину безответственности, может быть неопытность. Неопытность народа, граждан, депутатов.

Но сейчас-то всё иначе! Мы уже 28 лет живём в независимой стране. Из этих 28 лет 25 мы прожили при диктатуре. Разве этого недостаточно, чтобы приобрести необходимый опыт?

Мы хотим, чтобы безответственное поведение при принятии новой конституции повторилось?

Мы хотим, чтобы за нашей спиной скрытно, по-мошеннически была решена судьба нашей страны: быть ей или не быть и какой ей быть?

Если мы не хотим этого, то нам нужно предпринять несколько действий:

— Мы, народ, не можем признать законными изменения и дополнения к конституции, принятые с нарушением всех процедур в 1996 году!

— Мы, народ, не можем принять никакою новую редакцию или новую конституцию, если она будет написана без участия всего народа и будет принята без всенародного обсуждения и голосования!

— Мы, народ, должны решить, кому может быть поручена разработка новой конституции, зная и проверяя каждого, кому это будет доверено!

— Мы, народ, не можем доверить разработку новой конституции тем, кто будет писать её для себя, выписывая и узаконивая свои полномочия, привилегии и права. То есть тем депутатам, судьям, профессорам, членам правительства и т.д., которые находятся при исполнении сейчас и которые захотят быть избранными и назначенными на высокие должности по новой конституции.

— Мы, народ, можем поручить и доверить разработку новой конституции только тем, кто примет обязательство в первые 5–10 лет не пользоваться правом на избрание и назначение на высшие должности в новом, учреждённом конституцией государстве!

— Мы, народ, должны выбрать тех людей, кому поручим и доверим разработку новой конституции на открытых, свободных, демократических выборах в Учредительное собрание!

— Только избранные всенародным голосованием делегаты Учредительного собрания полномочны разрабатывать и принимать новые учреждающие государство документы: конституцию и любые акты конституционного статуса!

— Делегаты Учредительного собрания должны быть избраны на достаточно долгий срок, например, на 5 лет, чтобы иметь время

разобраться со всеми нюансами и тонкостями важнейшего для народа и нации исторического правового документа — Конституции. Работа над новой конституцией должна быть закончена не позднее срока полномочий Учредительного собрания, но может быть закончена досрочно, после чего Учредительное собрание распускается!

— Делегаты Учредительного собрания работают не в одиночку, они могут привлекать для работы любого нужного им специалиста или гражданина.

— Делегаты Учредительного собрания принимают на себя обязательство (или приносят присягу, дают клятву) не избираться на государственные должности по новой конституции в течении одного или даже двух сроков полномочий президента и парламента. Исключение может быть сделано только для тех, кого изберут в Конституционный Суд, стоящий на страже исполнения конституции!

— Всё, что требуется от существующих властей в Беларуси, — организация открытых, прозрачных, демократических выборов в Учредительное собрание.

Учредительное собрание не предусмотрено никакими законами и действующей конституцией. Это так. Но государство учреждается не для того, чтобы его отменить и ликвидировать. Поэтому Учредительное или Конституционное собрание избирается только один раз в истории государства, и больше в нём нет необходимости.

Если мы, народ Беларуси, не сделали этого в 1991 году, это нужно сделать сейчас.

Иначе мы никогда не учредим СВОЁ народное государство.

Иначе всегда в дальнейшем кто-то будет принимать за нас любые решения.

Иначе мы и дальше будем жить с институтами, которым мы не доверяем.

Сегодня мы точно знаем, что не можем доверить разработку новой конституции президенту. Он всё равно обманет.

Мы не можем доверить разработку новой конституции парламенту: он назначен президентом, который всё равно обманет,

не спрашивая разрешения парламента.

Мы не можем доверять Конституционному Суду, члены которого тоже назначены президентом.

ИНЫМ ОБРАЗОМ КОНСТИТУЦИЮ МЕНЯТЬ НЕЛЬЗЯ!

Это категорическое заявление. Оно справедливо только ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, то есть в Беларуси 2019 года. В государствах с устойчивым конституционным строем, учреждённым разумными предками современных граждан, можно вносить правки в конституции, можно их улучшать и осовременивать. Но это не наш случай.

Сейчас над страной нависла реальная угроза утраты независимости. Если мы ничего не сделаем и это произойдёт, у нас на целый исторический период не будет возможности самим что-то решать в своей стране. У нас не будет государства и не нужна будет конституция.

Сейчас всё в стране решает один человек, он один решает за всё государство судьбу всей нации и каждого гражданина.

Я понимаю, что я тоже один. Что этот текст — глас вопиющего в пустыне.

Он один, и я один.

За ним стоит вся мощь армии, полиции, судов, банков, госпредприятий.

А за мной не стоит ничего, кроме свободной мысли.

Я знаю, что в стране есть очень много граждан, не согласных с тем одним, с президентом. Есть оппозиционеры — как в партиях, так и вне партий. Есть миллионы патриотически настроенных граждан и космополитически настроенных демократов. Все эти граждане не согласны с президентом.

Но президент контролирует вертикаль власти, СМИ и значительную часть народа — тех, которые верят «телевизору», которые боятся потерять то минимальное, что имеют. Миллионы этих граждан будут исполнять то, что прикажет президент.

Миллионы послушных президенту против миллионов несогласных с президентом. Кто окажется сильнее? Кто возьмёт ответственность за страну, за Беларусь?

Президента слышат в стране все без исключения — и согласные с ним, и несогласные. Согласные — это опора и сила президента. Их собственное мнение не имеет значения. Они все на стороне одного мнения, одного человека.

Несогласные с президентом имеют собственное мнение. Миллионы собственных мнений. Они слышат только президента, хоть и не согласны с тем, что слышат. Но они не слышат друг друга. Даже не интересуются мнениями друг друга. Они бессильны.

Миллионы несогласных бессильны против одного.

Потому что один может командовать миллионами, и эти миллионы будут делать то, что он скажет.

Миллионы несогласных с ним не будут делать ничего.

Даже если несогласных с президентом больше, чем тех, кто будет исполнять его приказы, они не могут стать силой, пока не противопоставят его мнению своё.

Я своё мнение здесь высказываю. Но оно моё мнение. И я один. Как гражданин я равен любому другому гражданину Беларуси, включая того, которого слышит вся Беларусь. Но от этого равенства нет никакой практической пользы.

Этот текст может иметь хоть какое-то значение, если его услышат миллионы. Не десятки, не сотни, не тысячи, а миллионы граждан Беларуси. Но я не имею возможности донести свои слова до миллионов. И существующие в стране СМИ не могут донести эти слова до миллионов.

Во-первых, ни у одного СМИ нет миллионной аудитории.

Во-вторых, для самих СМИ мои слова, моё мнение ничего не значат. Это ведь мнение всего лишь 1 (одного) гражданина. Одного из миллионов — и чем оно лучше или важнее любого другого из миллионов мнений? И эти СМИ не смущает то, что они же сами разносят мнение другого одного. Который никогда не говорит ничего определённого. И из его слов невозможно понять, сдаёт он суверенитет страны, президентом которой был четверть века, или борется с агрессивными имперскими притязаниями России.

Я понимаю, в какой слабой позиции я нахожусь. И тем не менее я говорю то, что говорю, и делаю то, что делаю.

Я хорошо и честно ответил себе на три кантовских вопроса:

Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?

Я сказал всё, что знаю, всё, что могу знать.

Я делаю то, что должен делать, зная то, что знаю.

Осталось ответить себе самому на вопрос: на что я могу надеяться, делая это и зная всё это?

Я не надеюсь, что все согласятся с моим мнением, высказанным здесь. Я даже не стану на этом настаивать.

Я надеюсь на то, что меня услышат. Десятки, сотни, может быть, несколько тысяч граждан.

Я не надеюсь на то, что смогу кого-то убедить в своём мнении.

Я надеюсь только на то, что угроза, проблема, опасность, на которые я показываю, говоря то, что говорю здесь, станут видны и понятны тем, кто всё это услышит.

Я надеюсь, что обсуждение этой реальной угрозы, проблемы, опасности начнётся. Что это могут вслух и громко обсуждать те тысячи, которые прочтут, поймут и увидят.

Я надеюсь, что в этом обсуждении найдут себя те, кто умнее, квалифицированнее, компетентнее меня. И они увидят то, чего не вижу я, найдут лучшее решение, которое не приходит мне в голову.

Я надеюсь, что граждане Беларуси способны решать общие проблемы, способны услышать друг друга и объединиться для предотвращения большой и общей угрозы.

Надежда — это то, что у меня осталось.

Жыве Беларусь!

***

9 тезисов о ситуации, как она выглядит с позиции непредвзятого и тщательного анализа.

1. Для принятия новой конституции всегда нужны очень веские основания. Кто-то может быть недоволен любой конституцией, но никогда конституции не меняются по первому же возникшему желанию.

В России новая конституция нужна для продления полномочий Путина, и ни для чего другого. Никаких других причин для этого нет.

В Беларуси у режима тоже нет никаких причин менять конституции, она и так подправлена и приспособлена под нынешний режим. Оппозиция имеет основания и причины для изменения конституции, но не она инициирует этот процесс, а режим, то есть те, кому нет никакой нужды менять конституцию.

2. Желание изменить конституцию в России есть, но реальных причин и поводов нет. Идёт поиск или создание таких причин или хотя бы поводов. В качестве самого очевидного повода рассматривается объединение с Беларусью в одно государство.

Для этого нужно совсем немного — придать союзному договору статус конституционного акта и объявить приоритет союзного договора над конституциями России и Беларуси.

Россия не может сделать это в одностороннем порядке. Более того, Путин и Кремль заинтересованы в том, чтобы инициатива подчинения конституции союзному договору исходила от Беларуси.

3. Проблема в том, что в Беларуси этого никто не хочет.

4. Включение Беларуси в Россию, или создание нового государства из двух, возможно различными путями:

— План «В»: военный, насильственный вариант подчинения Беларуси. Он не требует изменения конституции России, как и захват Крыма не требовал изменения конституции. Поэтому План «В» не

стоит на повестке дня. К тому же реализация этого плана приведёт к катастрофическим последствиям для России.

— План «Э»: экономическое банкротство Беларуси и включение её в Россию за долги. Этот вариант тоже не ведёт к продлению полномочий Путина, поскольку не требует изменения конституции. Экономическое давление на беларусский режим оказывается с целью принуждения к «добровольному» решению. Но дело в том, что российская бухгалтерия отличается от беларусской. И только с российской стороны баланс выглядит в пользу России.

— План «Д»: добровольное присоединение. Именно этот сценарий взят за основу. Для создания видимости «добровольного» присоединения инициируется разработка новой конституции. Единственное, что требуется в новом тексте, это упоминание Союзного государства и приоритета органов Союзного государства над государственными органами Беларуси. Простого упоминания достаточно. Остальное дело техники.

5. План «Д» затруднён нежеланием практически всех слоёв беларусского общества присоединяться к России. Поэтому в Плане «Д» предусматривается упрощение процедуры принятия новой конституции Беларуси. Исключаются участие практически всех слоёв беларусского общества в разработке нового текста конституции и референдум. Конституция будет разрабатываться узким кругом лиц, скорее всего анонимных, и приниматься будет нелегитимным парламентом.

Для успокоения общества вбрасываются в информационное пространство второстепенные предложения, вроде расширения полномочий парламента и сокращения полномочий президента, выборы в парламент по пропорциональной системе, выборы президента парламентом. Это то, что общество ожидает от новой конституции.

Но эти рациональные изменения не имеют никакого значения, если в новом тексте будет хотя бы одно упоминание Союзного государства.

6. Инициатива по изменению конституции Республики Беларусь исходит не от режима, а навязана из Кремля.

7. При всём нежелании Лукашенко и режима объединяться с Россией в одно государство это делается вынужденно, Кремль выставил режиму ультиматум.

Риторика Лукашенко направлена на отвлечение внимания общества от реальной угрозы, подбрасываются темы, которые общество будет активно обсуждать (выборы, беларусизация, политическая либерализация, экономические послабления, сама конституционная реформа), забывая о реальной угрозе потери суверенитета.

8. В сегодняшних условиях и при нынешнем раскладе политических сил идея Учредительного собрания является единственным принципиальным аргументом против закулисных игр в «конституционную реформу» — при всей утопичности этой идеи.

Никакие попытки изменения конституции не могут быть признаны законными, не могут отражать волю беларусского народа, если не будут разработаны и приняты Учредительным собранием и легитимизированы общенародным референдумом.

Никакое Союзное государство, стоящее над суверенитетом народа Беларуси, никогда не может быть признано законным, как бы оно ни создавалось и как бы оно ни называлось.

9. Только Учредительное собрание!

Никаких иных вариантов.

Об этом должны знать все граждане Беларуси.

Об этом должен знать Лукашенко. Об этом должны знать в Кремле. Об этом должны знать во всём мире.

Всё, что сейчас предпринимает Кремль для инкорпорации Беларуси, не имеет юридической силы. Это напрасная трата сил, ресурсов и времени. Так уже было в истории с пактом Молотова-Риббентропа, с «добровольным» вхождением в СССР Литвы, Латвии, Эстонии, с аншлюсом Австрии.

Не пытайтесь повторить эти попытки!

***

Чёрные страусы.

Об этом уже несколько месяцев говорят в Кремле.

Об этом косвенно намекают Расмуссен и Грибаускайте.

Три месяца назад я рассказал об этом Адаму Михнику.

Позже об этом рассказали на Блумберге.

Но почему об этом молчат наши доблестные независимые и удивительно честные зависимые СМИ? Про политиков неинтересно. Они в своей песочнице.

Только БелаПАН дал коротенький пересказ из Блумберга

И как долго будет это молчание продолжаться в стране, которую это в наибольшей степени касается?

Сейчас, когда об этом написал один из главных мировых поставщиков финансовой (не политической) информации, любой, самый мелкий инвестор, самый скромный бизнесмен будут интересоваться у беларусских партнёров: «Так когда же вас поглотит Россия? Не стоит торопиться со сделками, пока вас не присоединят, ведь неизвестно, с кем придётся договариваться».

И что будут отвечать доблестные беларусские бизнесмены? Скрытые лидеры рынка? Неподкупные наши чиновники?

Они будут лепетать: «Мы вне политики, нас это не касается»?

Беларусы — те же страусы!

В любой непонятной ситуации прячем голову в песок.

Не видеть опасности, не замечать угрозы, не слышать, не видеть, не знать! А вдруг пронесёт?

Не пронесёт!

И когда это случится, все будут лепетать про «чёрных лебедей». Ах, какая неожиданность! Никогда такого не было, и вот опять!

Для засыпанных песком глаз все лебеди чёрные.

***

Открытое письмо

Гражданину Александру Лукашенко от гражданина Владимира Мацкевича

Это обращение к вам продиктовано глубоким осознанием опасности для нашей страны, которая проявляется в последние годы все острее.

Вы завели страну в тупик, из которого существует только один выход — разворот на 180 градусов. Если страна продолжит движение в направлении, которое вы ей определили в самом начале своего пребывания в должности главы государства, то она просто перестанет существовать как суверенное независимое государство.

Вы давно потеряли управление страной. Вы все еще глава государства, и все рычаги управления у вас в руках. Но эти рычаги уже не связаны с механизмами управления и движения. Ваша многолетняя кадровая политика принесла свои плоды. Вы создали вертикаль власти из безынициативных, безответственных людей, не способных принимать самостоятельные решения без вашего прямого указания или без вашей оценки их деятельности. Но вы не можете быть везде: пока вы устраиваете разгон чиновникам в Орше, в каждом другом районном городе все делается в таком же режиме. Как только вы уезжаете из Орши, в ней тоже все восстанавливается в прежнем режиме. Вы не можете уследить за каждой коровой в стойле, вы не можете быть везде и сразу. Вы не можете уследить за каждым чиновником, даже если в ваш кабинет вывести все изображения с камер наблюдения в их кабинетах. Авторитарный директивный способ управления имеет ограничения и пределы, и эти пределы уже достигнуты.

Вы знаете, что уже ничем не управляете в стране: все идет само собой, по заданной колее. И вы знаете, как идет. «В стране бардак» — это ваши слова. И тут с вами нельзя не согласиться. Не

буду повторять ваши слова про назначенных вами же чиновников. Их постоянно слышит вся страна. Мы все знаем, что они ни на что не способны без вашего окрика.

И мы знаем, что у вас нет других людей. Вы снимаете кого-то с должности с большим шумом и через некоторое время этого же чиновника назначаете на другую должность. За короткое время без дела этот чиновник не поумнеет, не станет инициативным. Он просто унижен вами, а униженный и оскорбленный в новой должности будет реализовывать приобретенные с вашей помощью психологические комплексы, т.е. унижать и оскорблять своих подчиненных. И так по вертикали — сверху донизу. То есть от вас и до каждого госслужащего в самой маленькой должности.

Вы не управляете страной, все катится по инерции. Вы все еще имеете иллюзию, что хотя бы знаете, что происходит в стране. Но это только иллюзия. Такая же иллюзия когда-то погубила Кебича, вашего предшественника. У него не было такой громоздкой и жесткой конструкции властной вертикали, как у вас, но какая-то была. И он на нее полностью полагался, а люди из администрации обманывали Кебича. Они фильтровали и цензурировали информацию, которая поступала снизу вверх, и создавали у главы правительства ложную картину. Ему просто врали.

И вы сейчас вынуждены полагаться на созданную вами вертикаль. Все, что вы знаете о положении дел в стране, вы знаете из того, что вам поставляют по каналам вертикали снизу. Пока информация дойдет до вас, в ней не остается ничего от реальности. Разные ведомства обманывают вас по-разному. Не буду вдаваться в экономику, другие области и отрасли. Там алчные коррупционеры и чиновники выясняют отношения друг с другом, разоряя отрасль за отраслью. Ограничусь политикой и идеологией. Да и то напомню только самые характерные эпизоды.

В современном информационном мире невозможна никакая подпольная и партизанская деятельность. Каждый человек под наблюдением, местонахождение каждого можно отследить по геолокации, любой заговор и сговор всплывет в информационном

поле через несколько часов, как только будет задуман. И тем не менее ваши силовики раздувают дело «Белого легиона», которого уже много лет не существует. Ловят призрачные джипы на границах, раскапывают мифические схроны в пущах, создают нездоровое напряжение в информационном поле фальшивкой «фрау А». Потом выясняется, что это инсценировка. Но образ врага создан. Поиски новых врагов продолжаются, кипит работа. В создание таких фейковых врагов вовлечены органы милиции, но это не так страшно — пусть бы и развлекались себе, чтобы тонус не терять на случай реальных угроз. Но в это вранье вовлечены и суды. А вот это уже страшно. Впрочем, об этом я уже писал вашему министру Шуневичу в открытом письме, не буду повторяться.

Просто предупреждаю: вам врут. И врут именно те органы, которые должны поставлять вам достоверную информацию о положении дел в стране. Если бы вы и дальше жили в созданной иллюзорной стране, боролись бы с выдуманными врагами, мне бы до этого никакого дела не было. Чем бы правитель ни тешился, лишь бы людям жить и работать не мешал. Вы, конечно же, мешаете и очень многим. Но если люди готовы это терпеть, я не могу с этим ничего поделать. Пока терпят, и вам ничего не угрожает.

Из мировой литературы я знаю, как авторитарные лидеры и диктаторы чувствуют себя психологически. Они всегда преувеличивают угрозу своей власти и, зная судьбы других диктаторов, видят угрозу даже там, где ее и в помине нет. Когда одни диктаторы обжигаются на молоке, другие — на воду дуют. Но ваши психологические переживания меня мало волнуют, вы выбрали себе такую жизнь и судьбу, вам и проживать это.

Это открытое письмо вам я пишу потому, что над страной нависли реальные угрозы. Назову только две.

1. Страна катится по заданной вами траектории в противоположную сторону от мирового научно-технического и гуманитарного развития. Мы катастрофически отстаем. Еще несколько лет движения в этом направлении, и наше отставание станет необратимым. Вся наша экономика и национальное

хозяйство перейдут под внешнее управление. И совершенно неважно, кто возьмется вводить это внешнее управление — главное, что мы, народ Беларуси, перестанем быть хозяевами в своей стране, превратимся в безгласное население.

Мы и сейчас уже таковы. В стране только вы имеете право голоса, только вы принимаете решения, только вы несете полную ответственность за все, что происходит.

Вы можете наказать работников Боровлянского лесхоза, но они исполняют вашу волю. Вы можете снять с должности любого главу города или области, но ведь их никто не выбирал — вы их назначали и знали, кого назначили. Они вам обязаны своим назначением, и только вы несете ответственность за их ошибки, вредительство, преступления.

Вы можете посадить любого министра за коррупцию, но это ваши люди. Вы их отбирали, проверяли.

Вы превратили нацию и общество в пассивное, безгласное, безвольное население. Такое население примет и любое внешнее управление страной. Оно не умеет ничего решать сейчас и не заметит разницы в том, что уже не вы решаете в Минске, а кто-то другой, из другого города, из другой страны.

Но вас-то беларусский народ когда-то выбрал. Я не был среди тех, кто голосовал за вас, и всегда считал этот выбор народа большой ошибкой. Народ часто ошибается, и не только в Беларуси, во многих странах. Но это был выбор народа, и с этим нельзя не считаться. Да, вы превратили своей политикой народ в население, лишили народ суверенитета, присвоив весь суверенитет себе. Но вы — глава государства, как бы это мне или кому-то еще ни было неприятно. Первые пять лет вы даже были легитимным главой государства. Теперь вы несете полную личную ответственность за полноту суверенитета беларусской гражданской нации.

Это деформированный суверенитет, но это наш, беларусский, суверенитет. Пусть и без особых иллюзий, но я, Владимир Мацкевич, гражданин Республики Беларусь, могу обратиться к Александру Лукашенко, гражданину Республики Беларусь, временно

исполняющему обязанности главы государства. При внешнем управлении у меня такой возможности никогда не будет.

Понимаю, вас может задеть определение «временно исполняющий обязанности». Но это ваши проблемы — обижаться и реагировать на такое определение. Я даже не стану настаивать на том, что вы перестали быть легитимным президентом в 1999 году. Не стану настаивать и на квалификации событий 1996 года. Знаю, что вы никогда не разделите мой взгляд на это и считаете себя в своём праве, считаете себя легитимным и законным президентом. Пусть так.

Но вы временно исполняющий обязанности объективно, а не потому, что я так вас называю. 25 лет у власти — это очень много, это четверть века. Но это много — лишь в масштабе человеческой жизни, но очень мало — в масштабах истории. Беларусская нация молода, она существует полтора столетия плюс-минус десяток лет, поскольку свидетельства о рождении нации никто не выдаёт. И четверть века вашего правления — всего лишь эпизод в истории нации.

Впрочем, другие европейские нации по историческим меркам — наши ровесники. Но Беларусь имеет тысячелетнюю историю. Мы едины с нашими предками, теперь мы — нация, а раньше были народом, племенем, посполитым людом. Мы были, мы жили под другими именами, это все наше, наша история, наше наследие. И годы вашего правления на фоне тысячи лет — всего лишь миг между прошлым и будущим. Вы сейчас временно исполняете очень важные обязанности. Вы в ответе перед тысячелетним прошлым, и вы имеете огромное влияние на то, каким будет наше будущее. Сейчас от вас зависит, будет Беларусь развиваться или продолжит деградировать.

Итак, угроза состоит в том, что, если мы не выбираем путь интенсивного развития и не найдем своего места в новом экономическом укладе и трансформирующемся мировом разделении труда, мы потеряем суверенитет и подпадем под внешнее управление.

Эту угрозу можно еще предотвратить. Для этого нужно просто начать и развернуть реформы. Об этом вам говорили и говорят без меня: и независимые эксперты, и разумные чиновники, которые иногда случайно попадают в вашу вертикаль.

От себя добавлю только одно. История знает случаи, кода диктаторы давали импульс реформам и запускали процессы развития в стране.

Пока у страны есть шанс. И у вас еще сохраняется шанс, пока вы временно исполняете обязанности главы государства.

Вы способны воспользоваться этим шансом?

2. Впрочем, это уже не только от вас зависит. И это — вторая из угроз, о которых я обязан был написать это письмо вам.

Эта угроза состоит в том, что сегодня в мире существует только один претендент на внешнее управление нашей страной, но зато очень настойчивый!

И вы это знаете лучше меня. Это Россия. Даже не так. Не Россия, а Кремль и та группировка, которая лоббирует продолжение той политики России, которую она сейчас проводит.

Объективно России не нужно аннексировать Беларусь. Это нужно только некоторой властной группировке.

Но вы же лучше всех знаете, что объективные интересы страны отступают на второй план, когда субъективные интересы авторитарного лидера или диктатора берут верх. Ваш диктаторский стаж больше Путина. И дело не только в стаже. Путину куда легче сохранять авторитарный режим в России, чем вам в Беларуси. Впрочем, не стану говорит вам комплементы как диктатору, компетентному и успешному в своём роде.

Сейчас интересы кремлевского режима входят в острый конфликт с вашими личными субъективными интересами. И вы оказываетесь в очень невыгодном положении.

Вы не хотите отдавать государственный суверенитет и делать Беларусь частью России. Это не в ваших интересах.

В данном случае мои интересы совпадают с вашими. Но я — простой гражданин Беларуси, а вы — глава государства. И по

заведенному образцу авторитарных режимов ни Путина, ни Кремль не интересует мое мнение, как и мнение миллионов граждан Беларуси.

Путин убежден, что вы уже превратили народ Беларуси в безгласное, пассивное и молчаливое население, поэтому разговаривать он будет только с вами. Он и разговаривает только с вами.

Рабочие группы, органы т.н. Союзного государства — это все ваши с Путиным инструменты, они не имеют ни собственной воли, ни собственной позиции, так же как водители тракторов с заклеенными номерами, вырывавших кресты в Куропатах. Они люди, но механически бездумно исполняющие приказ. Не стану сейчас отсылать вас к гуманитарной, философской и правовой литературе о людях, которые «ни в чем не виноваты и только исполняли приказ», — после Нюрнберга об этом много написано, и вы это должны знать, имея диплом об образовании историка.

Я понимаю, как вам тяжело вести разговор с Путиным о суверенитете Беларуси. Но не сочувствовать же мне вам! Вы сами до этого довели ситуацию. Подписывали соглашения с попустительским Ельциным, а иметь дело пришлось с жестким и авторитарным Путиным. К тому же Путиным в тяжелом положении, у которого нет пространства для маневра и не так уж много вариантов.

Очень надеюсь, что Путин пока еще не выставил вам ультиматум. То есть не поставил вас в безвыходное положение. А он это может! И не остановится ни перед чем, если у него не будет других вариантов для достижения своих целей, кроме аннексии Беларуси и ликвидации нашего суверенитета.

Нашего — граждан независимой Республики Беларусь, т.е. и моего в том числе. Но и вашего! Ведь вы присвоили себе суверенитет практически целиком и полностью.

А может быть, ультиматум уже предъявлен?

Просто мы, я и другие граждане Беларуси, об этом не знаем. Не знаем, но можем предположить.

Я во всяком случае предполагаю. И имею для этого веские основания. Я бы рад ошибаться. Но мои сомнения можете развеять только вы.

Причем вы можете развеять мои сомнения только делами и поступками, а не словами. Ведь по тону и содержанию этого письма не трудно понять, что ни одному вашему слову я не поверю. Вы за 25 лет научили меня, в чем вам можно верить, а в чем нельзя.

Сначала об основаниях моих предположений, а потом о делах, которым я могу поверить.

Вы объявили о необходимости смены Конституции и даже о начале работ над новым вариантом.

Верю. Помню, как когда-то давно вы сказали Хансу Георгу Вику, что, уходя, вы не оставите преемнику тех безграничных полномочий, которые есть у вас как главы государства. Это разумно.

Но могу ли я поверить, что вы именно с этим замыслом переписываете Конституцию?

Пока нет. Я пока вижу, что Конституцию собрались менять и в России. И эта синхронность меня очень пугает. Кроме того, неофициально в России говорят о придании соглашениям о Союзном государстве статуса Конституционного акта. А это уже прямая угроза суверенитету.

Есть еще несколько оснований для моих предположений, подозрений и опасений. Я их уже высказывал в своих статьях раньше. Не думаю, что вы их читали, но спросите у тех, кто обязан их читать, и вам расскажут.

Для разговора с вами достаточно одного аргумента — Конституции.

Итак! Работа над новым текстом Конституции началась, и она незаконна.

Да-да! Вы временно исполняете самую высокую обязанность в стране. У вас самые большие возможности, самые большие права. Но писать Конституцию вы не имеете права. Ни вы, ни те, кому вы это поручили. Это право суверена! А сувереном все еще остается народ Беларуси.

Конечно, не будет весь народ писать Конституцию, как казаки письмо турецкому султану. Текст должны писать квалифицированные специалисты.

Но народ должен знать имена этих специалистов!

Причем не просто знать, он должен им делегировать свое право писать Конституцию от своего имени, от имени народа.

Причем эти специалисты не только юристы. Конституция касается всех и каждого, поэтому в состав коллектива, разрабатывающего новую Конституцию, должны войти специалисты во всех областях жизни страны.

Это не может быть назначенная рабочая группа анонимных авторов.

Это собрание облеченных доверием народа представителей, наделяемых правом разрабатывать Основной закон страны на много лет вперед. Эти представители что-то могут сами, а для чего-то имеют право привлекать самых лучших специалистов из любой области, заказывать исследования по всем спорным и проблемным вопросам.

Только полномочные представители, избранные на всеобщих выборах, могут подписать новую Конституцию — учредительный документ новой Республики Беларусь.

И чтобы я им мог доверять, эти представители должны взять на себя обязательство не выдвигаться на избираемые должности в государстве в первые 5, а лучше 10 лет после принятия новой Конституции на всеобщем референдуме.

Знаете, господин президент, чем мне не нравится действующая Конституция? Тем, что она была исправлена и дополнена под вас. Она для вас. Так же как вариант Конституции 1994 года писался и подгонялся под Кебича и депутатское большинство последнего созыва Верховного Совета БССР.

Конституция — для народа и страны, а не для тех, кто ее пишет.

Вот, собственно, и все, что касается дел, которые вы должны сделать, чтобы я поверил в то, что вы гарантируете суверенитет Республики Беларусь.

Повторю по пунктам:

— Вы объявляете, что не можете взять на себя весь груз ответственности за интеграцию с Россией и подписанные ранее союзные соглашения. Этот вопрос был и остается в компетенции народа Беларуси. Поэтому никакие ультиматумы со стороны России на вас не действуют.

— Все вопросы конституционного устройства страны и международных отношений не будут решаться президентом и депутатами в последний год их полномочий. Эти вопросы находятся в компетенции нового главы государства и нового парламента.

— Поскольку парламентских выборов в стране нет, депутаты назначаются и беларусский парламент не имеет международного признания, то сначала необходимо изменить государственное устройство, разработать новую Конституцию и уже после избрания высших органов власти по новой Конституции можно вернуться к тем вопросам, которые связаны с Союзным государством и предложениями Российской Федерации по интеграции.

— Для разработки и принятия новой Конституции созывается Учредительное собрание, делегаты которого наделяются полномочиями до принятия новой Конституции на всенародном референдуме, организация которого входит в обязанности Учредительного собрания.

— Пока Учредительное собрание работает над новой Конституцией (предельный срок этой работы может быть определен в четыре-пять лет), действующий глава государства временно продолжает исполнять свои обязанности.

— И вот в это отведенное вам для исполнения ваших обязанностей время вы можете запустить действительные реформы. Так вы войдете в историю Беларуси не просто как временно исполнявший обязанности главы государства, но хоть что-то действительно исполнивший.

Я понимаю, насколько трудно принять такой порядок действий, который я здесь кратко описал. Но вы подумайте! Игра стоит свеч.

Конечно, я не знаю, выдвинут ли вам уже ультиматум Кремлем. И тем более я не знаю его содержания, могу только догадываться, но не буду давать волю своей фантазии. Могу только предположить, что ультиматум может быть очень грубым и категоричным, с угрозой для вас лично.

Тогда все просто: уходите! Быстро и далеко, не оглядываясь.

Страна выживет и без вас. Будет трудно и тяжело. Но недолго. Недолго — и по историческим меркам, и по сравнению с той четвертью века, за которые вы так и не смогли вывести страну в процесс развития. Но пусть это вас не волнует, это уже будут не ваши проблемы.

Я не буду отправлять это письмо вам лично в администрацию. Мне совсем неинтересно получать формальную отписку по шаблону «об обращениях граждан», я заранее знаю, что там будет написано. Я просто опубликую его. Ведь вы и без меня, без этого письма знаете все, о чём я говорю. Я вас ничем не удивил, не открыл ничего нового. Это нужно знать не вам, а беларусскому обществу, гражданам Беларуси.

Но гражданам надо знать не только то, о чём я здесь пишу. Мне, нам, обществу, нации и стране надо знать, что вы собираетесь делать, чтобы предотвратить эти угрозы. Все остальные проблемы мы, народ, будем решать по мере поступления.

8 апреля 2019 года

***

Объясню основную идею открытого письма.

1. Процесс ликвидации независимого государства Республика Беларусь и инкорпорации Беларуси в Россию, или аншлюс, запущен и находится в активной фазе.

2. Определён механизм аншлюса — изменение конституции Республики Беларусь и разработка конституционного акта Союзного государства Беларуси и России.

3. В тексте новой конституции конституционному акту Союзного государства будет придан приоритет над конституцией, законы и решения Союзного государства будут обязательными для Беларуси без ратификации.

4. Порядок разработки конституционного акта и нового текста конституции делает эти тексты незаконными. Сам порядок нелегитимен, поэтому эти документы не могут иметь юридической силы.

5. Конституционный акт и конституция готовятся для придания видимости того, что аншлюс и ликвидация беларусской государственности законны. Сам же аншлюс будет проходить в форме поглощения обанкротившегося режима, практически коммерческая сделка.

6. Тексты конституционного акта и новой конституции по сути дела являются актами приёмки-передачи собственности и полномочий правящего в Беларуси режима и не затрагивают суверенитета народа и права нации на самоопределение.

7. Я не вижу политических и гражданских сил в стране, способных предотвратить действия по поглощению правящего режима де-факто.

8. Если аншлюс произойдёт в те сроки, которые косвенно указываются в разных источниках, то есть до конца этого года, то народ Беларуси, режим Лукашенко, режим Путина, всё

международное сообщество должны знать, что это незаконно, нелегитимно, юридически ничтожно.

9. Идею Учредительного собрания в ближайшие месяцы невозможно реализовать. Эта идея должна быть озвучена и принята как принцип. Никакие изменения в конституции, переписывание текста конституции не будут приняты народом Беларуси и признаны международным сообществом без созыва Учредительного собрания.

10. Всё, что сейчас делается в Беларуси по сценарию, написанному в Кремле, — пустая трата времени. Режим может сдать свои полномочия и значительную часть государственной собственности, уступая российскому давлению. Но всё это придётся вернуть и восстановить.

11. Учредительное собрание не предусмотрено в действующей конституции Республики Беларусь. Но это не должно нас останавливать. Созыв Учредительного собрания — это революция, то есть кардинальное изменение государственного строя. Но любой порядок изменения конституции — это изменение государственного строя, то есть тихая и маленькая революция. Ни одна революция не может быть прописана в законе или конституции. Учредительное собрание — мирный вариант революции. И единственно приемлемый.

Вот это я хочу донести до всех, кого это касается.

Это должен знать народ Беларуси, на суверенитет которого сейчас покушаются Путин и Лукашенко. Это должны знать Путин и Лукашенко. Они должны знать, что народ Беларуси это знает. И народ Беларуси должен знать, что об этом знают Путин и Лукашенко. Тогда все будут знать, что совершается преступление. И преступники будут знать, что они преступники.

О том, что мы можем делать в этих условиях в деморализованном и подавленном обществе, я расскажу позже.

***

Две основных цели информационной войны: дезинформация и деморализация противника.

Обе цели информационной войны против беларусского общества и нации успешно достигаются.

Про дезинформацию все знают и понимают.

А деморализация плохо осознаётся обществом и подвергшимся ей отдельными людьми.

Как бы ни назывались эффекты деморализации: стокгольмский синдром, выученная беспомощность, толерантность и пассивность, — люди с этим синдромом и выучившиеся быть беспомощными не видят этого в себе.

Наоборот, они принимают своё мнение за единственно разумное и ведут себя соответствующим образом — принимают зло и насилие как должное.

И агрессивно реагируют на каждое проявление «неразумного» с их точки зрения поведения. Любого, кто не боится, кто сопротивляется, люди с выученной беспомощностью считают личным врагом или просто глупцом.

А заражённые стокгольмским синдромом находят благовидные причины для насилия, даже в отношении самих себя.

Главная политическая ошибка в такой ситуации — не видеть и не понимать состояния деморализации общества и призывать его к активным действиям.

Реакция на моё открытое письмо демонстрирует все симптомы деморализации.

— Выученная беспомощность: «много букафф», «адресат не прочтёт, и я не буду», «всё и так знаем».

— Стокгольмский синдром: «он ленив», «он такой-то и такой», «у них всё схвачено», «тебя арестуют».

— Агрессия и обвинения в адрес автора.

Но есть и другие реакции. Это обнадёживает.

***

Снос крестов в Куропатах.

Преследование профсоюзов.

Лжеминирование торговых комплексов.

Обыск в офисе Белсата.

Спорадические аресты и задержание активистов.

Всё это очень важные события.

Каждое по отдельности.

Но ещё важнее все они в комплексе.

Каждое событие выглядит абсурдно. При размышлении и анализе каждого отдельного события невозможно обнаружить ни логики, ни прагматики.

Кажется, что власть сходит с ума и сама себе вредит.

Это совсем не так.

Все эти события являются звеньями одной технологической цепи. Это элементы одной гуманитарной технологии.

Все эти события НАМЕРЕННО задуманы и созданы.

Зачем?

В стране происходят ещё более важные процессы и события:

— запускается реактор на АЭС в Островце;

— строится аккумуляторный завод в Бресте;

— разваливается структура управления хозяйством на районном и областном уровнях.

Все эти важнейшие и опасные события теряются на фоне сознательно спровоцированных арестов, вандализма в Куропатах, давления на профсоюзы, ложные минирования.

Громкие события, сенсации, хайп — всё это призвано отвлечь внимание от важных событий, сделать их незначимыми.

Но самым важным процессом, который намеренно скрывается и умалчивается, является торг независимостью и суверенитетом страны.

Разделяй и властвуй!

Отвлекай внимание от важного, и никто тебе не помешает.

Вот такова простейшая технология дебилизации нации и общества.

Пока мы страдаем и переживаем, страну продают.

Я один это вижу?

Почему все отвлекаются на частности, пока творится фундаментальное преступление?

***

В политике вопрос «Что делать?» является риторическим.

Те, кто его задаёт, никогда не уточняют, о чём именно они спрашивают.

Вот что можно ответить на этот вопрос среднестатистическому обычному гражданину?

Что он вообще может делать в политике?

Может голосовать или не голосовать.

Ещё иногда может протестовать или не протестовать.

И это всё.

Поэтому на неконкретизированный вопрос «Что делать?» есть только два ответа в двух вариантах:

— голосуй/не голосуй;

— протестуй/не протестуй.

Власть говорит «голосуй», оппозиция говорит «голосуй», а я (и ещё несколько человек) говорю «не голосуй».

Поскольку «избирательная» кампания ещё не началась и за кого или против кого ещё не назвали, избиратель пока может выбирать между этими двумя вариантами:

«Голосовать — не голосовать».

Не за кого-то или против кого-то, а в принципе.

Поэтому на вопрос «Что делать?» есть простой и ясный ответ для каждого:

ВЫБИРАЙ! Голосовать тебе или не голосовать.

Я говорю — не голосовать!

А избиратель сам решает, кого слушать: власть, телевизор, газеты и оппозицию, которая в этом с властью заодно; или меня, Павла Усова, ещё нескольких.

Тысячи призывов зазывал и агитаторов против нескольких голосов разумных людей.

ВЫБИРАЙ, на чьей стороне ты!

Оппозиция говорит: «Протестуй»!

Тут я мог бы быть вместе с оппозицией. А власть об этом не говорит, она действует по принципу «Будешь протестовать — получишь!» Сутки получишь, штраф, унижение и насилие при задержании и проч. Это уже не протестующий выбирает, что он получит, это власть выбирает для него.

Тут главное — неотвратимость: протестуешь — получишь.

Но людей не это отвращает от протестов. Протесты идут то тут, то там. АЭС, Куропаты, аккумуляторный завод, Осмоловка. Всегда найдётся повод для протеста.

Люди перестали протестовать потому, что «протестуй не протестуй, всё равно получишь х-х-х… леба».

Люди устали просто протестовать, а как это делать не просто, а результативно, никто не рассказал.

Поэтому я и не могу поддержать «лидеров» оппозиции в их ответе: «Протестовать!»

Для эффективного протеста нужно, чтобы протестующие доверяли друг другу. Без доверия любой протест — детская забава.

***

Сейчас я скажу крайне непопулярную в оппозиционных кругах вещь.

Одним из первых решений широкой коалиции противников режима должен стать мораторий на уличные акции и демонстративные протесты.

Говорю это не потому, что считаю протесты чем-то недопустимым. Нет, протесты и акции необходимы.

Но протесты должны быть эффективными, действенными, результативными. Только действенные, результативные протесты имеют смысл. Неэффективные и нерезультативные протесты вредны.

Такие протесты деморализуют общество, они вызывают жалость к участникам, раздражение к организаторам и недоверие всех ко всем.

Эффективный протест отличается рядом характеристик:

— Количество. Это всем известно и понятно. О количестве все заботятся, а 100 000 на Площади — романтическая мечта политиков с 1996 года.

— Динамика. Количество не константа. Нет некой цифры, которая была бы достаточной. В одних ситуациях достаточно десятка участников, в других и миллиона мало. Протест эффективен тогда и только тогда, когда завтра будут протестовать больше людей, чем сегодня. То есть количество должно расти от этапа к этапу, иначе — поражение. Даже если на площади миллион, власти не пойдут на уступки, если будут уверены, что завтра на площадь выйдет не миллион, а 900 000. И задумаются, если будут знать, что, если не удовлетворить требования миллиона, завтра выйдет полтора миллиона.

— Упорство. Побеждает только тот протест, участники которого не собираются сдаваться и будут протестовать столько, сколько необходимо для победы. Упорство и динамика взаимно дополняют

друг друга и отчасти компенсируют. Упорные протестующие могут добиться успеха даже без большого прироста численности, главное — динамика не должна быть отрицательной. Если количество протестующих сокращается — шансов нет.

— Своевременность. «Сегодня рано, завтра поздно» — основной принцип стратегии протеста. Побеждает только тот протест, который проходит вовремя, не раньше и не позже. Выбор «часа С» — важнейшая задача лидеров.

— Выполнимость требований. Протесты «за мир во всём мире» — это симуляция. Нельзя требовать всего и сразу, нужно ограничиться двумя-тремя требованиями, а лучше — одним. Требования протестующих должны быть точными, ясными и конкретными, понятны и самим протестующим, и тем, кому они предъявляются. Иначе власти будут подбрасывать паллиативные решения или вовсе фиктивные.

— Требования должны содержать в себе потенциал для углубления и радикализации. Это чисто тактический ход. Власти должны быть уверены, что, если они сегодня не выполнят сформулированные требования, завтра протестующие будут ещё категоричнее и радикальнее.

— Готовность к компромиссам. Ситуация всегда меняется, иногда не в лучшую для протестующих сторону. Нужно быть готовыми получить хоть часть, если полная победа становится недостижимой.

— Доверие между протестующими, организаторами и переговорщиками. Если доверия нет, участниками протеста легко манипулировать.

Это ещё не всё, но уже достаточно.

Вот уже больше 20 лет ничего из этих условий не видно в протестах — поэтому нет ни побед, ни успехов, ни достижений. И год от года всё становится хуже — и по количеству, и по качеству.

Не буду напоминать историю последних двух десятилетий. Аудитория, к которой я обращаюсь, должна эту историю знать.

А вот пост-голодовку «Новой жизни»[5] имеет смысл напомнить. Я пошёл в эту акцию протеста, чтобы продемонстрировать

возможности разработанной мною тактики и стратегии. Мы вдвоём с Денисом Гилем добились того, чтобы все названные характеристики эффективного и результативного протеста были реализованы и исполнены. И мы победили.

Иначе и быть не могло. Власти были поставлены в безвыходные условия и выполнили все требования (два) в полном объёме.

Как это было, что делалось, несколько раз было описано и рассказано в 2007 году.

По этому поводу ещё одно лирическое отступление. Меня и раздражает, и обижает, когда меня начинают учить люди, ни разу не побеждавшие в протестных акциях и не организовывавшие их.

Ещё многие любят рекомендовать мне самому организовать партию или что-нибудь. Тоже мог бы научить кое-чему на примерах ОГП, Хартии 97, БХД, Национальной платформы.

Ну да бог с ними.

Итак, зачем нужен мораторий на уличные акты и протесты?

Именно для того, чтобы не позориться, не дискредитировать протестную активность и протестующих.

И для того, чтобы добиться общего понимания всего указанного, научиться эффективности, действенности и результативности.

И главное, достичь доверия между лидерами, идеологами, переговорщиками и протестующими — потенциальными участниками эффективных акций.

И всякий нарушитель моратория должен быть объявлен провокатором. Каковым он и будет — попом Гапоном, думаю, всем известен этот архетипический персонаж.

Мораторий на неподготовленные и нерезультативные протесты выполняет ещё одну важнейшую задачу. Но это уже не для широкой публики. Это можно обсуждать только в кругу пользующихся полным доверием людей.

Сейчас, увы, такого круга в стране не существует.

Пока достаточно.

Примечания

5 Осенью 2006 года прихожане церкви «Новая жизнь» объявили пост-голодовку в знак протеста против решения минской власти, которая лишила религиозную общину права пользования земельным участком. В. Мацкевич участвовал в голодовке 23 дня. Пост-голодовка завершилась отменой решения власти.

***

Если завтра аншлюс, если завтра в расход.

Про расход это я погорячился. В наш гуманный век сильно стрелять не станут — массово, во всяком случае. Новых Куропат, наверное, не будет. И депортаций насильственных тоже не организуют: сами уезжать будем, уже начали.

Ну, а всё же — если завтра аншлюс?

Работы комментаторам будет много. Самые лучшие из них доходчиво объясняют, что это было неизбежно, что иначе и быть не могло. Версии Шрайбмана и Дракохруста будут несколько различаться, но в основном объективный подход восторжествует, и мы все узнаем, что как есть, так есть.

Несколько отличившихся чиновников и генералов переведут в Москву с повышением, но не очень высоко. Дальше пусть крутятся там, как смогут.

Остальных будут «перетрахивать», как и «перетрахивали».

Бизнесмены будут делиться, как делились. Но уже не только с Минском, но и с Москвой. И претендующих на долю будет намного больше.

ПВТ разделят на три части: одну в Сколково, другую в Наукоград под Казанью, третьи уедут сами.

Военные пенсионеры с заполярными и надбавками за подвиги в Чечне, Южной Осетии, Крыму и Сирии снова поедут селиться в наши города и строить дачи.

Кандидаты в президенты 2010 года организуют правительство в изгнании № 2, и будут оспаривать приоритет у правительства БНР.

Что будешь делать ты?

Лишь бы не было войны! То есть пусть будет, но не тут. Нам хватит новых «цинковых мальчиков» из горячих точек, которых в любом Союзном государстве всегда в избытке. Придётся насыпать на Свислочи новый Остров слёз, лучше прежнего.

***

Что такое общественность?

Это же от слова «общество». «Общественность» — это какое-то свойство общества, отличное от «корпоративности», «стадности», «коллективности», «разрозненности» и других свойств.

Одно общество отличается высокой общественностью, а другое — маленькой общественностью.

А какова же степень общественности того общества, к которому я принадлежу?

Задумался об этом, читая обращение широкой «патриотической» общественности:

«Учитывая мнение широкой общественности и лидеров мнений, просим Вас в установленном порядке согласовать и вынести на уровень Высшего Государственного Совета Союзного государства, Президентов Республики Беларусь и Российской Федерации вопрос об...»

Как же одиноко человеку в обществе с низкой степенью общественности и, наоборот, с высокой степенью стадности или разрозненности.

***

В детстве меня впечатлил рассказ Анатоля Франса «Жонглёр Богоматери».

Я даже взял его за образец, решил, что в жизни я должен научиться делать хорошо хоть что-то. Долго не знал, что именно, но искал, пробовал, учился. Кое-чему научился и сейчас умею некоторые вещи делать хорошо. Правда, это редко востребовано. Но это очень важная жизненная установка.

Много позже в занятиях философией и методологией я понял другую, ещё более важную вещь:

Практика — это не поэзия и жонглирование, не отточенное умение.

Практика — это, когда нужно делать то, что нужно, а не только то, что умеешь.

Практика ставит задачи и проблемы здесь и сейчас и часто уникальные, такие, с которыми не сталкивался раньше и с которыми, может быть, не столкнёшься больше никогда.

В моей практике часто бывали ситуации, когда передо мной вставали задачи, которых я никогда не решал, и проблемы, с которыми никто никогда не имел дела.

Решая неизвестные мне задачи, я искал «жонглёра»: того, кто хорошо умел делать требуемое для решения задачи.

Ну а с проблемами приходилось справляться самому.

Я люблю «жонглёров», мастеров своего дела, с огромным почтением к ним отношусь.

Но они совершенно беспомощны там, где нужно делать то, чего они не умеют.

И я очень не люблю «жонглёров», которые жонглируют везде — даже там, где это совершенно бесполезно и неуместно, часто вредно.

В стране много хороших мастеров. Они отлично делают своё дело в стандартных ситуациях.

А мы живём в нестандартной стране.

И практика ставит перед нами проблемы, в которых отточенное мастерство жонглёров ничего не решает.

И всё же я их люблю. Без взаимности.

***

Откройте мне глаза на реальность!

Перескажу разговор, состоявшийся сегодня утром с политологом. Толковым, кстати, и рассудительным. Пересказ будет слегка утрированным, но точным.

Обсуждаем вероятность аншлюса и, естественно, моё открытое письмо.

Я упоминаю в беседе возражения одного известного человека, который начал с того, что назвал мою идею Учредительного собрания утопией.

Политолог, которому я это говорю, делает круглые глаза:

— О! Так вам кто-то уже сказал, что это утопия?

Тут уже я делаю круглые глаза:

— А вы думали, что первым мне сообщите эту истину? Кто только мне этого не говорил!

Это очень забавно, что самоочевидные банальности, которые автоматически приходят в голову множеству людей одновременно, даже очень разумные люди склонны принимать за собственные открытия, которые неизвестны другим.

Мне действительно очень многие попытались сказать — кто по-дружески, а кто со злорадством, — что созыв Учредительного собрания — это утопия, это нереально. Причём все говорили это с убеждённостью, что я-то как раз этого не знаю и не понимаю.

Не говорите мне этого больше!

Я знаю. **Да, Учредительное собрание — это утопия. Созвать его в современной Беларуси совершенно нереально.**

И поверьте, я это знаю лучше многих — не зря я 25 лет упорно и последовательно анализирую беларусскую реальность, работаю с политикой, НГО, бизнесом и другими системами деятельности.

Я знал это до того, как написал об этом. Да, это утопия, но это самая практичная утопия на сегодня.

Но провозглашение необходимости созыва Учредительного собрания имеет вполне практичную прагматическую цель.

Вот она:

Если мы ЗНАЕМ, что правильный и самый демократичный способ изменить конституцию и государственное устройство страны — это Учредительное собрание, то мы ЗНАЕМ и то, что любые потуги изменить конституцию и государственное устройство страны юридически НИЧТОЖНЫ.

Сегодняшняя анонимная «группа мудрецов», пишущая по заданию временно исполняющего обязанности главы государства некую «конституцию», — это сервильные мошенники, а сам он готовит очередной государственный переворот.

Общественный «конституционный комитет», предлагаемый профессором Пастуховым, может написать в лучшем случае «рыбу», полуфабрикат, но не конституцию.

Вот это нужно знать и помнить, усвоив концепт и идею Учредительного собрания.

Это ЗНАНИЕ и есть то главное, что содержится в идее Учредительного собрания, даже если оно никогда не будет созвано.

Я оставляю надежду, что когда-нибудь, в обозримой перспективе, это станет возможным, но в сегодняшней ситуации — это утопия.

Я знаю, что я делаю. Спасибо всем, кто открывает на реальность мои открытые глаза, учит уму-разуму и логике.

Поэтому напомню лозунг 1968 года:

«Будьте реалистами — требуйте невозможного!»

И да здравствует Учредительное собрание!

***

Самые разные люди убеждают меня, что не надо бояться аншлюса.

Ориентированные на Россию убеждают, что России это просто не надо.

Националисты убеждают, что Россия настолько слаба, что не потянет.

Индифферентные просто говорят, чтобы не дёргался и берёг нервы.

Да, я тоже не вижу в России силы поглотить Беларусь.

Да, я тоже знаю, что объективно России это не нужно.

Но это нужно Путину и некоторым реваншистским силам в его окружении.

И путинская Россия уже столько глупостей наделала, что надеяться на здравый смысл в её политике сейчас не приходится.

Я очень хорошо знаю все аргументы за и против аншлюса, поэтому исхожу исключительно из женской логики:

Аншлюс либо будет, либо не будет, 50% на 50%.

А поскольку цена такого сценария очень высока, то я не могу игнорировать вероятность в 50%. И в 10% не могу, даже в 2% не могу.

Меня очень беспокоит молчание: «О сути предложений Медведев не сказал ни слова. Официальный Минск также не комментирует полученные предложения».

Не к добру это!

И не волнуйтесь за мои нервы.

Волноваться нужно за страну.

Послесловие

Закончить текст труднее, чем начать. У меня накопилось много незаконченных текстов. О некоторых из них я ещё думаю, надеюсь закончить. Есть статьи, которые уже опубликованы в незаконченном виде, и непонятно, есть ли смысл их заканчивать. Например, большая статья «Москва должна быть разрушена». Я её начал и не закончил в 1998 году. Это текст про русский империализм и беларусскую независимость, я его писал в эпоху Ельцина, тогда мои размышления многим казались неправдоподобными и надуманными. В первые годы Путина уважаемые мною люди, прочтя этот текст, говорили, что теперь они играют совсем в другие игры. В последующие годы основная идея текста стала общим достоянием. Поэтому та статья представляет теперь только исторический интерес.

Но некоторые тексты я всё же мечтаю закончить. Хотя и понимаю, как это трудно. Ведь в текстах я размышляю. Размышление над большими вопросами может длиться очень долго. И нет никакой уверенности, что действительное размышление может привести к удовлетворительному понятному результату. Серьёзное размышление порождает больше вопросов, чем даёт ответов. Появившиеся вопросы в свою очередь начинают требовать ответов, приходится отвлекаться на размышление о них, и это уводит в сторону. И однажды начатый текст разветвляется в сеть, становится садом расходящихся тропок.

25 лет назад я написал и опубликовал частями и полностью «Беларусь вопреки очевидности». Там Беларусь формулировалась как философская и методологическая проблема. В определённом смысле все мои последующие статьи, книги, лекции, интервью, телепередачи — это продолжение идей и тем, заданных в той книге.

«Беларусь вопреки очевидности», известная ещё по подзаголовку одного из разделов «Думать Беларусь», поднимающая философскую

и методологическую проблему, — эта книга не закончена принципиально. Она формулировала проблемы, на работу с которыми требовались годы исследований, аналитики, проектирования, проигрывания и много другого. Причём нужны были годы не только моей собственной работы, но работы большого коллектива людей. И такие коллективы были.

Люди приходили и уходили, состав менялся. А я продолжал размышлять, исследовать, анализировать, проектировать и реализовывать идеи, заложенные тогда, 25 лет назад.

Такая работа предполагает длительность и интенсивность, систематичность и преемственность. И вот уже четверть века я живу в ритме еженедельного семинара.

Каждый четверг, в любую погоду, невзирая на кризисы, социальные потрясения, праздники, торжества и аресты, мы собираемся на методологический семинар. Были годы, когда четверговый семинар собирал десятки участников. Были периоды, когда состав сокращался до четырёх-пяти человек, из которых только двое-трое могли делать доклады и сообщения. Когда эти самые упорные мыслители исчерпывали свой наличный потенциал, безумно уставали, мы делали перерыв на месяц-другой.

Но в другие дни недели обычно проходили тематические семинары и практические рабочие группы. Днём мы работали, проводили исследования, что-то организовывали, проектировали, реализовывали, а по вечерам два-три дня в неделю занимались «разбором полётов», рефлектировали, критиковали, осмысляли то, что делали и сделали.

Я не знаю ни одной другой группы в Беларуси, в которой так долго продолжалась бы работа по одной теме, ни одной другой группы, которая работала бы столь интенсивно.

Знаю отдельных исследователей и интеллектуалов, которые годами, даже десятилетиями прорабатывают одну тему в одиночку. Последовательность, упорство, целеустремлённость таких людей не могут не восхищать. Чаще это учёные-предметники, историки, филологи, экономисты.

Знаю отдельные группы, которые интенсивно работают короткое время. Сам был участником нескольких таких групп. Например, была группа Бориса Пальчевского, Леонида Фридмана и Бориса Цитовича, которые в течение нескольких лет интенсивно работали над УМК — учебно-методическими комплексами в профессиональном и высшем инженерном образовании. К сожалению, их работа так и не была востребована в стране, хотя отдельные аспекты внедрялись в БНТУ, РИПО и АПО. Когда эта группа вышла на более широкие проблемы реформирования образования, им потребовалась методология, они пригласили меня, и мы работали с переменным составом участников с 1993 года до конца 1990-х. Сначала я приезжал из Москвы и проводил семинары, а потом обосновался в Минске навсегда. Последней работой этой группы было исследование функциональной грамотности в стране, оформившееся в доклад для ЮНЕСКО и в концепцию реформы образования.

В 1999 году Владимир Абушенко вовлёк меня в работу над «Новейшим философским словарём» — пока его составитель и вдохновитель Александр Грицанов сидел в тюрьме. Втроём мы работали несколько лет, пока наши взгляды и пути не разошлись окончательно.

Было ещё несколько групп и семинаров с достаточно интенсивным режимом работы, но все они проходили параллельно нашему методологическому семинару, как бы сопровождая его.

В методологическом семинаре зарождались идеи, которые затем воплощались в различных проектах и организационных инициативах. Так в семинаре первого состава, который мы называем АГТ-1 (Агентство гуманитарных технологий), были задуманы телепередача «Проспект», которую делал Павел Шеремет, работавший и в аналитической группе АГТ, и в частной телекомпании ФИТ, а затем ещё два телепроекта.

В том же АГТ-1 задумывалось движение, которое затем стало известно как «Хартия 97», и один из её проектов — Народный университет. Реализация замысла не всегда соответствует самому замыслу. С «Хартией 97» вышел самый большой прокол. Но такой

замысел невозможно было реализовать силами участников семинара, а политики, подключившиеся к реализации замысла, не собирались учитывать семинарские наработки. В результате получилось совсем не то, что задумывалось. К первоначальному замыслу пришлось вернуться через 10 лет уже совсем в других условиях.

На базе государственной Академии последипломного образования силами семинара была организована и запущена программа переподготовки менеджеров образования. Она была задумана как подготовка кадров для будущей реформы образования. Программа действовала почти пять лет. В неё были вовлечены несколько институтов. Но после идеологического совещания у президента в 2003 году была принята контрреформаторская политика, направленная на уничтожение всего живого и осмысленного в сфере образования. Формально переподготовка менеджеров образования была сохранена, но программа в неё была заложена уже совсем другая, и всех, кто начинал эту программу, просто вытеснили из государственных учреждений навсегда.

Можно привести ещё некоторые примеры начатых и незавершённых проектов и программ.

Так что не только тексты бывают недописанными, но и практические действия бывают недоделанными.

Понятно, что большинство замыслов и проектов шло и идёт в разрез с политикой, подходами и принципами существующего в стране режима. На запреты, репрессии и помехи со стороны властей можно списать многое, объяснить неудачи и неуспехи. Но это будет очень большим заблуждением. Многие начинания угроблены не властями, не режимом, а самими участниками, теми людьми, которые самоопределяются в оппозиции к режиму и в гражданском обществе. Об этом как-нибудь в другой раз.

Этот текст начинался с вопроса «Где должен быть философ в той или иной ситуации с учётом своих собственных установок и внешних обстоятельств?» Поэтому, заканчивая этот текст волевым

решением, я должен хоть как-то ответить на этот вопрос. Почему волевым решением? Да потому, что поиски ответа на этот вопрос не закончены. И потому, что само место хоть и найдено, но не закреплено, оно свободно плавает в некоем пространстве или среде или мерцает. Вроде бы есть, и вроде бы нет. Поэтому заканчивается текст, но не поиски ответа, не поиски и организация места философа.

Для оформления окончания текста нужно разбить возможный ответ на несколько разных модальностей:

— Общий, универсальный ответ. Место абстрактного философа в Беларуси, которое подходило бы и мне, и Валентину Акудовичу, и Татьяне Щитцовой, и Льву Кривицкому — любому философу.

— Конкретный, экземплифицированный ответ. Моё собственное место, место в философии, место в Беларуси.

Мне, естественно, крайне неприятно слышать от Светланы Алексиевич категорическое заявление об отсутствии философии в Беларуси. Я могу пытаться ей возражать.

Но как? Могу ли я дать общий, универсальный ответ? Пожалуй, нет. Если я буду называть имена Акудовича, Щитцовой или покойных Грицанова, Абушенко, Фурса, мне всё равно придётся возвращаться к универсалиям и подводить конкретных персонажей с их текстами под категорические требования Алексиевич. И я не смогу этого сделать со всей искренностью. Скорее я сам соглашусь с её констатацией.

Ещё хуже, если я буду отвечать по второму варианту, примерно так: «Как же нет в Беларуси философии, если есть я!» В этом случае меня догонит метафизика Акудовича: его тезис к «Мяне няма» распространяется и на меня тоже.

И всё же я буду отвечать и обосновывать ответы — и общий, и конкретный.

Арамаис Миракян определил мне место: «Філосаф, метадолаг, чалавек, які адначасова ўсюды і нідзе».

Арамаис склонен к поэзии, красиво сформулировал.

Это напомнило мне другое поэтическое высказывание: один из философов определял Вселенную как круг, центр которого везде, а окружность (граница, конец) — нигде.

Что ж, это хоть и поэтично, но эвристично и креативно — уподобить философа и Вселенную.

Если не сам философ, то целостная философия, им созданная, отчасти и есть Вселенная, точнее, её картина или модель.

Правда, для того чтобы так было, философ должен состояться.

А как философу состояться, не имея своего места в социуме, в стране, в мире, во Вселенной? Причём места во Вселенной всем хватит, но это не гарантирует места в стране.

Вот я ещё не закончил поиски своего места или создание такового, я даже популярный текст об этом никак не могу закончить.

Тут ещё такой аспект имеется.

Не всем и не каждому приходится самому искать себе место и самому создавать своё место. Подавляющему большинству людей место в жизни уготовано.

Место человеку задают и определяют другие: общество, государство, семья, школа, карьера, обстоятельства.

И многие люди довольствуются теми местами, которые им отведены, предуготованы, определены.

Есть немногие, которые не довольствуются отведёнными им местами и стремятся попасть в места покомфортнее, попрестижнее. Такие места, как правило, уже заняты, и за них приходится биться. Разными способами и средствами.

Редкие люди создают себе место сами.

Даже self-made-man — человек, создающий-себя-сам.

Создать самого себя — та ещё задача. Но можно создать себя под имеющееся место в обществе: место учёного, место писателя, место предпринимателя, место политика.

Бывает, что эти места занимают серые люди, но всё же эти места предназначены для сэлфмейдменов (и вуменов, разумеется).

С философом сложнее.

Есть в социуме места, помеченные шильдой — «философ». Например, преподаватели философии. И эти места с удовольствием и энтузиазмом занимают некоторые люди.

Но это ловушка, обманка. Эти места обязывают совсем к иному, чем к тому, чтобы быть философом и состояться как философ.

Я вредный человек. В своё оправдание могу сказать только одно: трикстер иным быть не может. Я философ-трикстер. И на сегодня единственный в стране в этом статусе.

Пока достаточно того, что мне сегодня сказала одна разумная женщина: «Вы выбиваете их из зоны комфорта».

Кого их? Ну, кто читал мои последние тексты не только в «Фейсбуке», сообразит.

А вот ещё про «них» меня уже тут спрашивают:

«Но мне цікава, аб чым думае тая большасць, што ўступае з вамі ў палеміку па сутнасці ўзнятых пытанняў, а не толькі па стылі ці аб'ёму тэксту. Ці ёсць у іх сваі, іншыя, лепшыя ідэі?»

Ну, правда, есть ли у них свои идеи?

Я-то думаю, что нет. Но это же IMHO!

Это моё сугубо личное мнение.

Мнение философа с вредным характером.